



Кубанский государственный университет

Научный журнал

**ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

Scientific Journal

**SOUTH-RUSSIAN JOURNAL
OF SOCIAL SCIENCES**

Том 23 · 2022 · №1

Южно-российский журнал социальных наук

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. 20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору с сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «АРЗИ» Э46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-96-27

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционная коллегия

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Мкртчян А.Е.**, д-р филос. наук, проф., Ереванский ГУ, Армения; **Малинова О.Ю.**, д-р филос. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики», Россия; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ «Высшая школа экономики», Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, доц., ЮФУ, Россия; **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия; **Янчук В.А.**, д-р психол. наук, проф., Белорусский ГУ, Беларусь.

Редакционный совет

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дэшауэр К.**, проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Насимова Г.О.**, д-р полит. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Ротт С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корр. РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

Верстка: Хрипков Д.А. **Технический редактор:** Русия Н.Т.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: политические науки – 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; социологические науки – 22.00.04; психологические науки – 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

Эл. адрес:

journal@manag.kubsu.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70×100 1/16. Печать цифровая. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Гарнитура PT Serif. Цена свободная. Подписано в печать 30.07.2022. Выход в свет 7.11.2022.

Уч.-изд. л. 14,66. Усл. печ. л. 12,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 5072

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Том 23 · 2022 · №1

Содержание

Публичная политика

Политика развития зеленой экономики: состояние, тенденции, перспективы 6
М. В. Терешина, М. В. Онищенко

Проектный подход в государственной молодежной политике РФ:
институциональные практики и потенциал развития 26
И. В. Мирошниченко, Л. А. Шпиро, К. А. Федоренко

Информационная повестка для молодежи в социальных сетях в период выборов
депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва 48
А. И. Соколов, Е. Д. Гребенко

Политические институты и процессы

В поисках «китайского вируса»: мифонаративы западной синофобии в период
пандемии COVID-19 63
С. П. Поцелуев, Мэн Юйфэн

Политика идентичности

Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне. 81
Н. Т. Русия

Психология личности

Активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности
в условиях системного жизненного кризиса. 96
Б. А. Ясько, Н. В. Омельченко, Е. С. Бабичкова

Флуктуации субъектности личности в контексте феноменов беспомощности
и преодоления 114
В. В. Шиповская, А. Ш. Гусейнов

Самоорганизация систем личностного позиционирования в пространстве
со-бытийности 133
С. Н. Петросьян, З. И. Рябикина

К сведению авторов 146

Порядок приёма и рецензирования рукописей 153

South-Russian Journal of Social Sciences

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФС77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The Editorial Board's opinion may differ from the authors' opinion.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199627

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Board

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyge State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Olga Yu. Malinova**, Dr. Sci. (Philosophy), National Research University Higher School of Economics, Russia; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Assist. Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Vladimir A. Yanchuk**, Dr. Sci. (Psychology), Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Editorial Council

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Institute of Psychology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Computer Layout: Dmitry A. Khripkov. **Editorial Assistant:** Natella T. Rusiya

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: political sciences - 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; sociological sciences - 22.00.04; psychological sciences - 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

E-mail:

journal@manag.kubsu.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 23 · 2022 · Iss. 1

Contents

Public Politics

Green Economy Development Policy: Status, Trends, Outlook 22
by M. V. Tereshina, M. V. Onishchenko

The Project Approach in Russian State Youth Policy: Institutional Practices
and Development Potential. 42
by I. V. Miroshnichenko, L. A. Shpiro, K. A. Fedorenko

Information Agenda for Young People on Social Network Sites During the Election
of Deputies of the State Duma of the Russian Federation of the VIII Convocation 60
by A. V. Sokolov, E. D. Grebenko

Political Institutions and Processes

In Search of the “Chinese Virus”: Mythonarrativas of Western Synophobia During the
COVID-19 Pandemic 78
by S. P. Potseluev, Meng Yufeng

Identity Politics

Personalist Images in Identity Politics at the Local Level 92
by N. T. Rusiya

Psychology of Personality

Activation of the Emotional-Value and Regulatory Spheres of Personality in Conditions
of a Systemic Life Crisis 111
by B. A. Yasko, N. V. Omelchenko, C. S. Babichkova

Fluctuations of Personality Subjectivity in the Context of Helplessness and Overcoming. . . 128
by V. V. Shipovskaya, A. Sh. Guseinov

Self-Organization of Personal Positioning Systems in the Space of Co-Existence 145
by S. N. Petrosyan, Z. I. Ryabikina

Information for Contributors 152

Procedure for Receiving and Reviewing Manuscripts 153

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. Терешина, М. В. Онищенко

Мария Валентиновна Терешина

Эл. почта: mwstepanova@mail.ru. ORCID 0000-0001-8982-5831.

Максим Валерьевич Онищенко

Эл. почта: onischenkomax@mail.ru. ORCID 0000-0002-4750-4535.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.

Аннотация. Исследование расширяет предметное поле дискуссии о перспективах зеленой экономики как одного из наиболее популярных в настоящее время концептов политики развития на глобальном уровне и на уровне различных стран. В качестве теоретического основания исследования состояния, тенденций и перспектив политики развития зеленой экономики была принята концепция устойчивого развития. Институциональная специфика национальных моделей анализировалась на основе методологических принципов неинституционального подхода с помощью методов кейс-стади, анализа документов международного и национального уровней, а также анализа электронных ресурсов, позиционирующих деятельность различных субъектов политики развития зеленой экономики. Авторами предложена объяснительная модель политики развития зеленой экономики, выделены ее основные характеристики, а также структурные и процессуальные компоненты. На основании эмпирического осмысления состояния и тенденций политики развития зеленой экономики в различных странах выделено и проанализировано несколько национальных моделей (китайская, американская, европейская и российская), критериями для дифференциации которых стали доминирующая роль определенных субъектов и комплекс институциональных механизмов, определяющих их включенность в процесс выработки и реализации политического курса и решений в данной сфере. Авторы приходят к выводу, что характеристики национальных моделей политики развития, а также сроки и последовательность зеленых политических реформ, во многом определяют не только их результаты в разных национальных контекстах, но и глобальные перспективы зеленой экономики как основы преодоления угроз «общества риска» и тесно связаны с вопросами политической, экономической и социально-культурной трансформации.

Ключевые слова: политика развития, зеленая экономика, устойчивое развитие, «зеленый переход».

Введение

Нарастающая хаотичность и турбулентность политических и социально-экономических процессов, присущие современному миру, обусловили поиск новых моделей политики развития, наиболее известной из которых стала зеленая экономика, обещающая повышение эффективности производства и доходов населения и создание богатства за счет структурных изменений при одновременном сокращении чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и улучшении состояния окружающей среды. Зеленый дискурс, таким образом, имеет стратегическое значение в трансформации политических тезисов о необходимости экологических ограничений в тезисы о «зеленых возможностях» (Bowen, Fankhauser, 2011) и обладает значительным потенциалом для преодоления внутренних противоречий при разработке национальных, региональных и международных планов устойчивого развития. Более того, некоторые исследователи полагают, что зеленая экономика становится новой ведущей стратегией в политическом дискурсе, подобно концепции устойчивого развития, продекларированной в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

(Brand, 2012). Однако потенциал выгод зеленой экономики не материализуется автоматически, а характеристики национальных моделей политики ее развития, сроки, последовательность зеленых политических реформ и их результаты в разных национальных контекстах далеко неоднозначны.

Научное осмысление состояния и тенденций политики развития зеленой экономики имеет важное значение, поскольку позволяет определить теоретические основания для ее объяснительной модели, расширить концептуальные рамки исследований ресурсов развития и выявить некоторые перспективы в рамках различных национальных контекстов.

Степень научной изученности проблемы

Концепт зеленой экономики как основы политики развития, заложенный классическими работами экономистов-экологов Д. Пирса, А. Маркандии, Э. Барбье и Р. Костанзы (Pearce, Markandya, Barbier, 1989; Pearce, 1992; Costanza, 1991), долгое время развивался в традиционном русле экономической науки, но в настоящее время получил широкое отражение в различных исследовательских направлениях, фиксируясь на различных политических (Wiesmeth, Vashko, 2021; Carter, 2018; Fairbrass, Vasilakos, 2021), экономических и социальных (Legun, Keller, Carolan, Bell, 2020) аспектах.

В работах Wanner (Wanner, 2014) зеленая экономика рассматривается как «пассивная революция», в ходе которой неолиберальный капитализм приспосабливается к имманентно присущим ему кризисам. В целом есть убедительные признаки того, что экологическая трансформация и глобальной, и национальных экономик ускоряется, в том числе за счет «самоусиливающейся коэволюции институциональных и технологических изменений, влияющих на структуру промышленности» (Nelson, 1994), и расширения международной координации. Технологические изменения все чаще направляются на более экологичные решения, а политические стимулы помогают ускорить их распространение. При этом, несмотря на доминирующую идею о необходимости нового зеленого перехода, дискуссии о типах экономической и социальной реорганизации, необходимых для достижения экологической устойчивости, сокращения выбросов, социальной справедливости и стабильной экономики, продолжают. В частности, в ряде публикаций (McAfee, 2014), посвященных разворачиванию зеленой повестки в современном политическом поле, прослеживается достаточно аргументированный скепсис, связанный с реализуемыми на национальном уровне стратегиями и их результатами. Анализ литературных источников и эмпирических исследований, проведенных в разных странах, позволяет сформулировать важные для нашего исследования положения.

Прежде всего, зеленая экономическая модель не может рассматриваться как абсолютное благо, поскольку политика зеленого перехода неизбежно сопровождается издержками демонтажа старых и конструирования новых институтов. Аллокация этих издержек неравномерна как между различными социальными группами, так и между странами (Barbier, 2020; Arze del Granado, Coady, Gilligham, 2012). Реализация политики развития зеленой экономики может осуществляться в известной мере избирательно в одних отраслях и регионах, формируя негативные экстерналии для других (Brand, 2015).

Несмотря на общность целей и конгруэнтность механизмов, используемых в большинстве национальных политик развития зеленой экономики, необходимо

учитывать политическую, экономическую, социальную и культурную специфику в формировании национальных моделей, без чего политические стратегии не могут быть успешными (Порфирьев, 2021). Следует также исходить из таких страновых особенностей, как обеспеченность «зелеными» и «коричневыми» ресурсами, сложившийся уровень технологической сложности и инновационности бизнеса и инфраструктуры, а также баланс расстановки политических сил поддержки и противодействия зеленой политике.

Политика развития зеленой экономики не дает моментальных результатов, чем длиннее рассматриваемый временной горизонт, тем более перспективной она представляется. В этом смысле важен поиск компромисса между текущим и будущим благополучием, между политическими стратегиями стран «первопроходцев» и «запаздывающих» (Pegels, Altenburg, 2020). Имея достаточную свободу действий для выбора приоритетов и инструментов политики развития зеленой экономики, национальные правительства вполне способны трансформировать рамочные условия в конкретные экономические возможности, при этом определение сроков и последовательности зеленых политических реформ имеет определяющее значение.

На основании сказанного можно предположить, что дальнейшее исследование политики развития зеленой экономики и последствий ее реализации позволит расширить дискуссию и стимулировать изучение новых возникающих аспектов в разных национальных контекстах.

Методология исследования

В качестве теоретического основания исследования политики развития зеленой экономики была принята концепция устойчивого развития как сбалансированного процесса изменений социального, экономического и экологического порядка, нацеленного на повышение качества жизни настоящих и будущих поколений (Бобылёва, Кирюшина, Кудрявцева, 2019).

Институциональная специфика в национальных моделях политики развития зеленой экономики определялась на основе методологических принципов неинституционального подхода, при котором институциональный дизайн рассматривается как совокупность существующих формальных и неформальных практик, включающих деятельность субъектов, осуществляемых на основе комплекса институциональных механизмов, интегрированных в процесс инициации, выработки и реализации политики развития зеленой экономики.

Для исследования национальных моделей и институционального дизайна политики развития зеленой экономики использовались методы кейс-стади, традиционного анализа документов международного и национального уровней, устанавливающих приоритеты и задачи политики развития зеленой экономики, а также метод анализа электронных ресурсов, позиционирующих деятельность различных субъектов политики развития зеленой экономики.

Объяснительная модель политики развития зеленой экономики

Под политикой развития зеленой экономики мы понимаем направление современной публичной политики, целью которого является создание институциональных условий для достижения инклюзивного благосостояния и социальной справедливости при значительном снижении экологических рисков на основе сетевого взаимодействия акторов в многоуровневой системе публичного управ-

ления. Таким образом, характеристиками политики развития зеленой экономики становятся многоуровневость, межсекторальность (Kemp, Schot, Hoogma, 1998) и полисубъектность (Jänicke, 2008).

Сетевизация политико-управленческой среды развития зеленой экономики объективно связана с созданием новых сетевых структур, изменяющих формат связей между акторами в современных национальных и глобальных политических системах. Информационно-коммуникационные технологии, пронизывающие и во многом определяющие структуру коммуникаций, обуславливают публичный характер принятия решений, что ведет к появлению новых форм политической субъектности и гибридных форм политических институтов. Поскольку в политико-управленческий процесс развития зеленой экономики включаются задачи, которые нельзя отнести исключительно к традиционным вопросам охраны окружающей среды, то увеличивается круг акторов политики зеленой экономики, а взаимодействие между ними на разных уровнях активно институциализируется.

По определению ЮНЕП, зеленая экономическая модель предусматривает экологическую трансформацию в 10 основных секторах: сельском хозяйстве, отоплении и освещении зданий, энергоснабжении, рыболовстве, лесном хозяйстве, промышленности, транспортном секторе, управлении отходами, водном и энергетическом секторах. Рамочная программа политики зеленого роста, разработанная OECD (OECD, 2011) в 2011 г., включала три основные категории: создание благоприятных институциональных условий для развития зеленой экономики, механизмы актуализации политики и непосредственно инструменты политики. Полисекторальность структуры зеленой экономической модели, значительная взаимозависимость применяемых механизмов и инструментов от экономических и ресурсных возможностей определяют асимметричность и асинхронность динамики развития политики зеленой экономики как в различных странах, так и в различных секторах. В границах каждого сектора складываются определенные политико-управленческие подсистемы, характеристики которых могут значительно отличаться. Хотя большинство из них представляют собой институциональные инновации, а не эволюцию существующих институтов, они способны изменять общий институциональный ландшафт за счет создания соответствующих стимулов.

В число субъектов формирования политики развития зеленой экономики входят государство, политические партии и общественные организации, а также бизнес-структуры (см. таблицу). Характеристики национальных моделей политики развития зеленой экономики во многом связаны со степенью включенности различных субъектов в процесс формирования политики и полнотой выполняемых ими функций.

Центральная роль государства в формировании политики развития зеленой экономики подчеркивается большинством экспертов и исследователей (Carter, 2018; ESCAP, 2012). Государство в лице политического руководства страны, органов государственной власти и местного самоуправления, будучи наиболее ресурсным субъектом политики, имеет возможность управлять всем институциональным циклом политики развития зеленой экономики. Создание режима государственного регулирования, основанного на сильной политической воле и поощряющего развитие экологических отраслей и технологий, формирование необходимой инфраструктуры, проведение институциональных реформ в действующих системах управления, преодоление институциональной изолированности создаваемых

Структурные компоненты политики развития зеленой экономики

Structural Components of Green Economy Development Policy

Субъекты политики развития зеленой экономики	Основные функции
Государство	Интеграция зеленой повестки в национальный публичный дискурс, определение стратегических приоритетов, формирование нормативно-правовых рамок, разработка планов, программ, координация и интеграция деятельности всех субъектов политики, кооперация ресурсов, выбор и реализация инструментов политики, анализ, мониторинг и оценка результатов, преодоление институциональной изоляции политики развития зеленой экономики от других видов политики
Научно-экспертное сообщество	Агрегирование и аналитическое обобщение научных данных, генерация знаний для стратегических направлений развития зеленой экономики, научное обоснование модели политики развития зеленой экономики, формирование кадрового потенциала для обеспечения структурной перестройки экономики с учетом перспектив и результатов политики зеленого развития; формирование индивидуальных и организационных зеленых компетенций; информационная и экспертно-консультационная поддержка деятельности в области зеленой экономики
Бизнес-структуры	Формирование инвестиционного спроса на зеленые технологии, товары и услуги, формирование рынков экологических товаров и услуг, участие в выработке нормативных основ и реализации зеленых норм и стандартов, экологическая модернизация процессов производства, лоббирование значимых направлений политики зеленого роста, масштабирование наиболее успешных зеленых бизнес-практик, формирование зеленых предпринимательских и кадровых компетенций, создание зеленых рабочих мест, формирование нового качества бизнес-этики
Общественные организации	Создание общественного запроса на экологические принципы в процессе принятия политических решений, формирование и продвижение зеленого дискурса в публичном поле, формирование и мобилизация общественного мнения, создание сетей сотрудничества на международном, национальном и региональном уровнях, контроль и общественная оценка экологически значимых государственных и корпоративных решений
Политические партии	Политическое представительство интересов сообществ в развитии зеленой экономики, продвижение зеленого курса на уровне законодательных императивов, влияние на политическую, общественную и медийную повестку

и существующих институтов, активная интеграция зеленой повестки в финансовую, информационную, социальную, образовательную политики для обеспечения стратегической ясности видения целей — задачи, которые могут быть успешно решены исключительно органами государственной власти.

Традиционно научное сообщество играет важную роль в формировании политического дискурса зеленой экономики и развитии общетеоретических и прикладных аспектов реализации политики зеленого роста. Во многом благодаря научным исследованиям сформировались и были имплементированы в национальную статистику системы эколого-экономического учета, позволяющие лицам, принимающим решения, адекватно оценивать степень прогресса на пути к устойчивому развитию.

Именно резонансные экспертные доклады (в частности, «Экономика климатических изменений» (Stern, 2007) в 2006 г. и др.), определили новый фокус политики развития зеленой экономики, связанный с климатическими изменениями и спровоцировали экспоненциальный рост исследований и публикаций в этой области. Достигнутый в научном сообществе консенсус о необходимости зеленого перехода, появление новых прикладных направлений исследований служит чрезвычайно мощным фактором для формирования политики развития зеленой экономики.

Роль бизнеса в политике развития зеленой экономики кардинально отличается от той пассивной роли, которую бизнес-структуры исполняли в рамках реализации традиционной экологической политики. Так, в письме крупных европейских нефтяных корпораций РКИК ООН, озвученном в ходе подготовки к переговорам по климату в Париже (2015 г.) было сказано: «...Обращаемся к правительствам всего мира с просьбой предоставить нам четкие, стабильные, долгосрочные и амбициозные рамки политики... Мы считаем, что цена на углерод должна быть ключевым элементом этих рамок» (WGEO, 2018).

Фактически бизнес превращается в одного из главных благополучателей результатов политики зеленого развития и в то же время в одного из основных реципиентов рисков, связанных с этим процессом. Очевидно, что стимулы и риски бизнеса из разных отраслей и даже разных организационных форм участия в зеленом переходе могут существенно отличаться. Однако существуют общие тренды, связанные с имплицитными особенностями модели зеленой экономики, которые способствуют включенности широкого спектра бизнес-структур в реализацию политической зеленой повестки. К ним относятся: создание конкурентных преимуществ на новых рынках, снижение рисков волатильности цен на сырье благодаря диверсификации источников ресурсов, повышение лояльности клиентов, предъявляющих спрос на экологические товары и услуги. Необходимость наращивания ресурсов влияния на принятие политических решений в сфере развития зеленой экономики стимулирует процессы интеграции бизнес-структур, создание соответствующих национальных и международных ассоциаций, гибридных структур, партнерами которых являются не только корпоративные игроки, но и органы государственной власти, а также некоммерческие организации.

«Зеленые» политические партии являются важным субъектом политики развития зеленой экономики, которые отражают в системе политического представительства интересы сообществ, ориентированных не только на решение глобальных и национальных экологических проблем, но и на продвижение зеленого курса на уровне законодательных императивов. С начала 1970-х гг. партии зеленых активно

представлены в партийном спектре европейских стран (Talshir, 2002). Их широкая электоральная поддержка в значительной степени связана с активизацией экологической составляющей в политической, общественной и медийной повестке, ростом региональных и локальных экологических социальных движений, имеющих развитую сетевую структуру с высоким уровнем включенности граждан, а также смещением фокуса в политических ориентациях среднего класса — основной электоральной группы в англосаксонских и европейско-континентальных политических системах — на постматериальные ценности.

Рекордное увеличение количества экологических общественных организаций в последние годы и наращивание ими ресурсов влияния на принятие решений в политике развития зеленой экономики стимулировали переход от режима иерархического управления, доминировавшего во многих странах до 2000-х гг. к сетевым (Driessen et al., 2012; Hegger, Runhaar, Laerhoven, Driessen, 2020) (интерактивным, совместным) режимам. И хотя состав акторов полицентрического режима управления в политике развития зеленой экономики гораздо шире, именно экологические общественные организации способствовали активному сотрудничеству органов государственной власти с заинтересованными сторонами. Постановка целей политики развития зеленой экономики в основном остается на национальном или глобальном уровне, тогда как их реализация обсуждается в рамках сетей заинтересованных сторон. Открытость этих сетей варьируется между открытыми и закрытыми подходами к совместному управлению (Arnouts, Van der Zouwen, Arts, 2012). ЭкоНПО, поддерживая тесно и прямо взаимодействие с гражданами, способны развивать перспективную динамику их вовлечения, мобилизации и активизации социальной структуры общества в экологически релевантном направлении, а также эффективно и творчески использовать различные виды ресурсов для достижения своих целей (Herranz, 2007). В целом экологические общественные организации пользуются поддержкой и общественным авторитетом, хотя иногда и подвергаются критике относительно моделей и прозрачности финансирования, качества распространяемой информации, а также методов и инструментов деятельности.

Степень включенности различных субъектов в процесс выработки и реализации соответствующих решений на государственном и локальном уровнях в национальных контекстах обеспечивается комплексом институциональных механизмов:

- законодательных (системы нормативно-правовых актов, создающих условия и оказывающего регулирующее воздействие на деятельность различных субъектов политики развития зеленой экономики и граждан, а также национальные и региональные зеленые стратегии и планы);
- структурно-организационных (различные формы межсекторного партнерства, объединяющего в рамках зеленых проектов государственных субъектов, частный бизнес, некоммерческие организации, экодобровольцев и экоактивистов);
- финансовых (создание специальных институтов и фондов зеленого развития, эмиссия зеленых облигаций, налоговые преференции);
- информационно-коммуникативных (механизм корпоративной социально-экологической ответственности);
- информационно-аналитических (зеленые рейтинги, информационные ресурсы неправительственных организаций, решать эколого-просветительские задачи, экспертные площадки для обсуждения значимых экологических проблем).

Тенденции развития политики зеленой экономики в национальных моделях

Структурные и процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики определяют контуры архитектуры и тенденции развития национальных моделей. Несмотря на задаваемые на международном уровне рамки, которые хорошо представлены в руководствах различных международных организаций, разнообразие национальных моделей объективно связано с уже имеющимся заделом в таких областях, как политика устойчивого развития, управление окружающей средой и деятельность в области изменения климата, с объективной степенью остроты экологической проблематики и субъективным восприятием ее в общественном сознании, общим уровнем социально-экономического развития, институциональным и ресурсным потенциалом, форматом политического взаимодействия между субъектами политики развития.

Влияние уровня социально-экономического развития носит противоречивый характер и может быть как движущей силой, так и барьером для выработки политики. В развитых странах экологические блага имеют субъективно более высокую оценку, что во многих случаях объясняется их редкостью. Заинтересованность стран — крупных импортеров энергоресурсов в альтернативных источниках энергообеспечения также усиливает стимулы к выработке и реализации ими политики зеленой экономики. Богатые природными ресурсами страны с обширной территорией и высоким потенциалом внутреннего рынка не столь строго ограничены в своем развитии экологическими лимитами.

Страны, столкнувшиеся с рисками экологической опасности и необходимостью немедленного реагирования на высокую степень загрязнения окружающей среды, ограничивающую экономическое и социальное развитие, демонстрируют более сильную приверженность зеленому политическому курсу.

Сложившийся формат взаимодействия между субъектами политики развития зеленой экономики определяет масштабы практики этого процесса и значительно влияет на его результаты.

Среди зарубежных стран, входящих в топ-5 крупнейших экономик мира (Dimitropoulou, 2022) и во многом являющихся конкурентами в глобальной политике, активно продвигающих зеленую повестку, можно выделить несколько моделей политики развития зеленой экономики, критериями для дифференциации которых служат доминирующая роль определенных субъектов и комплекс институциональных механизмов, определяющих их включенность в процесс выработки и реализации политического курса и решений в данной сфере.

Так, Китай в течение последних четырех десятилетий демонстрировал высокие темпы экономического роста, сопровождавшиеся серьезным нарастанием экологических проблем. Сильная зависимость экономики от ископаемых источников энергии с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, на которые приходится 70–80% от общего потребления энергии, огромные потери ресурсов, в том числе из-за устаревшей инфраструктуры, сделали Китай главным эмитентом выбросов парниковых газов в мире. Бесперспективность такого неустойчивого типа развития была официально признана китайским правительством, которое с 2006 г. проводит политику «институционализированного протекционизма» (Hamdouch, Depret, 2012) зеленой экономики. В результате сложилась централизованная модель политики развития зеленой экономики с государственным доминированием.

Анализируя китайскую модель, можно констатировать, что сильная политическая воля и ведущая роль государства дают мультипликативный эффект от централизованно реализуемой политики зеленого развития. Постоянная, хотя и запоздалая общественная приверженность зеленому курсу, существенные (практически неограниченные) финансовые ресурсы, растущее лидерство в области возобновляемых источников энергии и протекционистские меры по локализации производимого в этих целях оборудования, квазимонополия на редкоземельные металлы, использующиеся в производстве ключевых компонентов для возобновляемых источников энергии — те факторы, которые определяют уникальность китайской модели и способствуют превращению этой страны в «демиурга-катализатора» политики развития зеленой экономики (Simonov, Glazyrina, 2015). Тем не менее автономность и суверенность китайской модели делают ее слабомасштабируемой в других национальных контекстах.

В США сложилась децентрализованная модель с высокой степенью координации, которая может рассматриваться как с точки зрения финансовой (значительные федеральные инвестиции в сочетании с инвестициями независимых агентств и бизнес-структур), так и пространственной (на уровне штатов) составляющей.

Как и во многих других областях, правительство Соединенных Штатов неоднократно предпринимало попытки взять на себя ведущую роль в области зеленых разработок и технологий, чему способствуют благоприятные научная, экономическая и институциональная экосистемы, поддерживаемые значительным интересом бизнеса. Тем не менее проводимая в области зеленого развития политика чрезвычайно противоречива и несет серьезные неопределенности и угрозы.

Зеленые взгляды прочно укоренились в массовом американском сознании, причем меры по смягчению последствий изменения климата пользуются поддержкой большинства, а иногда и подавляющего большинства населения (Krosnick, MacInnis, 2020), что повлияло на электоральные перспективы Д. Байдена, который в период своей предвыборной кампании объявил изменение климата главным приоритетом для своей администрации. Сразу же после победы на выборах Д. Байден предпринял ряд политических мер, направленных на стремительное возвращение к политике зеленой трансформации. Его план (Czapla, 2020), чрезвычайно амбициозный и смелый, по мнению большинства экспертов, слабо связан с реальностью. Непродуманность некоторых мер зеленого плана администрации Байдена по сокращению добычи нефти и газа в США, послужившая поводом для общественных упреков в «зеленом колониализме» (O'Neil, 2022), сопротивление со стороны республиканцев, разногласия внутри самой демократической партии в условиях кризисной ситуации глобального переустройства и глобальной неустойчивости, сопровождающейся рекордными темпами инфляции и ростом цен на топливо в США, дают основание говорить о том, что федеральная политика развития зеленой экономики может столкнуться с серьезными сложностями.

Благодаря значительным государственным и частным инвестициям в США сложился один из самых мощных зеленых секторов экономики. С 1970 по 2020 г. количество рабочих мест, созданных в зеленом секторе, увеличилось с менее 1 миллиона (1% от общего числа рабочих мест в США) до более 8 миллионов (6%). По прогнозам экспертов, к 2030 г. число зеленых рабочих мест может составить 24 миллиона (14% от их общего числа), увеличиваясь в 16 раз быстрее, чем в других секторах (Bezdek, 2020; McDonald, 2019).

Для каждого пространственного масштаба реализации политики существует широкий спектр инструментов и стимулов. Однако дискретность и непостоянство сигналов политической элиты, непродуманность политических решений, многие из которых носят популистский характер, политическая неопределенность в связи с сохраняющимися последствиями финансового, экономического и социального кризиса, сильным давлением и недавней новой активностью влиятельных промышленных лобби, партийными и внутрипартийными разногласиями по поводу сути и механизма зеленого перехода в сочетании с попыткой выстраивания координации сверху создают значительные проблемы с дальнейшей институционализацией и реализацией политики развития зеленой экономики в США.

Европейские практики политики развития зеленой экономики объединены общим курсом Евросоюза и механизмами согласования политических решений, благодаря которым эту модель можно определить как многоакторную и сетевую. Европейский союз, начиная с принятия в 1992 г. стратегии к климатическим изменениям и установления в 1996 г. цели ограничения глобального потепления на 2 градуса Цельсия выше доиндустриального уровня, давно играет ведущую роль в глобальной политике развития зеленой экономики. В 2001 г. Евросоюз укрепил свои позиции международного лидера, приложив значительные усилия для того, чтобы, несмотря на отказ от участия Соединенных Штатов, Киотский протокол вступил в силу (Parker, Karlsson, Hjerpe, 2017). Глобальная роль Евросоюза подкреплялась амбициозной внутренней политикой. В 2005 г. в Евросоюзе был запущен механизм торговли квотами на выбросы (Kulovesi, 2017; Lindberg, 2019), а в 2007 г. принят масштабный пакет законодательных актов по климату. Хотя на Конференции ООН по изменению климата 2009 г. в Копенгагене международному сообществу не удалось достичь глобального соглашения об ограничении выбросов парниковых газов, Евросоюз продолжил добиваться своих внутренних климатических целей и разработал новые цели на период до 2030 г. (Szulecki, 2016).

Европейская комиссия задекларировала энергетический переход и «Зеленую сделку» одной из своих главных целей (Сидди, 2021). Политика развития зеленой экономики в Евросоюзе представляет собой сложное мультиакторное взаимодействие — как иерархическое, так и сетевое. Способность различных акторов влиять на выработку и реализацию политики определяется внешними и внутренними факторами, одним из которых является механизм многоуровневого управления. Необходимость постоянных коммуникаций и согласований между различными политическими институтами национального, наднационального и локального масштабов затрудняют процесс непосредственно принятия и реализации политических решений в области развития зеленой экономики.

Кроме формальных акторов (Еврокомиссия, Европарламент, Совет министров Евросоюза) на формирование политики развития зеленой экономики значительное влияние оказывают транснациональные корпорации и международные общественные экологические организации, значительно продвинувшиеся в способности лоббировать свои интересы на официальном уровне. Мнение о том, что европейская политика представляет собой «продукт многочисленных многоуровневых решений, принимаемых на разных уровнях, границы между которыми четко не определены» (Кавешников, 2015), вполне относится и к политике развития зеленой экономики. В то же время на выработку и реализацию общеевропейской политики зеленого развития влияют инициативы снизу. Например, в 2019 г. Верховный суд

Нидерландов обязал правительство к концу 2020 г. сократить выбросы парниковых газов в стране на 25% по сравнению с уровнем 1990 г. Несколько подобных прецедентов вызвали аналогичные иски против национальных правительств во всей Европе, что с большой долей вероятности повлияло на климатические цели следующей программы Евросоюза (Schwartz, 2019).

Текущее политическое влияние крупного европейского бизнеса, а также транснациональных корпораций на политику развития зеленой экономики в Евросоюзе определяется переориентацией бизнес-стратегий на ESG-трансформацию. Практика использования предложений, оценок и рекомендаций бизнес-экспертов часто используется Еврокомиссией (Knill, 2008).

Вопрос о развитии зеленой экономики в России оставался за рамками политического поля практически до 2008 г. Формирование отечественной национальной модели политики развития зеленой экономики происходило на фоне влияния следующих ключевых факторов: осознания на высшем политическом уровне решающего значения ухода от экспортно-сырьевой модели экономического развития, необходимости снижения ресурсоемкости национальной производственной системы и улучшения состояния физического и человеческого капитала, а также общего запроса на повышение эффективности национальной инновационной системы. Институциональные контуры отечественной модели политики развития зеленой экономики свидетельствуют о том, что Россия постепенно идет к созданию нормативно-правовой базы и конструированию новых институтов, включая институты низкоуглеродного развития, государственного инвестирования в создание зеленой инфраструктуры, в том числе в области возобновляемой энергетики и обращения с отходами, стимулирования частных инвестиций в тех областях, которые содействуют инновациям в области зеленых технологий, к развитию системы экологической сертификации и стандартизации, развития рынка зеленых облигаций, формированию и внедрению информационных и образовательных инструментов в области зеленой экономики.

Особенность российской модели, находящейся в стадии активного формирования, заключается в ее гибридном характере, выражающемся в одновременном и зачастую параллельном участии в ее построении государственных акторов и структур гражданского общества. Зеленые стимулы, мотивы и практики корпоративного бизнеса определяются в основном нормативными рамками международного институционального режима. Мотивы, связанные с международными аспектами, довольно значимым для формирования политики зеленой экономики в России. В связи с обострением напряженности в отношениях России и Запада некоторые эксперты высказывают предположения о том, что отдельные экономические и финансовые ограничения могут негативно сказаться на динамике и технологичности зеленого перехода, и даже сомневаются в перспективах ее дальнейшей реализации. Однако национальная политика развития зеленой экономики всегда была ориентирована на достижение в первую очередь внутривнутриполитических целей развития, и в этом отношении «поиск новых смыслов» представляется излишним. Кроме того, внешняя сторона политики зеленого развития не утрачивает своей актуальности, поскольку зеленая политическая повестка активно разрабатывается не только западными странами, но и российскими партнерами, например, Индией, Китаем и Казахстаном.

Тенденции отечественной политики развития зеленой экономики определяются несколькими обстоятельствами. С одной стороны, нормативно-правовая, институциональная, во многом инфраструктурная и информационная базы для реализации политики уже создана. С другой стороны, в связи с внешнеполитической напряженностью, санкционным давлением и необходимостью срочного решения текущих социально-экономических задач существует некая неопределенность в масштабах, стимулах, форматах и планируемых темпах зеленого перехода.

Выводы

В условиях перманентной и усиливающейся нестабильности внешней и внутренней среды конструирование эффективной национальной модели политики развития зеленой экономики является чрезвычайно сложным процессом, требующим постоянной «донастройки» на основе корректного мониторинга и анализа. Перспективы развития национальных моделей определяются как внутренними государственными ориентирами стран, конфигурацией доминирующих субъектов политики развития зеленой экономики и их видения зеленого курса, так и комплексом геополитических вызовов, трансформирующих систему зеленых приоритетов и процессы согласования национальных интересов на международном уровне.

Дальнейшие глобальные макроэкономические перспективы политики развития зеленой экономики связаны с тем, насколько активно и последовательно она будет реализовываться в разных национальных контекстах. И в данном случае существуют две основные стратегии, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Первая — стратегия активных зеленых преобразований, или стратегия «первопроходцев», характерная для некоторых промышленно развитых стран, энергично и амбициозно продвигающих зеленую повестку. В случае успеха реализация такой стратегии позволит предотвратить необратимый ущерб окружающей среде или сократить его масштабы, а также затраты на его ликвидацию в будущем. Кроме того, раннее «включение зеленого сигнала» политики развития по сравнению с «опоздавшими» странами, способно снизить издержки зеленой трансформации, связанные с институциональными и поведенческими изменениями, и наработать определенный опыт, который может помочь избежать принятия «сырых» политических решений с непредсказуемыми результатами в условиях сжатия временного лага между неблагоприятными экологическими событиями и необходимостью реагирования на них.

Активно проводимая политика развития зеленой экономики способна предотвратить риски постепенной и даже полной девальвации существующих активов (запасов ископаемого топлива, некоторых капитальных активов и человеческого капитала, например, компетенций в области «грязных» производств), происходящей под влиянием усиления жесткости экологических требований в международной торговле, растущей конкурентоспособности зеленых технологий, а также общественных движений, в частности, глобального движения инвесторов DivestInvest (DivestInvest 2022).

Страны-первопроходцы в формировании политики зеленой экономики могут иметь преимущества в связи с повышением инновационной активности, увеличением доли рынка высокотехнологичных зеленых продуктов и конкурентоспособности экспорта. Сетевые и групповые эффекты инноваций определяют импульсы для последующих инноваций, блокируя устаревающие традиционные технологии

(Nelson, 1994). Как уже упоминалось, мощным стимулом для развития активной политики зеленой экономики в европейских странах является возможность снижения зависимости от импорта ресурсов и экономической нестабильности за счет диверсификации энергетического баланса на основе использования местных источников энергии. Постепенная диверсификация действительно способна повысить энергетическую безопасность и снизить уязвимость к колебаниям на международном рынке.

Другая стратегия базируется на разной степени «отсроченности зеленой трансформации», характерной как для развивающихся стран с низким уровнем промышленного развития, так и для стран, реализующих в той или иной степени экспортно-сырьевую модель развития. Она также имеет определенные преимущества. Прежде всего, такая стратегия в краткосрочном и даже возможно среднесрочном периодах способствует сохранению занятости и поддержанию конкурентоспособности традиционных «грязных» отраслей экономики. Проблема конкурентоспособности особенно касается интернализации экологических экстерналий, например, когда у стран-конкурентов разная жесткость экологических стандартов, а производимые продукты пользуются большим спросом.

Кроме того, на ранних этапах жизненного цикла многие зеленые технологии являются довольно дорогостоящими, и еще не реализовали полный потенциал снижения стоимости, а как показывает пример солнечной фотоэлектрической энергетики, этот потенциал может быть значительным (Swanson, 2006). В этом случае те игроки, которые реализуют отсроченную стратегию, могут не только сэкономить на инвестициях и получить выгоду от эффекта масштаба, но и снизить риски использования «незрелых» технологий (Pegels, Vidican-Auktor, Lütkenhorst, Altenburg 2017).

Представляется, что отечественная модель политики развития зеленой экономики не может и не должна пытаться повторить западные модели в силу совершенно разных социальных, культурных, экономических, институциональных и природных условий. В этом смысле приоритеты национальной политики России в области зеленого развития и доминантные нарративы гораздо ближе ее партнерам по БРИКС и ШОС, с учетом чего и должна выстраиваться и инструментальная архитектура модели, и общественно-политический дискурс вокруг ее реализации (не столько решение проблем глобального изменения климата, сколько улучшение здоровья населения и качества окружающей среды, не столько сокращение выбросов парниковых газов, сколько модернизация экономики, развитие инноваций и высокотехнологичного сектора, повышение социальной ответственности крупного бизнеса, инклюзивность в получении выгод от уникального природного отечественного потенциала).

Подводя итоги, можно сказать, что международный консенсус в отношении необходимости политики развития зеленой экономики сложился. Созданные межправительственными структурами глобальные механизмы регуляторов для развития зеленых практик играют в этом процессе важную роль. Общественный и глобальный характер экологических благ, получаемых в результате реализации политики зеленой экономики, подразумевает, что в итоге не может быть победителей и побежденных. Тем не менее эмпирических данных об экономических и социальных перспективах зеленых преобразований для разных стран все еще недостаточно, что открывает широкий простор для дополнительных научных исследований.

Заключение

Зеленый курс в политике развития осуществляется в дискурсивном пространстве публичной политики, в котором актуализируются различные виды экологических повесток: от глобальных межправительственных повесток до локальных общественных дискуссий.

В то же время институциональный дизайн, а также тенденции и перспективы развития национальных моделей обуславливаются сложившимися и продолжающимися динамично развиваться специфическими структурными и процессуальными характеристиками политики развития зеленой экономики. К структурным компонентам относятся органы власти различного уровня, бизнес-структуры, политические партии, научно-экспертные сообщества, общественные организации, входящие в систему многоуровневого публичного управления политики развития зеленой экономики и использующие широкий комплекс институциональных механизмов. Процессуальные характеристики политики развития зеленой экономики связаны с практикой и результатами включения различных акторов в процесс инициации, разработки, реализации и оценки зеленых политических решений.

Необходимость зеленого перехода неоспорима. Однако проблемы координации усилий вовлеченных субъектов, преодоления значительного числа противоречий между мотивациями и интересами различных стран и социальных групп, между национальными инструментами политики зеленого роста и глобальным характером экологических проблем остаются довольно сложными. Поэтому глобальные перспективы политики развития зеленой экономики как основы преодоления угроз «общества риска» связаны с вопросами политической, экономической и социально-культурной трансформации в различных национальных контекстах.

Библиографический список

- Бобылёва, С. Н., Кирюшина, П. А., Кудрявцева О. В. (ред.). (2019). *Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России*. Москва: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Кавешников, Н. (2015). Методы управления в Европейском Союзе. *Мировая экономика и международные отношения*, 8, 49–60.
- Порфирьев, Б. Н. (2021). О «зеленом» векторе стратегии социально экономического развития России. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 227(1), 128–136. DOI 10.38197/2072-2060-2021-227-1-128-136
- Сидди, М. (2021). «Зеленая революция»? Предварительная оценка «Зеленой сделки» ЕС. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 16(3), 85–107. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-04
- Arnouts, R., Van der Zouwen, M., & Arts, B. (2012) Analysing Governance Modes and Shifts — Governance Arrangements in Dutch Nature Policy. *Forest Policy and Economics*, 16, 43–50. DOI: 10.1016/J.FORPOL.2011.04.001
- Arze del Granado, J. F., Coady, D., & Gilligham, R. (2012). The Unequal Benefits of Fuel Subsidies: A Review of Evidence for Developing Countries. *World Development*, 40(11), 2234–2248. DOI: 10.1016/J.WORLDDEV.2012.05.005
- Barbier, E. B. (2020). Is Green Rural Transformation Possible in Developing Countries? *World Development*, 131, 104955. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104955
- Bezdek, R. H. (2020). The USA New Green Deal Will Create Over 18 Million Jobs. *Journal of Environmental Science and Renewable Resources*, 2(1), 107.

- Bowen, A., & Fankhauser, S. (2011). The Green Growth Narrative: Paradigm Shift or Just Spin? *Global Environmental Change*, 21(4), 1157–1159. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.07.007
- Brand, U. (2012). Green Economy — the Next Oxymoron? No Lessons Learned from Failures of Implementing Sustainable Development. *GAIA — Ecological Perspectives on Science and Society*, 21(1), 28–32. DOI: 10.14512/gaia.21.1.9
- Brand, U. (2015). Brave Green World: The Green Economy Myths. *Luxemburg Argumente*, 3. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/316890363_Brave_Green_World_The_Green_Economy_myths
- Carter, N. (2018). *The Politics of the Environment: Ideas, Activism, Policy* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108642163
- Costanza, R. (1991). *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press.
- Czapla, E. (2020, October 6). Biden's Day One — Evaluating Biden's Climate Proposals. *The American Action Forum*. Retrieved from https://www.americanactionforum.org/insight/bidens-day-one-evaluating-bidens-climate-proposals/#_ftn2
- Dimitropoulou, A. (2022, March 31). Economy Rankings: Largest countries by GDP. *CEOWORLD Magazine*. Retrieved from <https://ceoworld.biz/2022/03/31/economy-rankings-largest-countries-by-gdp-2022/>
- DivestInvest (2022). *Why DivestInvest?* Retrieved from <https://www.divestinvest.org/why-divestinvest/>
- Driessen, P. P. J., Dieperink, C., Van Laerhoven, F. et al. (2012). Towards a Conceptual Framework for The Study of Shifts in Modes of Environmental Governance — Experiences from The Netherlands. *Environmental. Policy and Governance*, 22, 143–160. DOI: 10.1002/EET.1580
- ESCAP (2012). *Low Carbon Green Growth Roadmap for Asia and the Pacific*. Retrieved from <https://unesap.org/sites/default/d8files/2021-11/LGCC%20summary%20for%20policy%20makers%202012.pdf>
- Fairbrass, J., & Vasilakos, N. (Eds.). (2021). *Emerging Governance of a Green Economy: Cases of European Implementation*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108780933
- Hamdouch, A., & Depret, M.-H. (2012). Sustainable Development Policies and The Geographical Landscape of the Green Economy: Actors, Scales and Strategies. *Finisterra*, 47(94). DOI: 10.18055/Finis2681
- Hegger, D., Runhaar, H., Laerhoven, F., et al. (2020). Towards Explanations for Stability and Change in Modes of Environmental Governance: A Systematic Approach with Illustrations from The Netherlands. *Earth System Governance*. DOI: 10.1016/j.esg.2020.100048
- Herranz, R. (2007). *Las ONG: un sistema de indicadores para su evaluación y gestión*. Palma: Universitat Illes Balears.
- Jänicke, M. (2008). Ecological Modernisation: New Perspectives. *Journal of Cleaner Production*, 16(5), 557–565. DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2007.02.011
- Kemp, R., Schot, J., & Hoogma, R. (1998). Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management. *Technology Analysis and Strategic Management*, 10 (2), 175–195. DOI: 10.1080/09537329808524310
- Knill, C. (2008). *Europäische Umweltpolitik. Steuerungsprobleme und Regulierungsmuster in Mehrebenensystem*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Krosnick, J. A., & MacInnis, B. (2020). *Climate Insights 2020: Policies and Politics*. Washington, DC: Resources for the Future.
- Kulovesi, K. (2017). EU Emissions Trading Scheme: preventing carbon leakage before and after the Paris Agreement. In R. Leal-Arcas (Ed.) *Research Handbook on EU Energy Law and Policy* (pp. 417–431). Cheltenham: Edward Elgar.
- Legun, K., Keller, J., Carolan, M., & Bell, M. (Eds.). (2020). *The Cambridge Handbook of Environmental Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108554510

- Lindberg, M. B. (2019). The EU Emissions Trading System and Renewable Energy Policies: Friends or Foes in the European Policy Mix? *Politics and Governance*, 7(1), 105–123. DOI: 10.17645/PAG.V7I1.1800
- McAfee, K. (2014). The Post- and Future Politics of Green Economy and REDD? In B. Stephan & R. Land (Eds) *The Politics of Carbon Markets* (pp. 237–260). Routledge: Earthscan. DOI: 10.13140/2.1.4110.3369
- McDonald, J. (2019, February 15) The Facts on the “Green New Deal”. *FactCheck.org*. Retrieved from <https://www.factcheck.org/2019/02/the-facts-on-the-green-new-deal/>
- Nelson, R. R. (1994). The Co-evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions. *Industrial and Corporate Change*, 3 (1), 47–63. DOI: 10.1093/ICC/3.1.47
- OECD (2011). Tools for Delivering on Green Growth. Retrieved from <https://www.oecd.org/greengrowth/48012326.pdf>
- O’Neil, T. (2022, March 23). The Left’s ‘Green’ Policies May Actually Lead to More Pollution, Colorado Senate Candidate Says. *Fox News*. Retrieved from <https://www.foxnews.com/politics/the-lefts-green-policies-may-actually-lead-to-more-pollution-colorado-senate-candidate-says>
- Parker, C. F., Karlsson, C., & Hjerpe, M. (2017). Assessing The European Union’s Global Climate Change Leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement. *Journal of European Integration*, 39(2), 239–252.
- Pearce, D. (1992). Green Economics. *Environmental Values* 1, 3–13. DOI: 10.3197/096327192776680179
- Pearce, D., Markandya, A., & Barbier, E. B. (1989). *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan. DOI: 10.4324/9780203097298
- Pegels, A. & Altenburg, T. (2020). Latecomer Development in a “Greening” World: Introduction to the Special Issue. *World Development*, 135, 105084, DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105084.
- Pegels, A., Vidican-Auktor, G., Lütkenhorst, W., & Altenburg T. (2017). Politics of Green Energy Policy. *Journal of Environment & Development*, 27 (1), 26–45. DOI: 10.1177/1070496517747660
- Schwartz, J. (2019, December 20). In “Strongest” Climate Ruling Yet, Dutch Court Orders Leaders to Take Action. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2019/12/20/climate/netherlands-climate-lawsuit.html>
- Simonov, E., & Glazyrina, I. (2015). Ecological Civilization of China: New Challenges or New Opportunities for Russia? *EKO — Journal of Russian Academy of Science on Sustainable Development*, 7, 53–72.
- Stern, N. (2007). *The Economics of Climate Change. The Stern Review*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511817434
- Swanson, R. (2006). A Vision for Crystalline Silicon Photovoltaics. *Progress in Photovoltaics*, 14 (5), 443–453.
- Szulecki, K. (2016). European Energy Governance and Decarbonization Policy: Learning from The 2020 Strategy. *Climate Policy*, 16 (5), 543–547. DOI: 10.1080/14693062.2016.1181599
- Talshir, G. (2002). *The Political Ideology of Green Parties: From the Politics of Nature to Redefining the Nature of Politics*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781403919892
- Wanner, T. (2014) The New “Passive Revolution” of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the “Sustainable Development” of Neoliberal Capitalism. *New Political Economy*, 20(1), 21–41. DOI: 10.1080/13563467.2013.866081
- WGEO (2018). World Green Economy Report Inspiring Innovations in Business, Finance and Policy. Retrieved from <https://worldgreeneconomy.org/wp-content/uploads/2020/02/report.pdf>
- Wiesmeth, H. & Vashko, I. (2021). The Green Growth Policy of Germany as a Model for the Development of Green Economy in other Countries, in particular Belarus. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, 3(21), 46–61.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022

Статья принята к публикации 15.03.2022

Для цитирования: Терешина М. В., Онищенко М. В. Политика развития зеленой экономики: Состояние, тенденции, перспективы. — Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 6-25.

GREEN ECONOMY DEVELOPMENT POLICY: STATUS, TRENDS, OUTLOOK

M. V. Tereshina, M. V. Onishchenko

Maria V. Tereshina

E-mail: mwstefanova@mail.ru. ORCID ID 0000-0001-8982-5831.

Maksim V. Onishchenko

E-mail: onishchenkomax@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-4750-4535.

Kuban State University, Stavropolskaya Str, 149, Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. The study expands the subject field of discussion on the prospects of green economy as one of the most popular concept of development policy at the global level and at the level of different countries. The concept of sustainable development was adopted as the theoretical basis for the study of the state, trends and prospects of green economy development policy. The institutional specificity of national models was analyzed on the basis of methodological principles of neo-institutional approach with the help of case-study methods, analysis of documents of international and national levels, as well as analysis of electronic resources positioning the activities of various subjects of green economy development policy. The authors proposed an explanatory model of green economy development policy, highlighted its main characteristics, as well as structural and procedural components. Based on the empirical understanding of the state and trends of green economy policy in different countries, several national models (Chinese, American, European and Russian) were identified and analyzed, the criteria for differentiation of which were the dominant role of certain actors, as well as the set of institutional mechanisms that determine their involvement in the process of development and implementation of policies and decisions in this area. The authors conclude that the characteristics of national development policy models, as well as the timing and sequence of green policy reforms, largely determine not only their results in different national contexts, but also the global prospects of green economy as a basis for overcoming the threats of “risk society” and are closely related to the issues of political, economic and socio-cultural transformation.

Keywords: development policy, green economy, sustainable development, green transition.

DOI 10.31429/26190567-23-1-6-25

References

- Arnouts, R., Van der Zouwen, M., & Arts, B. (2012) Analysing Governance Modes and Shifts — Governance Arrangements in Dutch Nature Policy. *Forest Policy and Economics*, 16, 43–50. DOI: 10.1016/J.FORPOL.2011.04.001
- Arze del Granado, J. F., Coady, D., & Gilligham, R. (2012). The Unequal Benefits of Fuel Subsidies: A Review of Evidence for Developing Countries. *World Development*, 40(11), 2234–2248. DOI: 10.1016/J.WORLDDEV.2012.05.005
- Barbier, E. B. (2020). Is Green Rural Transformation Possible in Developing Countries? *World Development*, 131, 104955. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104955
- Bezdek, R. H. (2020). The USA New Green Deal Will Create Over 18 Million Jobs. *Journal of Environmental Science and Renewable Resources*, 2(1), 107.
- Bobyleva, S. N., Kiryushina, P. A., & Kudryavtseva O. V. (Eds). (2019). *Zelenaya ekonomika i tseli us-toichivogo razvitiya dlya Rossii* [Green Economy and Sustainable Development Goals for Russia]. Moscow: MSU Faculty of Economics Publ.
- Bowen, A., & Fankhauser, S. (2011). The Green Growth Narrative: Paradigm Shift or Just Spin? *Global Environmental Change*, 21(4), 1157–1159. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2011.07.007

- Brand, U. (2012). Green Economy — the Next Oxymoron? No Lessons Learned from Failures of Implementing Sustainable Development. *GAIA — Ecological Perspectives on Science and Society*, 21(1), 28–32. DOI: 10.14512/gaia.21.1.9
- Brand, U. (2015). Brave Green World: The Green Economy Myths. *Luxemburg Argumente*, 3. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/316890363_Brave_Green_World_The_Green_Economy_myths
- Carter, N. (2018). *The Politics of the Environment: Ideas, Activism, Policy* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/9781108642163
- Costanza, R. (1991). *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press.
- Czapla, E. (2020, October 6). Biden's Day One — Evaluating Biden's Climate Proposals. *The American Action Forum*. Retrieved from https://www.americanactionforum.org/insight/bidens-day-one-evaluating-bidens-climate-proposals/#_ftn2
- Dimitropoulou, A. (2022, March 31). Economy Rankings: Largest countries by GDP. *CEOWORLD Magazine*. Retrieved from <https://ceoworld.biz/2022/03/31/economy-rankings-largest-countries-by-gdp-2022/>
- DivestInvest (2022). *Why DivestInvest?* Retrieved from <https://www.divestinvest.org/why-divest-invest/>
- Driessen, P. P. J., Dieperink, C., Van Laerhoven, F. et al. (2012). Towards a Conceptual Framework for The Study of Shifts in Modes of Environmental Governance — Experiences from The Netherlands. *Environmental. Policy and Governance*, 22, 143–160. DOI: 10.1002/EET.1580
- ESCAP (2012). Low Carbon Green Growth Roadmap for Asia and the Pacific. Retrieved from <https://unescap.org/sites/default/d8files/2021-11/LGCC%20summary%20for%20policymakers%202012.pdf>
- Fairbrass, J., & Vasilakos, N. (Eds.). (2021). *Emerging Governance of a Green Economy: Cases of European Implementation*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108780933
- Hamdouch, A., & Depret, M.-H. (2012). Sustainable Development Policies and The Geographical Landscape of the Green Economy: Actors, Scales and Strategies. *Finisterra*, 47(94). DOI: 10.18055/Finis2681
- Hegger, D., Runhaar, H., Laerhoven, F., et al. (2020). Towards Explanations for Stability and Change in Modes of Environmental Governance: A Systematic Approach with Illustrations from The Netherlands. *Earth System Governance*. DOI: 10.1016/j.esg.2020.100048
- Herranz, R. (2007). *Las ONG: un sistema de indicadores para su evaluación y gestión*. Palma: Universitat Illes Balears.
- Jänicke, M. (2008). Ecological Modernisation: New Perspectives. *Journal of Cleaner Production*, 16(5), 557–565. DOI: 10.1016/J.JCLEPRO.2007.02.011
- Kaveshnikov, N. (2015). Metody upravleniya v Yevropeyskom Soyuze [Methods of Governance in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 8, 49–60.
- Kemp, R., Schot, J., & Hoogma, R. (1998). Regime Shifts to Sustainability Through Processes of Niche Formation: The Approach of Strategic Niche Management. *Technology Analysis and Strategic Management*, 10 (2), 175–195. DOI: 10.1080/09537329808524310
- Knill, C. (2008). *Europäische Umweltpolitik. Steuerungsprobleme und Regulierungsmuster in Mehrebenensystem*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Krosnick, J. A., & MacInnis, B. (2020). *Climate Insights 2020: Policies and Politics*. Washington, DC: Resources for the Future.
- Kulovesi, K. (2017). EU Emissions Trading Scheme: preventing carbon leakage before and after the Paris Agreement. In R. Leal-Arcas (Ed.) *Research Handbook on EU Energy Law and Policy* (pp. 417–431). Cheltenham: Edward Elgar.
- Legun, K., Keller, J., Carolan, M., & Bell, M. (Eds.). (2020). *The Cambridge Handbook of Environmental Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108554510

- Lindberg, M. B. (2019). The EU Emissions Trading System and Renewable Energy Policies: Friends or Foes in the European Policy Mix? *Politics and Governance*, 7(1), 105–123. DOI: 10.17645/PAG.V7I1.1800.
- McAfee, K. (2014). The Post- and Future Politics of Green Economy and REDD? In B. Stephan & R. Land (Eds) *The Politics of Carbon Markets* (pp. 237–260). Routledge: Earthscan. DOI:10.13140/2.1.4110.3369.
- McDonald, J. (2019, February 15) The Facts on the “Green New Deal”. *FactCheck.org*. Retrieved from <https://www.factcheck.org/2019/02/the-facts-on-the-green-new-deal/>
- Nelson, R. R. (1994). The Co-evolution of Technology, Industrial Structure, and Supporting Institutions. *Industrial and Corporate Change*, 3 (1), 47–63. DOI:10.1093/ICC/3.1.47
- OECD (2011). Tools for Delivering on Green Growth. Retrieved from <https://www.oecd.org/green-growth/48012326.pdf>
- O’Neil, T. (2022, March 23). The Left’s ‘Green’ Policies May Actually Lead to More Pollution, Colorado Senate Candidate Says. *Fox News*. Retrieved from <https://www.foxnews.com/politics/the-lefts-green-policies-may-actually-lead-to-more-pollution-colorado-senate-candidate-says>
- Parker, C. F., Karlsson, C., & Hjerpe, M. (2017). Assessing The European Union’s Global Climate Change Leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement. *Journal of European Integration*, 39(2), 239–252.
- Pearce, D. (1992). Green Economics. *Environmental Values* 1, 3–13. DOI:10.3197/096327192776680179
- Pearce, D., Markandya, A., & Barbier, E. B. (1989). *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan. DOI: 10.4324/9780203097298
- Pegels, A. & Altenburg, T. (2020). Latecomer Development in a “Greening” World: Introduction to the Special Issue. *World Development*, 135, 105084, DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105084.
- Pegels, A., Vidican-Auktor, G., Lütkenhorst, W., & Altenburg T. (2017). Politics of Green Energy Policy. *Journal of Environment & Development*, 27 (1), 26–45. DOI: 10.1177/1070496517747660
- Porfiriyev, B. N. (2021). О «зеленом» векторе стратегии сoциал’но экономического развития России [About the Green Vector of the Strategy of Social and Economic Development of Russia]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 227(1), 128–136. DOI 10.38197/2072-2060-2021-227-1-128-136.
- Schwartz, J. (2019, December 20). In “Strongest” Climate Ruling Yet, Dutch Court Orders Leaders to Take Action. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2019/12/20/climate/netherlands-climate-lawsuit.html>
- Siddi, M. (2021). “Zelenaya revolyutsiya”? Predvaritel’naya otsenka “Zelenoy sdelki” YES [A Green Revolution? A Tentative Assessment of the European Green Deal]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [International Organisations Research Journal (IORJ)], 16(3), 85–107. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-04
- Simonov, E., & Glazyrina, I. (2015). Ecological Civilization of China: New Challenges or New Opportunities for Russia? *EKO — Journal of Russian Academy of Science on Sustainable Development*, 7, 53–72.
- Stern, N. (2007). *The Economics of Climate Change. The Stern Review*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511817434
- Swanson, R. (2006). A Vision for Crystalline Silicon Photovoltaics. *Progress in Photovoltaics*, 14 (5), 443–453.
- Szulecki, K. (2016). European Energy Governance and Decarbonization Policy: Learning from The 2020 Strategy. *Climate Policy*, 16 (5), 543–547. DOI: 10.1080/14693062.2016.1181599
- Talshir, G. (2002). *The Political Ideology of Green Parties: From the Politics of Nature to Redefining the Nature of Politics*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781403919892
- Wanner, T. (2014) *The New “Passive Revolution” of the Green Economy and Growth Discourse: Maintaining the “Sustainable Development” of Neoliberal Capitalism*. *New Political Economy*, 20(1), 21–41. DOI: 10.1080/13563467.2013.866081

WGEO (2018). World Green Economy Report Inspiring Innovations in Business, Finance and Policy. Retrieved from <https://worldgreeneconomy.org/wp-content/uploads/2020/02/report.pdf>
Wiesmeth, H. & Vashko, I. (2021). The Green Growth Policy of Germany as a Model for the Development of Green Economy in other Countries, in particular Belarus. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, 3(21), 46–61.

Received 08.02.2022

Accepted 15.03.2022

For citation: Tereshina M. V., Onishchenko M. V. Green Economy Development Policy: Status, Trends, Outlook. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 6-25.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ РФ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ¹

И. В. Мирошниченко, Л. А. Шпиро, К. А. Федоренко

Мирошниченко Инна Валерьевна

Эл.почта: mirinna78@mail.ru. ORCID 0000-0002-2650-6662.

Шпиро Лаура Артуровна

Эл.почта: laurok98@mail.ru. ORCID 0000-0001-5409-2922.

Федоренко Константин Альбертович

Эл.почта: KFedorenko@artek.org. ORCID 0000-0003-4863-2835.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. В статье осмыслено социальное противоречие между реализуемыми субъектами государственной молодежной политики проектными методами работы и достигаемыми ими результатами. Авторы представили результаты исследования институциональных практик реализации федеральных и региональных проектов в РФ в период 2018–2022 гг. В качестве аналитического инструментария для эмпирического исследования выявления соответствия институциональных практик проектной деятельности приоритетным целям государственной молодежной политики РФ авторами была разработана критериальная матрица. Она основана на «пяти переходах» молодежи и триединном комплексе институциональных мер, нацеленных на оказание содействия молодежи в раскрытии ее потенциала и актуализации гражданской позиции молодежи через расширение возможностей, формирование способностей и предоставление «повторного шанса». По результатам эмпирического исследования авторами был зафиксирован дефицит проектных инициатив в содержательном поле жизненного перехода молодежи «создание семьи» и институциональных практик по формированию способностей молодежи принимать правильные решения на всех жизненных переходах. Формирование способностей у молодежи предполагает не только развитие компетенций, но и создание субъектами публичного управления адекватного информационного контекста и адресного контента для обозначения основных альтернатив возможных решений и ресурсов для их принятия. Авторы приходят к выводу, что внедрение проектного подхода в практику государственной молодежной политики на системном уровне способствует качественному изменению системы целеполагания с ориентацией на достижение конкретных результатов по ключевым направлениям, расширению механизмов межсекторного взаимодействия и интеграции ресурсов различных субъектов публичного управления при реализации проектных задач. Использование институциональной матрицы пяти переходов и комплексных мер при проектировании содержания федеральных и региональных проектов позволит перестроить в российской модели молодежной политики ролевые и статусные позиции молодежи от объекта воздействия к ее субъектной позиции.

Ключевые слова: проектный подход в государственной молодежной политике, национальные проекты РФ, «пять переходов» молодежи, политика расширения возможностей, развития способностей и предоставление «повторного шанса» молодежи.

Введение

Государственная молодежная политика находится в стадии институционального перестроения как на уровне РФ, так и в российских регионах, что обуслов-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания FZEN-2020-0022.

лено необходимостью масштабного вовлечения молодежи в практики устойчивого развития РФ при сохранении социально-политической стабильности. В условиях современных геополитических рисков и глобальных социальных вызовов нарастает необходимость формирования конвенциональной субъектной позиции молодежи и полного раскрытия инновационного потенциала представителей молодого поколения для решения приоритетных задач развития страны, в том числе, в контексте пандемийных ограничений и угроз национальной безопасности РФ.

Институциональное переформатирование государственной молодежной политики обусловлено комплексом факторов, среди которых системообразующими являются формирование новых содержательных приоритетов и поиск новых подходов, технологий в работе с молодежью, а также в сфере публичного управления молодежной политикой. Новые государственные приоритеты и задачи в сфере молодежной политики получили свое нормативное закрепление в 2020 году в конституционной поправке (часть 1 статьи 72 Конституции РФ) (Конституция Российской Федерации...) и Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (Федеральный закон...). В результате внесения поправок в Конституцию РФ был закреплен конституционный статус государственной молодежной политики, а также межведомственный / межотраслевой и многоуровневый характер ее реализации. В Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» определены новые возрастные границы (от 14 до 35 лет) молодежи, расширяющие возможности внутри-поколенческих групп для развития и получения различных мер поддержки; обоснован комплекс условий, направлений и механизмов государственной молодежной политики для раскрытия инновационного потенциала российской молодежи. Изменение приоритетов и модели управления в сфере государственной молодежной политики обуславливает выработку и применение адекватных новому содержательному наполнению практических подходов и технологий. Одним из таких подходов, основанных на применении инновационных методов работы с молодежью, является проектный подход. Актуальность использования проектного подхода обусловлена также его интеграцией в практику федеральных органов исполнительной власти (Постановление Правительства ...) и органов государственной власти субъектов РФ для достижения национальных целей развития Российской Федерации (Указ Президента РФ...), в том числе в сфере государственной молодежной политики.

Вместе с тем многоуровневый характер управления сферой молодежной политики требует определения институциональной матрицы проектной деятельности, отвечающим национальным приоритетам, специфике ресурсов, возможностей и ограничений, которые бы способствовали достижению результатов, раскрывающих конструктивный потенциал молодежи в различных сферах жизнедеятельности. Социальное противоречие между реализуемыми субъектами государственной молодежной политики проектными методами работы и достигаемыми ими результатами требует своего научного осмысления и выработки предложений по их эффективному использованию.

Степень научной разработанности тематики исследования

Научное осмысление теоретических и эмпирических аспектов применения проектного подхода в государственной молодежной политике в российской практике

фрагментарно отражено в отечественном научном дискурсе. Основной пласт работ посвящен рассмотрению общих черт социального проектирования (Катаева, Крук, 2016), характеристике социальных проектов и специфике участия в них молодежи, среди которых добровольческие проекты (Певная, Минченко, Чусовитин, 2021; Солнышкина, Новикова, 2018), проекты в сфере физкультуры и здорового образа жизни (Нархов, Нархова, 2021), проекты, направленные на формирование гражданской идентичности молодежи (Пастухова, 2018), приобретающие особую значимость в современных реалиях. Практики социального проектирования в образовательных учреждениях современной России (как в школах, так и в университетах) стали предметом ряда эмпирических исследований в междисциплинарном поле российских ученых (Иванова, Пастухова, 2018).

Применимость проектного подхода в контексте государственного управления, его методологические основания и практики использования в современных государствах рассматриваются в ряде работ политико-управленческого характера (Žurga, 2018; Dolata, 2019; Savović, Petrović, 2021; Bezerra, Amorim, Melo, 2021). Особое направление в научном анализе проблематики представляют работы, посвященные методологии проектного управления как инструмента реализации отраслевых государственных политик и национальных проектов РФ (Якимова, 2016; Леонова, 2020). В ряде исследований определяются возможности и ограничения реализации проектного подхода, его адаптации как бизнес-инструмента к бюрократической среде системы государственного управления, что требует модификации внутренних организационных и инфраструктурных условий (Мирошниченко, Шпиро, 2019; Miroshnichenko, Tereshina, Shpiro, 2021). Важными компонентами проектного подхода в системе государственного управления являются цифровые технологии и цифровая инфраструктура, которые создают новые возможности для реализации задач отраслевых политик в условиях цифровой трансформации (Филатова, Стукало, Лебедева, Цуканова, Дзахмишева, 2020). В работах российских ученых анализируется применение проектного подхода как инструмента реализации государственной социальной политики (Смирнова, Чуйков, Абрамов, 2020), культурной политики (Носкова, 2018), образовательной политики (Кузнецова, 2016), жилищной политики (Строева, 2022). Опыт применения проектного подхода для достижения целей экономической политики государства описан в работах российских ученых (Соколенко, Чаброва, Коптенко, 2020; Ерлыгина, Васильева, 2021; Гавриленко, Исаева, Воронцов, 2021; Борисов, 2020). Отдельные работы характеризуют федеральные проекты, направленные на решение проблем молодежи (Османова, 2022). Анализируя опыт зарубежных государств, ученые отмечают, что проектный подход эффективен для достижения целей развития общественной инфраструктуры (Khan, Waris, Ismail, Sajid, Ullah, Usman, 2019; Gorod, Hallo, Nguyen, 2018).

Методология и методика исследования

Исследование выстроено на методологических основаниях проектного подхода как способа организации деятельности, в том числе и в сфере государственной молодежной политики, который предполагает новые принципы целеполагания, направленные на решение конкретных проблемных ситуаций и/или эффективного «ответа» на новые вызовы, с ориентацией на достижение конкретных результатов в определенный промежуток времени; реформатирование способов достижения целей от линейно-функционального к нелинейному; формирование «команд

изменений» и многоуровневой системы коммуникаций публичного управления с различными субъектами, обеспечивающей достижение целей (Мирошниченко и др., 2019). Для обоснования возможностей и ограничений проектного подхода в реализации задач государственной молодежной политики использовались критерии, предложенные М. Brunet (2019), определяющие успешность проектного управления, среди которых: формирование дееспособной институциональной структуры управления проектами и понимание правительственной практики управления проектами.

Для определения институциональной матрицы проектной деятельности в сфере государственной молодежной политики использовалась концепция «пяти переходов» в развитии молодого поколения, которые влияют на дальнейшую жизнь каждого представителя молодежи — это «продолжение учебы», «начало трудовой деятельности», «усвоение навыков здоровой жизни», «создание семьи», «осуществление гражданской позиции». Качество и успешность данных переходов способствует формированию основополагающего человеческого капитала, т.е. возможности стать эффективными специалистами в профессии, главами семей, гражданами, лидерами общества и т.д.» (Морозова, Мирошниченко, Шпиро, 2021). Данная концепция, предложенная экспертами Всемирного банка (Доклад о мировом развитии...), предполагает триединый подход к проектированию институциональных мер в сфере молодежной политики, который направлен на расширение возможностей молодежи на жизненных «переходах», формирование способностей у представителей молодежи принимать «правильные» решения и предоставление повторного шанса для тех, кто упустил свои возможности и принял неправильные решения. Такой подход, который может быть реализован посредством инструментария проектной деятельности, создает модель дружественной политики по отношению к молодежи и способствует «инвестированию» в молодежь для раскрытия ее инновационного потенциала.

Среди эмпирических методов исследования авторами использовался традиционный анализ документов, характеризующих реализацию проектного подхода в сфере государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровне РФ: аналитических и отчетных материалов, официальных документов, представленных на официальных сайтах Министерства просвещения РФ, Федерального агентства по делам молодежи, Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, Федеральной службы по труду и занятости РФ, патриотических клубов «Я горжусь», платформы Добро.ru, АНО «Россия — страна возможностей», информационном ресурсе «Национальные проекты России» и официальном Телеграмм-канале руководителя Федерального агентства по делам молодежи К. Разуваевой, а также социологические данные, представленные на официальном сайте Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Институциональная матрица проектной деятельности в сфере государственной молодежной политики РФ: состояние и потенциал развития

Институциональная система проектной деятельности в сфере молодежной политики в РФ представлена двумя уровнями: федеральным и региональным. На федеральном уровне реализация проектов осуществляется органами исполнительной власти и другими субъектами публичного управления (некоммерчески-

ми организациями, бизнес-сообществом, институтами развития и др.) в рамках национальных проектов РФ, а также ведомственных инициатив Федерального агентства по делам молодежи, выступающим в качестве инициатора и/или оператора проектов. На региональном уровне реализация проектной деятельности осуществляется органами по делам молодежи, входящими в систему органов исполнительной власти субъекта РФ, подведомственными им учреждениями, другими субъектами публичного управления. Региональная специфика организации проектной деятельности в сфере молодежной политики отражает три категории проектов: проекты по основным направлениям деятельности федерального значения (инициативы Росмолодежи); региональные проекты, обеспечивающие достижение показателей и результатов федеральных проектов (по полномочиям субъектов РФ и вопросам местного значения муниципальных образований субъектов РФ); комплексные проекты и проекты по основным направлениям деятельности регионального значения (инициативы субъектов РФ). Важно отметить, что внедрение проектного подхода в систему государственного управления способствовало переориентации субъектов региональной молодежной политики на достижение национальных целей и показателей развития посредством адаптации региональной повестки к национальным приоритетам, а также накопленного опыта в использовании инструментария социального проектирования, сформированного на уровне локальных практик, к новым форматам работы. Ключевое значение проектная деятельность в сфере государственной молодежной политики приобрела с 2021 года, когда в Послании Президента РФ Федеральному собранию 2021 года была актуализирована острая потребность во включении в каждый национальный проект мероприятий, направленных на поддержку молодежи и развитие ее потенциала (Послание Президента Федеральному собранию...). Важно, что для качественной формулировки спектра приоритетных задач в паспортах национальных проектов за счет молодежной проблематики Росмолодежь и АНО «Национальные приоритеты» инициировали всероссийский опрос среди молодых людей о наиболее приоритетных вопросах, требующих включения в национальные проекты, а также онлайн и офлайн стратегические сессии с представителями федеральных и региональных органов власти, профильных общественных объединений и вузов в федеральных округах РФ. В то же время заявленные в публичном пространстве молодежные приоритеты, по результатам проведенного опроса и стратегических сессий не нашли своего системного отражения в паспортах национальных проектов, которые бы соответствовали государственному курсу в сфере молодежной политики.

В качестве аналитического инструментария для оценки соответствия институциональных практик проектной деятельности приоритетным целям государственной молодежной политики РФ может выступить критериальная матрица (табл. 1), основанная на «пяти переходах» молодежи и триедином комплексе институциональных мер, нацеленных на оказание содействия молодежи в раскрытии ее потенциала и актуализации гражданской позиции молодежи через расширение возможностей, формирование способностей и предоставление «повторного шанса». При этом под институциональными мерами, направленными на расширение возможностей, понимаются условия предоставления качественного непрерывного образования, медицинского обслуживания, облегчения старта трудовой деятельности, предоставления молодежи для выражения своей позиции, а также пожеланий о предо-

Таблица 1. Институциональная матрица проектной деятельности в сфере государственной молодежной политики РФ

Table 1. Institutional matrix of project activities in the sphere of state youth policy of the Russian Federation

«Переходы молодежи»	Институциональные меры в сфере молодежной политики		
	Расширение возможностей как создание условий для развития молодежи	Формирование способностей у молодежи принимать правильные решения	Предоставление повторного шанса как системы воспитания упущенных возможностей
Продолжение учебы	<p>Федеральный проект «Молодые профессионалы» (Международный чемпионат «Абилимпикс», Чемпионат по профессиональному мастерству по стандартам «Ворлдскиллс»).</p> <p>Федеральный проект «Молодежь России» (Всероссийский проект «Твой ход», образовательный центр «Машук» и др.).</p> <p>Федеральный проект «Содействие занятости».</p> <p>Образовательная платформа «Академия Росмолодежь. Гранты».</p> <p>«Добро. Университет» на портале Добро.ru.</p>	<p>Федеральный проект «Молодежь России» (Всероссийский проект «Твой ход», форум «Территория смыслов», фестиваль «Таврида», образовательный центр «Машук» и др.).</p>	<p>Федеральный проект «Содействие занятости».</p>
Старт трудовой деятельности	<p>Федеральный проект «Социальные лифты для каждого» (система профессиональных конкурсов, в том числе профессиональные конкурсы платформы «Россия — страна возможностей»).</p> <p>Федеральный проект «Молодежь России» (Всероссийский проект «Твой ход», форум «Территория смыслов» и др.).</p> <p>Федеральный проект «Поддержка начинающих предпринимателей».</p> <p>Федеральный проект «Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок (Кадры)»</p> <p>Грантовый конкурс Росмолодежи «Росмолодежь. Гранты».</p> <p>Клуб молодых предпринимателей «Росмолодежь. Бизнес».</p>	<p>Федеральный проект «Социальные лифты для каждого».</p> <p>Федеральный проект «Молодежь России» (Всероссийский проект «Твой ход», форум «Территория смыслов» и др.).</p> <p>Грантовый конкурс Росмолодежи «Росмолодежь. Гранты».</p>	<p>X</p>

Таблица 1. Окончание

End of Table 1

Усвоение навыков здорового образа жизни	Федеральный проект «Спорт — норма жизни». Инициатива — «Давай бросать» (нацпроект «Демография») Марафон здорового образа жизни «Поколение ЗОЖ» (в рамках все-российского проекта «Твой ход»).	X	X
Создание семьи	Федеральный проект «Финансовая поддержка детей при рождении детей» (Нацпроект «Демография»). Нацпроект «Жилье и городская среда».	X	X
Осуществление гражданской позиции	Федеральный проект «Социальная активность» (конкурсы «Доброволец России», «Регион добрых дел», Международная премия «Мы вместе» и др.) Федеральный проект «Патриотическое воспитание» («Большая перемена», патриотические клубы «Я горжусь», национальная премия «Патриот»). Федеральный проект «Молодежь России». Всероссийский проект «Диалог с героями». Молодежный форум «Истоки». Платформа Dobro.ru.	Федеральный проект «Социальная активность» (конкурсы «Доброволец России», «Регион добрых дел», Международная премия «Мы вместе» и др.)	X

ставлении необходимой помощи на этапах жизненных переходов. Способности молодежи формируются в рамках институциональной деятельности представителей молодежи: они демонстрируют свою субъектную позицию, участвуя в принятии решений, как в отношении себя, так и в отношении ключевых проблем сообществ/территорий (муниципалитета, субъекта РФ, страны). Формирование способностей у молодежи предполагает не только развитие компетенций, но и создание субъектами публичного управления адекватного информационного контекста и адресного контента для обозначения основных альтернатив возможных решений и ресурсов для их принятия. Предоставление повторного шанса — это институциональные меры по восполнению упущенных возможностей представителями молодежи на различных жизненных переходах из-за неблагоприятных условий или неверно принятых решений (Доклад о мировом развитии...).

Использование предложенной институциональной матрицы при анализе результатов федеральных и региональных проектов на предмет соответствия достигаемых проектных целей жизненным «переходам молодежи» и видам институциональных практик в сфере молодежной политики позволяет определить содержательные «лакуны» в сфере государственной молодежной политики.

Большая часть проектов сконцентрирована в содержательном поле двух «переходов»: продолжение учебы и старта трудовой деятельности. Проекты, направленные на «продолжение учебы», расширяют возможности молодых людей к получению дополнительного образования или профессиональной переподготовки. Федеральный проект «Содействие занятости» (Обучение граждан...) создает возможности профессионального обучения и дополнительного профессионального образования. Для молодежи открываются новые условия поднятия социального статуса при помощи приобретения и развития компетенций, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда (в зависимости от категории молодежи данный проект предоставляет повторный шанс получить образование, если до этого не освоены программы среднего профессионального или высшего образования). Для других категорий молодежи открываются возможности получить дополнительную квалификацию, овладеть новыми навыками для продолжения (начала) карьеры, что в дальнейшем отражается в одном из пяти переходов — «начало трудовой деятельности».

В рамках федеральных проектов и инициатив Росмолодежи сформирован целый комплекс образовательных форматов, способствующих формированию профессиональных компетенций и надпрофессиональных навыков у молодежи для успешного выстраивания ими дальнейших жизненных траекторий. Здесь отмечается тесная взаимосвязь двух переходов — «продолжение учебы» и «начало трудовой деятельности». Например, в рамках федерального проекта «Молодежь России» проводится всероссийский студенческий проект «Твой ход», оператором которого является Росмолодежь. Проект включает конкурсное и неконкурсное направление, в рамках которых участникам предоставляется возможность поучаствовать в образовательных форматах, стажировках, прокачать свои компетенции, обрести новые знакомства (в том числе с руководителями федеральных проектов), изменить окружающую среду, высказать свое мнение и получить обратную связь, создать и реализовать собственный проект. Причем создаются условия не только для развития способностей студентов, но и участники включаются в деятельность по развитию образовательного пространства своих университетов, реализуя проекты развития. Охват проекта к 2022 году насчитывает более 1 млн. участников. Для вовлечения молодежи в проектную деятельность, развития их проектных компетенций Росмолодежью создана образовательная платформа «Академия Росмолодежь. Гранты», которая помогает активным гражданам 18–35 лет понять специфику социальных проектов, выйти на новый уровень для подачи заявки на грантовый конкурс.

В рамках федерального проекта «Социальные лифты для каждого» АНО «Россия-страна возможностей», Министерством просвещения, Министерством науки и высшего образования обеспечивается проведение комплекса мероприятий, направленных на раскрытие талантов и профессионального потенциала, взаимодействие и обмена опытом с профильными специалистами, предпринимателями, управленцами и волонтерами. В рамках проектов молодые люди получают возможность реализовать собственный потенциал, создать индивидуальные траектории профессионального и личностного развития. Участие в мероприятиях проекта создает систему меритократических социальных лифтов для молодежи (рекрутируются те представители молодежи, которые имеют необходимый набор компетенций, достижений, определенный в результате конкурсных процедур).

Одним из крупных мероприятий в рамках федерального проекта «Социальные лифты для каждого» является Всероссийский профессиональный конкурс «Флагманы образования. Студенты», организаторами которого является АНО «Россия — страна возможностей» при поддержке Минобрнауки РФ. Целевой аудиторией выступает молодежь, планирующая связать свою будущую профессию с преподаванием (студенты бакалавриата, специалитета, начиная со второго курса, магистранты и аспиранты, студенты ссузов). По результатам конкурса молодые люди получают конкретные предложения для работы, возможность обучиться по образовательной программе, пройти стажировку во всероссийских детских центрах «Артек», «Смена». Как отмечает заместитель председателя Правительства РФ, Татьяна Голикова: «Конкурс — это площадка, где будущие учителя могут заявить о себе, раскрыть свой потенциал, улучшить свои коммуникативные компетенции. Важно, чтобы в профессию приходили молодые специалисты, которые разделяют интересы учеников и стремятся к развитию на благо России» (Всероссийский конкурс «Флагманы образования. Студенты»...). Данный конкурс актуализирует проблему нехватки педагогических кадров в системе образования, интегрирует в образовательный процесс новых специалистов, которые будут воспитывать новое поколение молодежи, используя в своей деятельности творческий потенциал, новые содержательные форматы преподавательской деятельности. В 2022 году было подано около 27 тысяч заявок из 84 регионов России, в финале определено 35 победителей, получивших возможность обучения и стажировки в ВДЦ «Смена», профессиональной переподготовки в педагогическом вузе, получения сертификатов на использование программного обеспечения от компании «Научные развлечения», приглашение на Всероссийский форум классных руководителей. Полуфиналисты и финалисты конкурса формируют сообщество, сопровождаемое экспертами конкурса.

Условия для старта молодых предпринимателей создаются в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» (федерального проекта «Поддержка начинающих предпринимателей»). Молодежь в возрасте до 25 лет после бесплатного обучения в центре «Мой бизнес» может получить грант на реализацию своего бизнес-проекта. На региональном уровне в Краснодарском крае в рамках нацпроекта реализуется проект «Воронка инновационных стартапов», направленный на раскрытие инновационного потенциала молодежи. Как отмечает руководитель департамента инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края В. Воробьев: «По сути, мы строим инновационную экосистему, в которой участвовать можно уже со студенческого возраста. Это первый проект такого масштаба в стране» (В Краснодарском крае...).

В рамках перехода «начало трудовой деятельности» реализуется федеральный проект «Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок (Кадры)» нацпроекта «Наука и университеты». Он создает условия для молодых ученых, повышает привлекательность построения карьеры в учреждениях науки и высшего образования.

Отдельно отметим флагманский проект Росмолодежи, входящий в платформу «Россия — страна возможностей» — грантовый конкурс, направленный на поддержку молодежных инициатив, являющейся основой для будущей карьеры. Грантовый конкурс Росмолодежи поддерживает проектные инициативы физических (учащиеся старших классов, студенты, руководители организаций и субъектов малого предпринимательства, представители общественных объединений) и юридических

лиц (вузы, в том числе органы студенческого самоуправления, некоммерческие организации), вовлекает молодежь в конструктивную социальную активность, выступает эффективным социальным лифтом для молодых людей. В рамках конкурса молодежных проектов среди физических лиц в 2022 году (1 сезон) определено 1063 победителя, на реализацию проектов которых выделено 867,9 млн. рублей (в 2021 году поддержано 711 проектов) (Опубликовали итоги...). Среди вузов проводится отдельный конкурс, по итогам которого в 2022 году поддержано 373 проекта. Регионами-лидерами являются Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область, Воронежская область, Самарская область. Отметим, что к оценке проектов привлекались студенты, которым предоставилась возможность до экспертной оценки определить наиболее актуальные, по их мнению, проекты, что говорит о молодежи как субъекте принятия решений.

Примерами проектов, направленных на переход «усвоение навыков здоровой жизни» являются национальный проект «Демография» (федеральный проект «Спорт — норма жизни»), в рамках которого создаются условия (спортивные площадки и комплексы) для занятия физической культурой и спортом всех категорий граждан, в том числе молодежи. На уровне субъектов РФ в рамках региональных проектов также создаются условия для подготовки спортивных сборных команд на территории муниципальных образований, развивается спортивная инфраструктура, создаются площадки по выполнению комплекса «Готов к труду и обороне». Как отмечает вице-губернатор Краснодарского края А. Власов, «благодаря проекту в крае возводятся площадки для выполнения нормативов комплекса ГТО, производится переоснащение стадионов, закупается спортивный инвентарь и экипировка для наших спортивных школ». Кроме того, в связи с нарастающим употреблением электронных сигарет среди молодежной аудитории, в рамках национального проекта «Демография» создана инициатива — проект «Давай бросать», направленный на избавление от зависимости курения электронных сигарет среди молодежи.

Среди проектов, в которых оператором является Росмолодежь, можно выделить Марафон ценностей здорового образа жизни «Поколение ЗОЖ», проводящийся в рамках проекта «Твой ход» (при участии Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики»). Инициатива предоставляет возможность для молодежи получить знания о здоровом образе жизни и полезных привычках.

В структуре национальных проектов особую важность в современном геополитическом контексте представляют федеральные проекты «Социальная активность» и «Патриотическое воспитание», целевые характеристики которых связаны с формированием гражданственности и патриотическим воспитанием молодежи в контексте перехода «осуществление гражданской позиции» и ключевого приоритета государственной молодежной политики РФ. В рамках национального проекта «Образование» с 2021 года реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание», в рамках которого ведется работа по развитию воспитательной работы в образовательных организациях. Одним из целевых показателей проекта является создание и функционирование Ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь», общее число которых составляет 209 в 69 субъектах РФ численностью около 3,5 тысяч активистов (к 2024 году планируется создать 450 клубов в высших учебных заведениях России) (Официальный сайт Ассоциации студенческих патриотических клубов...). Официальный портал ассоциации представляет собой единое информационное пространство для тиражирования практик и популяри-

зации деятельности. Кроме того, в рамках федерального проекта ставятся задачи проведения мероприятий патриотической направленности для детей и молодежи, взаимодействия старшего и младшего поколения, популяризации отечественной истории. По результатам проекта более 450 тысяч детей и молодежи вовлечено в участие в мероприятиях в сфере патриотического воспитания регионального и всероссийского масштаба.

Одним из мероприятий, которое проводится в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание» является Национальная премия «Патриот», которая является общественно-государственной инициативой. Как отмечает директор ФГБУ «Роспатриотцентр» Наталия Мандрова: «Сегодня мы говорим не только о военной патриотике. Патриотизм — это более широкое понятие, и оно выходит на новые грани, не ставит рамки выражения. Неотъемлемыми его частями стали культура, экология, добровольчество, спорт, наука. Каждый может проявить чувство любви к Родине через близкие ему сферы, показать не только свою индивидуальность, но и сделать что-то большее для общества, развития страны» (Продолжается регистрация ...). В 2021 году было представлено 14 номинаций, победителями стали 75 организаций, проектов, общественных организаций и волонтеров. Например, в одной из номинаций «Лучший учитель истории» определен победитель, представивший проект по созданию в школе Ленинградской области гражданско-патриотического центра «Школа активного гражданина (ШАГ)».

Оператором мероприятий в сфере гражданского и патриотического воспитания молодого поколения является Роспатриотцентр. Одна из его инициатив — Всероссийский проект «Диалоги с героями», который реализуется с 2016 года. Он позволяет представителям молодежи найти наставника, узнать его карьерную траекторию, жизненный путь. Опираясь на опыт наставников (Героев России, Советского Союза, известные личности, добившиеся успеха в различных сферах), молодые люди формируют собственные карьерные траектории. Проект тиражирован в регионах РФ, а проведение региональных мероприятий проекта фиксируются в ключевых показателях реализации государственной молодежной политики органами исполнительной власти субъектов РФ. За все время проведения проекта мероприятия прошли в 81 субъекте РФ с охватом более 450 тысяч представителей молодежи. Так, в марте 2022 года на территории Волгоградской области в смешанном формате в рамках открытого урока в школе и в социальных сетях прошла встреча с Героем России Михаилом Поздняковым. Школьники получили возможность узнать о профессии летчика-испытателя, а также историю его успеха.

Мероприятия федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование» курируются Федеральным агентством по делам молодежи. Одним из направлений деятельности является поддержка волонтерского движения. Конкурс «Доброволец России» — ключевой конкурс добровольческих проектов, направленный на развитие инициатив молодежи и их дальнейшую поддержку и тиражирование. За десятилетнюю историю конкурса около 400 проектов получили поддержку. Продолжением конкурса «Доброволец России» является международная премия «Мы вместе», впервые прошедшая в 2021 году и являющаяся результатом Общероссийской акции взаимопомощи #мывместе, старт которой был дан в 2019 году во время пандемии и за время которой около 6,2 млн. человек получили помощь. Отличие Премии от конкурса «Доброволец России» состоит в том, что для участия в Премии участники подают уже действующий проект.

По итогам Премии в 2021 году собран сборник лучших добровольческих практик. Одним из проектов патриотической направленности, формирования гражданской ответственности, занявший 3 место в треке «Волонтеры и НКО» номинации «Культурное наследие» является проект «Живой голос Победы», в рамках которого добровольцы собирают воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, рассказывающие об их судьбе (Сборник лучших практик ...), публикуют в социальных сетях проекта и объединяют в сборники. Проект тиражирован в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге, Курске, Иваново и насчитывает более чем 400 героев.

В 2022 году дан старт второй Международной премии «Мы вместе» по двум направлениям — национальному и международному по трем категориям: волонтеры, НКО, бизнес. После подачи заявок проходят региональные этапы во всех субъектах РФ для выявления лучших практики. Полуфинал проходит в онлайн-формате с оценкой проектов экспертной комиссией, а также выполнением заданий участников конкурса. Финальная оценка проектов осуществляется жюри премии, а также народным голосованием на платформе Добро.ru. На первом этапе конкурса в 2022 году подано более 31 тысячи заявок (это на 20% больше, чем в 2021 году), регионами-лидерами по числу заявок стали Москва, Московская область, Краснодарский край, Ростовская область, Санкт-Петербург. Как отмечает руководитель платформы Добро.ru Артем Метелев, участники премии — «лидеры социальных изменений, те, кто развивает Россию, в партнерстве помогает решать проблемы и делает жизнь людей лучше» (31 тысяча проектов: завершился прием заявок ...).

Информационное сопровождение Премии осуществляет портал Премия.мы-вместе.рф и платформа Добро.ru, которая сегодня объединяет около 3,5 млн. волонтеров, более 48 тысяч организаций, около 265 тысяч добрых дел. Платформа Добро.ru — это площадка для привлечения волонтеров со всей России, содержащая крупнейший каталог мероприятий, волонтерских организаций. Каждый желающий может принять участие в конкурсе проектов или поучаствовать в уже действующем проекте (Платформа Добро.ru...). Портал предоставляет возможность обучиться в онлайн «Добро.Университете», повысить уровень волонтерских компетенций в различных сферах (медицинской, культурной, событийной), развить проектные компетенции и другие soft skills. Обучение в «Добро.Университете» прошли около 395 тысяч человек.

В субъектах РФ в рамках региональной части федерального проекта «Социальная активность» проводится всероссийский конкурс «Регион добрых дел», в рамках которого определяются лучшие региональные практики поддержки волонтерства. По результатам конкурса в 2022 году определены 25 регионов-победителей, которые представили 137 социальных проектов поддержки добровольчества: школьного, студенческого, трудоспособного населения, «серебряного» добровольчества. На реализацию проектов регионы-победители получают субсидии из средств федерального бюджета в размере от 9 до 4 млн. рублей. Так, на развитие региональной системы добровольчества, вовлечение граждан, поддержку и проведение мероприятий добровольческой направленности в Ростовской области (субъект РФ, набравший наибольшее количество баллов по итогам конкурса) выделено 8,7 млн. рублей. Среди регионов-победителей Южного-Федерального округа также отмечена Волгоградская область (выделено 8,3 млн. рублей) (Протокол заседания Экспертной комиссии...).

Дефицитными являются проекты, нацеленные на успешность молодых семей в «создании семьи». Проектные инициативы направлены исключительно на финансовую и материальную поддержку молодых семей. В рамках национального проекта «Жилье и городская среда» молодым семьям предоставляется возможность получить субсидию в размере 30 или 35% (в зависимости от наличия ребенка) на покупку жилья. Так, в 2021 году около 14,5 тысяч молодых семей из 82 субъектов РФ получили такие социальные выплаты. Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография» предоставляется возможность получить материнский капитал, что открывает возможность улучшить жилищные условия, сформировать условия для образования детей.

Таким образом, проведенный анализ институциональных практик в сфере государственной молодежной политики РФ показывает, что молодежная повестка охватывает, преимущественно, три «перехода»: «продолжение учебы», «начало трудовой деятельности», «осуществление гражданской позиции» в рамках политики расширения возможностей человеческого капитала молодежи. При этом наибольшую привлекательность среди молодого населения России представляют гибридные форматы проектов. Они сочетают в себе не только меры, создающие условия для непрерывного образования, профессионального и личностного развития, формирования гражданственности и конструктивной социальной активности, но и способностей молодежи самостоятельно принимать обдуманные решения для успешной самореализации в различных сферах. По данным ВЦИОМ более 70% опрошенных россиян (по сравнению с 40% в 2017 году) считают, что сегодня у молодежи есть возможность реализовать себя, найти применение своим способностям и добиться успеха (Молодежь и молодежная политика ...). К политике развития способностей относятся, в первую очередь, проекты, основанные на использовании конкурсных механизмов и социальных лифтов (в рамках конкурсных проектов, где молодые люди могут оценить, какие инициативы актуальны и полезны для них или в рамках проектов, которые они сами создают и внедряют образовательные пространства университетов или территорий, на которых они проживают). Институциональные меры по предоставлению «повторного шанса» в контексте проектной деятельности практически не реализуются, исключением являются меры поддержки для получения образования в системе непрерывного образования, если оно не было получено ранее.

Заключение

Внедрение проектного подхода в практику государственной молодежной политики на системном уровне способствует качественному изменению системы целеполагания, с ориентацией на достижение конкретных результатов по ключевым направлениям, расширению механизмов межсекторного взаимодействия и интеграции ресурсов различных субъектов публичного управления при реализации проектных задач. Институциональная «упаковка» приоритетной молодежной повестки в формат национальных и региональных проектов с соответствующим объемом государственного бюджетирования, а также их поддержка политическим руководством страны обеспечила ресурсный старт и развитие проектного подхода в сфере государственной молодежной политики. Период 2018–2022 года можно охарактеризовать как этап «накопления» проектных инициатив в молодежной повестке, ориентированной на раскрытие потенциала молодежи как ресурса ин-

новационного развития страны и ее вовлечения в деятельность, способствующей укреплению российской идентичности и государственности. При этом оценить успешность достижения результатов реализации данных проектных инициатив возможно только с точки зрения институционального проектирования, что объясняется отсутствием инструментов публичного мониторинга эффективности реализации проектного подхода как для системы государственного управления РФ в целом, так и применительно к отраслевой государственной молодежной политике.

Внедрение проектного подхода является важным шагом в переформатировании «двухполюсной» государственной молодежной политики РФ (Зубок, 2020), которая фокусировалась, преимущественно, на крайних группах молодежи — одаренных и выходцев из неблагополучных слоев, оставляя без реальной поддержки в условиях социальной неопределенности и турбулентности численно более представительную часть молодежи (Подъячев, Халий, 2020). Возможности проектного подхода позволяют реализовать комплекс институциональных практик популяционного (направленных на реализацию целей в отношении всей молодежи страны), subgroupового (создающих условия для поддержки и развития определенной категории молодежи) и индивидуального (направленных на решение определенных проблем конкретных молодых людей) характера. В то же время проектирование государственной молодежной политики осуществляется без учета институциональной матрицы пяти переходов и мер, сочетающих триединый подход политики расширения возможностей, формирования способностей и представления повторного шанса для различных категорий молодежи. Концентрация усилий различных субъектов молодежной политики на создании социально-экономических и социокультурных условий для развития молодежи, в том числе и инфраструктурных, без формирования соответствующих способностей у молодого поколения осваивать те или иные сферы деятельности, не будет давать должного результата, по-прежнему сохраняя статусную позицию молодежи как объекта воздействия и мобилизации государством. Использование институциональной матрицы пяти переходов и комплексных мер при проектировании содержания федеральных и региональных проектов позволит переформатировать в российской модели молодежной политики ролевые и статусные позиции молодежи от объекта воздействия к ее субъектной позиции («включения» лидеров, молодежных сообществ и институтов молодежного представительства в самостоятельные и совместные решения с другими субъектами). Это позволит не только открыть новые возможности для самореализации молодежи, создания уникальных продуктов, направленных на решение проблем различных целевых групп молодежи — студентов, школьников, молодых семей, предпринимателей, ученых, IT-специалистов, но и «запустить» структурные изменения внутри системы государственной молодежной политики Российской Федерации.

Библиографический список

31 тысяча проектов: завершился прием заявок на Международную Премия #МЫ-ВМЕСТЕ-2022 (2022). *Ведомости*. Режим доступа https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/06/29/31-tisyacha-proektov-zavershilsya-priem-zayavok-na-mezhdunarodnuyu-premiyu-mivmeste-2022

Борисов, Н. С. (2020). Применение методов проектного управления в агропромышленном комплексе РФ. *Финансовые рынки и банки*, 5, 80–82.

- В Краснодарском крае стартовал масштабный проект «Воронка инновационных стартапов» (2022). *Официальный сайт Департамента организации проектной деятельности администрации Краснодарского края*. Режим доступа <https://dopd.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/211026>
- Всероссийский конкурс «Флагманы образования. Студенты» (2022). Режим доступа <https://studtrek.rsv.ru/>
- Гавриленко, И. Г., Исаева, Н. В., Воронцов, Р. В. (2021). Проектное управление территориальным развитием малого бизнеса. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*, 3(37), 123–132. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-3-37-123-132
- Доклад о мировом развитии 2007: Развитие и новое поколение. (2007) (с. 15–17). Москва: Весь Мир.
- Ерлыгина, Е. Г., Васильева, А. Д. (2021). Применение проектного управления в агропромышленном комплексе. *Бюллетень науки и практики*, 7(10), 139–144. DOI: 10.33619/2414-2948/71/17
- Зубок, Ю. А. (2020). Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
- Иванова, С. В., Пастухова, Л. С. (2018). Возможности использования проектного метода в образовании и работе с молодежью на современном этапе. *Образование и наука*, 6, 29–49. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-6-29-49
- Катаева, Т. М., Крук, М. Г. (2016). Социальное проектирование в молодежной политике РФ: особенности, проблемы и направления реализации. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 2(24), 95–97.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- Кузнецова, Л. В. (2016). Социально-проектная деятельность в сфере государственной образовательной политики в Российской Федерации. *Вестник государственного и муниципального управления*, 1, 49–52. DOI: 10.12737/18848
- Леонова, О. В. (2020). Отрасли государственной политики в Российской Федерации: приоритеты модернизации в условиях принятия конституционных поправок 2020 г. *Власть*, 28(5), 58–65. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7571
- Мирошниченко, И. В., Шпиро, Л. А. (2019). Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 3(3), 360–368. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-360-368
- Молодежь и молодежная политика (2022). *ВЦИОМ*. Режим доступа https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-02-15_Molodezh_i_molodezhnaja_politika_gd_2022.pdf
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Шпиро, Л. А. (2021). Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников. *Социальные и гуманитарные знания*, 7(4), 378–391. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-378-391
- Нархов, Д. Ю., Нархова, Е. Н. (2021). Социальные проекты в сфере физической культуры как способ реализации государственной молодежной политики. *Теория и практика физической культуры*, 1, 44–46.
- Носкова, Н. А. (2018). Анализ практик проектного менеджмента в сфере культуры. *Петербургский экономический журнал*, 4, 50–56. DOI: 10.25631/PEJ.2018.4.6
- Обучение граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» (2022). *Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости РФ*. Режим доступа <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment/>

- Османова, М. А. (2022). Государственная молодежная политика: проектный подход. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 2(84), 140–143. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-284-140-143
- Опубликовали итоги 1 сезона конкурса Росмолодёжь.Гранты для физических лиц (2022). *Telegram-канал руководителя Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодёжь) К. Разуваевой*. Режим доступа <https://t.me/kseniarazuvaeva/185>
- Официальный сайт Ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь» (2022). Режим доступа <https://xn---ftbj5akhn7eta.xn--p1ai/>
- Пастухова, Л. С. (2018) Формирование гражданской идентичности молодежи средствами социально-проектной деятельности: региональная модель. *Отечественная и зарубежная педагогика*, 2, 3 (51), 8–28.
- Певная, М. В., Минченко, Д. В., Чусовитин, Н. А. (2021). Социальные городские проекты: управленческие характеристики и виды молодежного участия. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 3 (63), 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79
- Платформа Добро.ru. (2022). Режим доступа <https://dobro.ru/>
- Подъячев К. В., Халий И. А. (2020). Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20 (2), 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
- Послание Президента Федеральному собранию (2021). Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>
- Постановление Правительства Российской Федерации № 1288 от 31.10.2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Режим доступа <https://docs.cntd.ru/document/551541664>
- Продолжается регистрация на участие в Национальной премии «Патриот — 2021» (2021). *Официальный сайт Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи*. Режим доступа <https://rospatriotcentr.ru/news/3732/>
- Протокол заседания Экспертной комиссии Всероссийского конкурса лучших региональных практик поддержки волонтерства «Регион добрых дел» 2022 года (2022). *Официальный сайт Российского центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи*. Режим доступа <https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/daf/daf1edc04256745debbfb5a412599ca3.pdf>
- Сборник лучших практик по итогам Международной Премии #МЫВМЕСТЕ 2021 года (2021). Режим доступа <https://edu.dobro.ru/upload/uf/fdb/fdb94486d14c3af1c31fc6556e5927a2.pdf>
- Смирнова, Д. О., Чуйков, О. Е., Абрамов, А. П. (2020). Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики в Российской Федерации. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 10(2), 165–174.
- Соколенко, В. В., Чаброва, Д. В., Коптенко, Е. Л. (2020). Проектно-ориентированное управление экологическим предпринимательством в регионах. *Вестник университета*, 1, 84–91. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-84-91
- Солнышкина, М. Г., Новикова, Ю. С. (2018). Молодежное социальное проектирование на региональном уровне (на примере Московской области). *Знание. Понимание. Умение*, 1, 38–46. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.3
- Строева, Г. Н. (2022) Доступность жилья в Хабаровском крае в условиях реализации национального проекта «Жилье и городская среда». *Власть и управление на Востоке России*, 1(98), 47–59. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-47-59
- Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>
- Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Режим доступа <https://docs.cntd.ru/document/573248507>

- Филатова, М. В., Стукало, О. Г., Лебедева, Л. В., Цуканова, К. А., Дзахмишева, И. Ш. (2020). Проектное управление в условиях цифровой экономики. *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*, 82(4), 335–339. DOI:10.20914/2310-1202-2020-4-335-339
- Якимова, М. Н. (2016). Проектное управление в структуре инструментария государственной политики. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, 50–66.
- Bezerra, E., Amorim, B., Melo, F. (2021). Barriers to Maturity in Project Management in the Public Sector: a Systematic Literature Review. *Research, Society and Development*, 10(10). DOI: 10.33448/rsd-v10i10.19223
- Brunet, M. (2019). Governance-as-practice for Major Public Infrastructure Projects: A Case of Multilevel Project Governing. *International Journal of Project Management*, 37, 283–297. DOI: 10.1016/j.ijproman.2018.02.007
- Dolata, M. (2019) Key Success Factors in Project Management from the Perspective of Organisation's Project Maturity — Research Results. *Problemy Zarządzania — Management Issues*, 17(82), 218–232. DOI: 10.7172/1644-9584.82.12
- Gorod, A., Hallo, L., Nguyen, T. (2018). A Systemic Approach to Complex Project Management: Integration of Command-and-Control and Network Governance. *Systems research and behavioral science*, 35(6), 811–837. DOI: 10.1002/sres.2520
- Khan, A., Waris, M., Ismail, I., Sajid, MR., Ullah, M., Usman, F. (2019). Deficiencies in Project Governance: An Analysis of Infrastructure Development Program. *Administrative sciences*, 9(1). DOI: 10.3390/admsci9010009
- Miroshnichenko, I., Tereshina, M., Shpiro, L. (2021). Project Management in State Authorities of Subjects of the Russian Federation: Development Factors and Resources. In *62nd International Scientific Online Conference on Economics and Entrepreneurship SCEE'2021 Proceedings*, (pp. 39–48). DOI: 10.7250/scee.2021.0005
- Savović, S., Petrović, D. (2021). Key Factors of Successful Preparation and Implementation of Projects: Empirical Evidence from Local Self-governments in the Republic of Serbia. *Društvene & humanističke nauke*, 4(1), 29–40. DOI: 10.5937/NPDUNP2101029S
- Žurga, G. (2018) Project Management in Public Administration. TPM — Total Project Management Maturity Model. The Case of Slovenian Public Administration. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 14(53), 144–159. DOI: 10.24193/tras.53E.9

Статья поступила в редакцию 12.02.2022

Статья принята к публикации 10.03.2022

Для цитирования: Мирошниченко И. В., Шпиро Л. А., Федоренко К. А. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 26–47.

THE PROJECT APPROACH IN RUSSIAN STATE YOUTH POLICY: INSTITUTIONAL PRACTICES AND DEVELOPMENT POTENTIAL

I. V. Miroshnichenko, L. A. Shpiro, K. A. Fedorenko

Inna V. Miroshnichenko

E-mail: mirinna78@mail.ru. ORCID 0000-0002-2650-6662.

Laura A. Shpiro

E-mail: laurok98@mail.ru. ORCID 0000-0001-5409-2922.

Konstantin A. Fedorenko

E-mail: KFedorenko@artek.org. ORCID 0000-0003-4863-2835.

Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the state task FZEN-2020-0022.

Abstract. The article comprehends the social discrepancy between the agencies of state youth policy project methods of work and the results achieved by them. The authors provide the results of their research of institutional practices in implementing of the federal and regional programs in the Russian Federation in the period 2018–2022. The authors developed a criteria matrix as an analytical tool for the empirical study to determine the relevance of the institutional practices of project activities to the priority objectives of state youth policy of the Russian Federation. The matrix is based on the “five transitions” of youth and a threefold set of institutional steps aimed at helping youth to discover their potential and to actualize their citizenship through empowerment, capacity building, and a “second chance”. On the results of the empirical study, the authors registered a deficit of project initiatives in the content field “Creating a family” of the life transition of young people, as well as a shortage of institutional practices to form the ability of young people to make the right decisions at all life transitions. The formation of abilities in young people implies not only the development of competencies, but also the creation an adequate information context and targeted content by the actors of public administration to indicate the key alternatives for the possible solutions and the resources for their implementation and decision making. The authors conclude that the introduction of the project approach in the practice of state youth policy on a systemic level contributes to a qualitative change in the system of goal-setting, with a focus on achieving specific results in key areas, the extension of inter-sectoral interaction mechanisms, and to integration of resources of various actors of public administration in the implementation of the project goals. The use of the institutional matrix of the five transitions and the complex measures in the design of the content of federal and regional projects design would allow to reshape the roles and status positions of young people in the Russian model of youth policy from the object of influence to its subjective position.

Keywords: project approach in State youth policy, national projects of the Russian Federation, “five transitions” of youth, policy of empowerment, development of abilities and providing a “second chance” to young people.

DOI 10.31429/26190567-23-1-26-47

References

- 31 tisyacha proyektov: zavershilsya priyem zayavok na Mezhdunarodnuyu Premiyyu #MYVMESTE-2022 [31,000 Projects: Applications are Now Closed for the International Prize #We are Together-2022] (2022). *Vedomosti* [Vedomosti]. Retrieved from https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/06/29/31-tisyacha-proyektov-zavershilsya-priem-zayavok-na-mezhdunarodnuyu-premiyu-mivmeste-2022
- Bezerra, E., Amorim, B., Melo, F. (2021). Barriers to Maturity in Project Management in the Public Sector: A Systematic Literature Review. *Research, Society and Development*, 10(10). DOI: 10.33448/rsd-v10i10.19223
- Borisov, N. S. (2020). Primeneniye metodov proyektного upravleniya v agropromyshlennom komplekse RF [Application of Project Management Methods in the Agro-Industrial Complex of the Russian Federation]. *Finansovyye rynki i banki* [Financial Markets and Banks], 5, 80–82.
- Brunet, M. (2019). Governance-as-Practice for Major Public Infrastructure Projects: A Case of Multilevel Project Governing. *International Journal of Project Management*, 37, 283–297. DOI: 10.1016/j.ijproman.2018.02.007
- Doklad o mirovom razvitiy 2007: Razvitiye i novoye pokoleniye [World Development Report 2007: Development and the Next Generation]. (2007). Moskva: Ves' Mir. 15–17.
- Dolata, M. (2019) Key Success Factors in Project Management from the Perspective of Organisation's Project Maturity – Research Results. *Problemy ZarzEdzania – Management Issues*, 17(82), 218–232. DOI: 10.7172/1644-9584.82.12
- Federal'nyy zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ “O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation”]. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/573248507>

- Filatova, M. V., Stukalo, O. G., Lebedeva, L. V., Tsukanova, K. A. & Dzakhmisheva, I. Sh. (2020). *Proyektnoye upravleniye v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki* [Project Management in the Digital Economy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologiy* [Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies], 82(4), 335–339. DOI:10.20914/2310-1202-2020-4-335-339.
- Gavrilenko, I. G., Isayeva, N. V., Vorontsov, R. V. (2021). *Proyektnoye upravleniye territorial'nym razvitiyem malogo biznesa* [Project Management of Territorial Development of Small Businesses]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [Project Management of Territorial Development of Small Businesses], 3(37), 123–132. DOI: 10.17122/2541-8904-2021-3-37-123-132
- Gorod, A., Hallo, L., Nguyen, T. (2018). A Systemic Approach to Complex Project Management: Integration of Command-and-Control and Network Governance. *Systems Research and Behavioral Science*, 35(6), 811–837. DOI: 10.1002/sres.2520
- Ivanova, S. V., Pastukhova, L. S. (2018). *Vozmozhnosti ispol'zovaniya proyektного метода v obrazovanii i rabote s molodezh'yu na sovremennom etape* [The Possibilities of Using the Project Method in Education and Work with Young People at the Present Time]. *Obrazovaniye i nauka* [Education and Science Journal], 6, 29–49. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-6-29-49
- Katayeva, T. M., Kruk, M. G. (2016). *Sotsial'noye proyektirovaniye v molodezhnoy politike RF: osobennosti, problemy i napravleniya realizatsii* [Social Designing in the Youth Policy of the Russian Federation: Features, Problems and Directions of Realization]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Institute of Information Technology], 2(24), 95–97.
- Khan, A., Waris, M., Ismail, I., Sajid, MR., Ullah, M., Usman, F. (2019). Deficiencies in Project Governance: An Analysis of Infrastructure Development Program. *Administrative Sciences*, 9(1). DOI: 10.3390/admsci9010009
- Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on 12 December 1993 with Amendments Approved by all-Russian Voting on 1 July 2020)]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- Kuznetsova, L. V. (2016). *Sotsial'no-proyektная deyatelnost' v sfere gosudarstvennoy obrazovatel'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii* [Social and Design Activity in the Sphere of the State Educational Policy in the Russian Federation]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Journal of Public and Municipal Administration], 1, 49–52. DOI: 10.12737/18848
- Leonova, O. V. (2020). *Otrasli gosudarstvennoy politiki v Rossiyskoy Federatsii: priority modernizatsii v usloviyakh prinyatiya konstitutsionnykh popravok 2020 g.* [State Policy Branches in the Russian Federation and its Modernization Priorities Under the Context of the Constitution Amendments in 2020]. *Vlast' [Vlast']*, 28(5), 58–65. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7571
- Miroshnichenko, I., Tereshina, M., Shpiro, L. (2021) *Project Management in State Authorities of Subjects of the Russian Federation: Development Factors and Resources*. In *62nd international scientific online conference on Economics and Entrepreneurship SCEE'2021 Proceedings*, 39–48. DOI: 10.7250/scee.2021.0005
- Miroshnichenko, I. V., Shpiro, L. A. (2019). *Proyektnoye upravleniye v gosudarstvennom sektore: zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika* [Project Management in the Public Sector: Foreign Experience and Russian Practice]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations], 3(3), 360–368. DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-3-360-368.
- Molodezh' i molodezhnaya politika [Youth and Youth Policy] (2022). *VTSIOM [WCIOM]*. Retrieved from https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-02-15_Molodezh_i_molodezhnaya_politika_gd_2022.pdf
- Morozova E. V., Miroshnichenko, I. V., Shpiro, L. A. (2021). *Tsifrovaya inklyuziya kak faktor politicheskoy sotsializatsii starsheklassnikov* [Digital Inclusion as a Factor of Political Socialization of

- High School Students]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya* [Social'nye i Gumanitarnyye Znaniya], 7(4), 378–391. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-4-378-391
- Narkhov, D. Yu., Narkhova, Ye. N. (2021). Sotsial'nyye proyekty v sfere fizicheskoy kul'tury kak sposob realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki [Social Projects in Physical Education and Sports for State Youth Policy Implementation]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kultury], 1, 44–46.
- Noskova, N. A. (2018). Analiz praktik projektного menedzhmenta v sfere kul'tury [The Project Management Practices Analysis in the Field of Culture]. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal* [St. Petersburg Economic Journal], 4, 50–56. DOI: 10.25631/PEJ.2018.4.6
- Obucheniye grazhdan v ramkakh federal'nogo proyekta "Sodeystviye zanyatosti" natsional'nogo proyekta "Demografiya" [Training of citizens within the framework of the federal project "Promotion of Employment" of the national project "Demography"] (2022). *Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby po trudu i zanyatosti RF* [Official Website of the Federal Labor and Employment Agency of the Russian Federation]. Retrieved from <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment/>
- Ofitsial'nyy sayt Assotsiatsii studencheskikh patrioticheskikh klubov "YA gorzhus'" [Official Website of the Association of Student Patriotic Clubs "I'm proud"] (2022). Retrieved from <https://xn---ftbj5akhn7eta.xn--p1ai/>
- Opublikovali itogi 1 sezona konkursa Rosmolodezh'. Granty dlya fizicheskikh lits [The Results of the 1st Season of the Rosmolodezh' Competition. Grants for Individuals] (2022). *Telegram-kanal rukovoditelya Federal'nogo agentstva po delam molodezhi (Rosmolodezh') K. Razuvaevoy* [Telegram Channel of the head of the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh') K. Razuvaeva]. Retrieved from <https://t.me/kseniarezuvaeva/185>
- Osmanova, M. A. (2022). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: proyektnyy podkhod [State Youth Policy: Project Approach]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and Business: Theory and Practice], 2(84), 140–143. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-284-140-143
- Pastukhova, L. S. (2018). Formirovaniye grazhdanskoy identichnosti molodezhi sredstvami sotsial'no-proyektnoy deyatel'nosti: regional'naya model' [Formation of Civil Identity of Youth Through Means of Social and Project Activity: Regional Model]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and Foreign Pedagogy], 3(51), 8–28.
- Pevnaya, M. V., Minchenko, D. V., Chusovitin, N. A. (2021). Sotsial'nyye gorodskiyе proyekty: upravlencheskiye kharakteristiki i vidy molodezhnogo uchastiya [Social Urban Projects: Management Characteristics and Types of Youth Participation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 3 (63), 79–87. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_79
- Platforma Dobro.ru [Dobro.ru platform] (2022). Retrieved from <https://dobro.ru/>
- Podyachev, K. V., Khaliy, I. A. (2020). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii: kontseptsiya i realii [The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 20 (2), 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276
- Poslaniye Prezidenta Federal'nomu sobraniyu [President's Address to the Federal Assembly] (2021). Retrieved from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>
- Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 1288 ot 31.10.2018 g. "Ob organizatsii projektnoy deyatel'nosti v Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1288 of 31.10.2018. "On the Organization of Project Activities in the Government of the Russian Federation"]. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/551541664>
- Prodolzhayetsya registratsiya na uchastiye v Natsional'noy premii "Patriot — 2021" [Registration for the National Award "Patriot — 2021"] (2021). *Ofitsial'nyy sayt Rossiyskogo tsentra grazhdanskogo i patrioticheskogo vospitaniya detey i molodezhi* [Official Site of the Russian Center for Civil and Patriotic Education of Children and Youth]. Retrieved from <https://tospatriotcentr.ru/news/3732/>

- Protokol zasedaniya Ekspertnoy komissii Vserossiyskogo konkursa luchshikh regional'nykh praktik podderzhki volonterstva "Region dobrykh del" 2022 goda [Minutes of the meeting of the Expert Commission of the All-Russian Contest of the Best Regional Practices of Supporting Volunteering "Region of Good Deeds" 2022] (2022). *Ofitsial'nyy sayt Rossiyskogo tsentra grazhdanskogo i patrioticheskogo vospitaniya detey i molodezhi* [Official site of the Russian Center for Civil and Patriotic Education of Children and Youth]. Retrieved from <https://rospatriotcentr.ru/upload/iblock/daf/daf1edc04256745debbfb5a412599ca3.pdf>
- Savović, S., Petrović, D. (2021) Key Factors of Successful Preparation and Implementation of Projects: Empirical Evidence from Local Self-Governments in the Republic of Serbia. *Društvene & humanističke nauke*, 4(1), 29–40. DOI: 10.5937/NPDUNP2101029S
- Sbornik luchshikh praktik po itogam Mezhdunarodnoy Premii #MYVMESTE 2021 goda [Collection of Best Practices Based on the Results of the International Award #MYVTOGETHER 2021] (2021). Retrieved from <https://edu.dobro.ru/upload/uf/fdb/fdb94486d14c3af1c31fc6556e5927a2.pdf>
- Smirnova, D. O., Chuykov, O. Ye., Abramov, A. P. (2020). Natsional'nyye proyekty kak instrument gosudarstvennoy sotsial'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii [National Projects as a Tool of State Social Policy in The Russian Federation]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management], 10(2), 165–174.
- Sokolenko, V. V., Chabrova, D. V., Koptenok, Ye. L. (2020). Proyektno-oriyentirovannoye upravleniye ekologicheskim predprinimatel'stvom v regionakh [Project-Oriented Management of Environmental Entrepreneurship in the Regions]. *Vestnik universiteta* [Vestnik Universiteta], 1, 84–91. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-84-91
- Solnyshkina, M. G., Novikova, Yu. S. (2018). Molodezhnoye sotsial'noye proyektirovaniye na regional'nom urovne (na primere Moskovskoy oblasti) [Youth Social Planning at the Regional Level (Exemplified by the Moscow Region)]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, 38–46. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.3
- Stroyeva, G. N. (2022). Dostupnost' zhil'ya v Khabarovskom kraye v usloviyakh realizatsii natsional'nogo proyekta "Zhil'ye i gorodskaya sreda" [Housing Affordability in the Khabarovsk Territory in the Context of Implementation of the National Project "Housing and Urban Environment"]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 1(98), 47–59. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-98-1-47-59
- Ukaz Prezidenta RF № 474 ot 21.07.2020 g. "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda" [Presidential Decree No. 474 of 21.07.2020. "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"]. Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>
- V Krasnodarskom kraye startoval masshtabnyy proyekt "Voronka innovatsionnykh startupov" [A Large-scale Project "Funnel of Innovative Start-ups" (2022) was Launched in Krasnodar Region] (2022). *Ofitsial'nyy sayt Departamenta organizatsii proyektnoy deyatel'nosti administratsii Krasnodarskogo kraya* [Official Site of the Department for the Organization of Project Activities of the Administration of the Krasnodar Territory]. Retrieved from <https://dopd.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/211026>
- Vserossiyskiy konkurs "Flagmany obrazovaniya. Studenty" [All-Russian Competition "Flagships of Education. Students"] (2022). Retrieved from <https://studtrek.rsv.ru/>
- Yakimova, M. N. (2016). Proyektnoye upravleniye v strukture instrumentariya gosudarstvennoy politiki [Project Management in Public Policy's Toolkit Structure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 3, 50–66.
- Yerlygina, Ye. G., Vasil'yeva, A. D. (2021). Primeneniye proyektного upravleniya v agropromyshlennom komplekse [Application of Project Management in the Agro-Industrial Complex]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 7(10), 139–144. DOI: 10.33619/2414-2948/71/17
- Zubok, Yu. A. (2020). Molodezh': zhiznennyye strategii v novoy real'nosti [Youth: Life Strategies in a New Reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*

[Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3, 4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688

Žurga, G. (2018) Project Management in Public Administration. TPM – Total Project Management Maturity Model. The Case of Slovenian Public Administration. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 14(53), 144–159. DOI: 10.24193/tras.53E.9

Received 12.02.2022

Accepted 10.03.2022

For citation: Miroshnichenko I. V., Shpiro L. A., Fedorenko K. A. The Project Approach in Russian State Youth Policy: Institutional Practices and Development Potential.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 26-47.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ VIII СОЗЫВА¹

А. И. Соколов, Е. Д. Гребенко

Соколов Александр Владимирович

Эл. почта: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374.

Гребенко Егор Дмитриевич

Эл. почта: grebenkoegor76@gmail.com. ORCID 0000-0001-9978-077X.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150000, Россия.

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания информационной повестки, формируемой в социальной сети «ВКонтакте» в период выборов депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва. Актуальность исследования социальных сетей связана с их значительной ролью в процессе формирования установок и восприятия действительности современной молодежью. С этой целью был проведен анализ сообществ молодежных общественных организаций («Российский союз молодежи» и «Российской союз сельской молодежи»), а также молодежных организаций политических партий, выдвинувших кандидатов на выборы депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва. Доминирующая информационная повестка определялась на основе анализа новостной ленты информационного агентства «РИА Новости» в социальной сети «ВКонтакте». Анализ сообществ осуществлялся по двум направлениям. Во-первых, собрана информация по повесткам и активности аудитории. Во-вторых, был рассмотрен ряд характеристик информационного освещения в социальной сети «ВКонтакте»: демографические характеристики аудитории, ценностные ориентации и настроения аудитории, тематика информационных повесток, вовлеченность аудитории в информационную повестку сообщества. Результаты исследования позволяют говорить о том, молодежь довольно далека от основных реальных и значимых повесток проблем и развития страны, наблюдаются различия с транслируемыми повестками «РИА Новости» как наиболее крупного и актуального информационного агентства. В целом и сама повестка «РИА Новости» конъюнктурна и транслирует актуальные новостные сводки, не ориентируясь на предпочтения целевой аудитории. Партийные молодежные сообщества не используют для работы со сторонниками и аудиторией инструменты двухсторонней коммуникации, что сказывается на вовлеченности пользователей в информационную повестку, транслируемую сообществами. Тематика выборов как основная повестка в данный период не транслировалась «РИА Новости», сообщества молодежных общественных организаций «ВКонтакте». Предвыборная повестка слабо транслировалась молодежными крыльями политических партий. Сообщества молодежных организаций, скорее, ориентированы на собственные приоритеты и самостоятельно создаваемую текущую повестку, нежели на общеполитическую повестку в стране. Это позволяет говорить о том, что молодежь вынуждена удовлетворять собственный интерес в получении актуальной информации о выборах в других сообществах и там вступать в обсуждение кандидатов, партий и их программ.

Ключевые слова: молодежь, информационная повестка, Интернет, выборы, социальные сети, «ВКонтакте», политические партии, молодежные организации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31366 «Образ будущего России в представлениях учащейся молодежи: факторы формирования и трансформации в условиях перемен и кризисов».

Теоретические подходы к изучению информационной повестки в социальных сетях

Развитие информационно-коммуникативных технологий позволило сформировать новые каналы коммуникации с целевыми аудиториями и транслирования им информационных повесток. В результате Интернет превратился одновременно в коммуникативную среду и канал коммуникации субъектов, транслирующих определенные месседжы, с их реципиентами. Глобальная сеть облегчает транслирование информации посредством присущих ей характеристик: отсутствия посредников, кастомизации, мультимедийности и интерактивности (Филатова, 2000). Актуальность данных свойств Глобальной сети возрастает в условиях кризиса традиционных институтов, поиска гражданами новых форматов самоорганизации, взаимодействия, агрегации и артикуляции интересов (Cohen, Kahne, 2012).

Одними из ключевых каналов взаимодействия в Интернете выступают социальные сети. Более того, они институционализируются, начиная выполнять определенные функции: регулятивные, коммуникативные, транслирующие, интегративные и др. (Щербакова, 2018). Социальные сети и сообщества, созданные в них, являются значимым, а иногда и альтернативным официальным СМИ источником информации не только о жизни «друзей», но и о жизни региона страны, мира в целом. На страницах сообществ в связи с этим зарождаются дискуссии, происходит обмен мнениями, создаются условия для обсуждения общественных проблем (Boulianne, 2009). Особое значение в данном контексте социальные сети играют для молодежи (Palfrey, Gasser, 2008).

Различные общественные и политические организации, группы по интересам целенаправленно создают и ведут страницы, сообщества в социальных сетях с целью транслирования собственной повестки, позиции и оценки текущей ситуации по волнующим их вопросам. Это позволяет структурировать социальное пространство, формировать устойчивые группы, обладающие признаками внутригрупповой идентичности (Merle, Reese, Drews, 2019). Подобные сообщества и транслируемая в них информационная повестка со специфической интерпретацией могут формировать новую реальность и новые смыслы для их подписчиков (Володенков, 2017). Возникающая таким образом коммуникация, идентичность, сопричастность позволяют стимулировать коллективное действие не только онлайн, но и офлайн. Чтобы добиться большей степени вовлеченности подписчиков, их отклика на транслируемую повестку, авторы и модераторы вынуждены использовать эмоционально окрашенные посты, повышая тем самым остроту обсуждения и используемых оценочных суждений (Heiss, Schmuck, Matthes, 2019).

Отражение политической повестки в СМИ и новых медиа – значимый фактор социализации современной молодежи. Исследователь У. Липпман отмечал, что СМИ являются связующими звеньями между событиями, происходящими в мире, и образами этих событий в сознании людей (Липпман, 2004). В то же время сам контент и дискурс социальных сетей – отражение потребностей аудитории.

Однако различные повестки и месседжы оказывают неодинаковое воздействие на сознание граждан. Если проблема близка и понятна получателю информации, он непосредственно имеет «контакт» с ней, то транслируемая через СМИ и медиа информация будет воспринимается через личный опыт а значит, критически осмысливаться, иметь меньший эффект воздействия на индивида. Если же он не

сталкивался с данной проблемой, она ему малознакома, то он будет более восприимчив к информации СМИ, с большей вероятностью доверится ей (Дьякова, 2003). Это наиболее важно для анализа информационного потребления молодежи, в силу незначительного опыта она в большей степени подвержена воздействию СМИ и новых медиа.

Рассматривая базовую функцию Интернета — передачу информации — следует отметить резкое возрастание объемов общественно-политической информации и интенсификацию информационного обмена, что приводит к снижению качества и объема получаемых знаний, способствуя росту неопределенности политической активности (Володенков, 2012). Одним из свойств политической культуры, определяющей формы участия молодежи в политической жизни, является избирательность индивида в поиске, восприятии и информационном обмене. В условиях развития Интернета актуализируется теория подкрепления, объясняющая механизмы гражданской активности (McLeod, Kosicki, McLeod, 2002). Исследователи С. Бест и Дж. Крюгер рассматривали Сеть в качестве инструмента усиления гражданской активности за счет ее использования индивидами, активными в офлайн-плоскости (Krueger, 2005). Исследователи К. Страндберг и Т. Карлсон также отмечали актуальность теории подкрепления при изучении общественно-политических процессов в различных странах (Strandberg, Carlson, 2016).

Таким образом, Интернет в значительной мере воздействует на механизмы участия граждан, в том числе и молодежи, в общественно-политическом процессе. Воздействуя на социокультурные факторы, Сеть способствует распространению постматериальных ценностей, определяющих идейные образцы участия молодежи в политической жизни. Под влиянием Интернета также трансформируется и политическая культура, которая определяет эмоциональное отношение индивида к общественно-политическому процессу. Развитие технологий способствует сетивизации взаимодействий активистов, что определяет субъектное участие, основанное на принципах самоорганизации и реализующееся в проектной форме.

Интернет способствует сокращению транзакционных издержек и упрощению организационных процедур, что формирует благоприятные условия для роста гражданской активности. В свою очередь, цифровизация гражданской активности способствует вовлечению молодежи и нередко политизации гражданской активности (Соколов, Барский, 2021). Участие молодежи в мероприятиях, связанных с гражданской активностью, в том числе в онлайн-формах, зачастую носит нелояльный протестный политический характер.

Как отмечает О. В. Попова, социальные сети содержат свыше 70% размещаемой в Интернете информации (Попова, Сулов, 2021). Они становятся ведущими площадками генерации и распространения смыслов для современного общества. Российские исследователи указывают, что социальные сети являются основным источником информации для современной обучающейся молодежи (Володенков, Белоконов, Сулова, 2021).

Поэтому можно говорить о том, что современная молодежь существенно отличается по своим ценностным характеристикам от старшего поколения. Как отмечает В. Радаев, включение ее в общественно-политическую активность существенно изменяет социокультурный и общественно-политический ландшафт страны (Радаев, 2020). Это связано как с тем, что данная демографическая группа

не имеет наследия «советского человека» и «лихих 90-х», так и с тем, что она обладает специфической коммуникационной матрицей, базирующейся на цифровых каналах генерирования и трансляции информации. К аналогичным выводам в ходе собственных исследований пришел ранее и В. С. Комаровский (Комаровский, 2013). При этом он также отмечает, что спецификой является «клиповость мышления» современной молодежи, которая сформировалась в результате постоянного пребывания в интернет-пространстве (Образ будущего..., 2021).

В связи с этим можно утверждать, что сознание молодежи и ее основные модели поведения предопределяются Интернетом и информационно-коммуникативными технологиями в целом (Van Dijk, 2006). В данном контексте следует отметить важность тех смыслов, которые транслируются в социальных сетях и Интернете. Они формируют понимание молодыми людьми «сущности и значения всего, с чем приходится взаимодействовать» (Зубок, Чупров, Любутов, Сорокин, 2021). Однако важна выявленная тенденция: молодые люди, потребляя основную информацию из социальных сетей, становятся менее восприимчивы к другим, альтернативным точкам зрения (Harding, 2022). Показателем значимости информации становится не ее правдоподобность (или какие-то другие объективные характеристики), а степень поддержки другими пользователями через лайки, ретвиты, репосты, комментарии: чем их больше, тем более важными и авторитетными становятся смыслы размещаемых в социальных сетях сообщений (Володенков, Белоконев, Суслова, 2021).

Потребление смыслов и информации в целом через ИКТ, Интернет и социальные сети существенно влияет на формы общественно-политической и информационно-коммуникативной активности людей, и в первую очередь — молодежи (Dunas, Vartanov, 2020). В результате актуализируется исследование информационного потребления в цифровой среде, доверия источникам информации и определения среди них наиболее удобных (Kümpel, Karnowski, Keyling, 2015).

В связи с этим цель данной статьи — выявление содержания и особенностей транслируемых в молодежных сообществах в Интернете смыслов в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва. Они не только отражают определенную общественно-политическую и социально-экономическую проблематику, но и формируют отношение к ней современной молодежи, предопределяя ее электоральное поведение.

Методика исследования

Социальные сети и мессенджеры имеют технологические особенности, которые ограничивают возможности анализа активности создаваемых сообществ пользователей. В связи с этим, выделяя ряд критериев, важных для сетевого анализа (открытость (возможность парсинга и поиска), прямые сообщения, создание групп, техническая агрегация (создание групп при помощи рекламы), добавление «ботов»-помощников), О. В. Попова отмечает, что сеть «ВКонтакте» наиболее открыта для такого анализа (Попова, 2018). Аудитория данной социальной сети в наибольшей степени соответствует целевой аудитории нашего исследования — российской молодежи (Аудитория социальных сетей..., 2021). Выбор данной сети можно также обосновать результатами исследования ряда отечественных полито-

логов, которые продемонстрировали, что новостная лента «ВКонтакте» является наиболее востребованным форматом потребления общественно-политической информации современной молодежью (Володенков, Белоконев, Сулова, 2021).

По этим причинам авторским коллективом для анализа информационной повестки и транслируемых в молодежных сообществах в Интернете смыслов была выбрана социальная сеть «ВКонтакте».

Анализ показал, что наибольшее количество подписчиков среди всероссийских СМИ в сети «ВКонтакте» имеет информационное агентство «РИА Новости» (<https://vk.com/ria>) — более 2,6 млн. Следовательно, можно предполагать, что именно данное средство массовой информации имеет наибольшую аудиторию в этой социальной сети. Парсинг подписчиков сообщества данного СМИ показал, что 59% из них — в возрасте до 35 лет, что позволяет оценивать данное сообщество как канал распространения федеральной информации на целевую аудиторию молодых людей.

Для того чтобы определить особенности информационной повестки в молодежных и новостных сообществах сети «ВКонтакте» во время предвыборной кампании 2021 г. были проанализированы массивы данных из целевых сообществ с дальнейшим сравнением их с крупнейшим информационным агентством «РИА Новости».

Для исследования молодежной повестки был проведен анализ двух групп молодежных организаций:

1) группы молодежных организаций — крыльев политических партий, выдвинувших своих кандидатов в депутаты Государственной думы Российской Федерации VIII созыва (при этом группа должна была соответствовать критерию активности, т.е. в ней размещались посты в период с июня по сентябрь 2021 г.);

2) сообщества двух наиболее крупных всероссийских молодежных организаций.

Таким образом, в выборку для исследования попали:

1) «Молодежь Справедливой России» — официальная группа молодежного крыла партии «Справедливая Россия» (МСП) (<https://vk.com/msr.spravedlivo>);

2) «Молодая Гвардия Единой России» — официальная группа молодежного крыла партии «Единая Россия» (МГЕР) (<https://vk.com/vmgere>);

3) «Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации» — официальная группа молодежного крыла партии КПРФ (ЛКСМ) (<https://vk.com/vkomsomole>);

4) «Молодежная организация ЛДПР» — официальная группа молодежного крыла партии ЛДПР (<https://vk.com/ros.molodejldpr>);

5) «Российский союз сельской молодежи» (РССМ) (https://vk.com/omoo_rssm);

6) «Российский Союз Молодежи» (РСМ) (<https://vk.com/rsmofficial>).

Анализ деятельности сообществ проводился в период с 1 июня 2021 г. по 18 сентября 2021 г., как наиболее активный период в информационном освещении предвыборных кампаний в России. Анализ осуществлялся по двум направлениям. Во-первых, сбор информации по повесткам и активности аудитории. Он проходил вручную с внесением данных о каждом посте в специально разработанную таблицу. Затем данные по активности аудитории, основным темам и содержанию повесток были обработаны посредством статистического анализа данных в программном продукте SPSS. Во-вторых, были рассмотрены

следующие характеристики информационного освещения в социальной сети «ВКонтакте»: демографические характеристики аудитории, ценностные ориентации и настроения аудитории, тематика информационных повесток, вовлеченность аудитории в информационную повестку сообщества. Перечисленные данные были собраны с помощью программы парсера. Необходимо отметить, что при сборе данных посредством парсинга аудитории сообществ возможно получение лишь тех данных, которые пользователи сами указали в описании личных страниц.

Анализ аудитории сообществ

Анализ аудитории сообществ изучаемых молодежных организаций показал ее неоднородность. Так, молодых людей в возрасте до 35 лет в группе МГЕР оказалось 73%, ЛКСМ — 54% (причем мужчин в данном сообществе — 74%), ЛДПР — 75% (также преобладают мужчины — 66%), РССМ — 67% (преобладают женщины — 59%), РСМ — 82% (преобладают женщины — 63%). В среднем практически треть всех пользователей указали свой возраст и все — свой пол. Можно отметить, что наиболее «молодежная» аудитория у МГЕР, ЛДПР и РСМ. Почти половина аудитории ЛКСМ и треть аудитории РССМ не попадают в возрастное определение «молодежь», что говорит о несовпадении с целевой аудиторией.

Среди политических предпочтений аудитории анализируемых молодежных сообществ доминируют умеренные взгляды, исключение составляют лишь группы ЛКСМ (коммунистические и социалистические) и ЛДПР (либеральные и умеренные). Аудитория «РИА Новостей» как наиболее дифференцированного сообщества сочетает в себе представителей умеренных (большинство), либеральных и социалистических взглядов. Подобное распределение аудитории в молодежных крыльях партий способствует формированию устойчивых по политическим взглядам сообществ молодых людей, способных действовать, исходя из идеологических интересов их организаций. В то же время преобладание людей с умеренными взглядами, скорее, говорит об общей незаинтересованности в политической повестке современной молодежи. Это подтверждается и сферой интересов подписчиков анализируемых сообществ: интересующиеся политикой пользователи преобладают только в сообществах ЛКСМ и ЛДПР. Аудиторию «Молодой Гвардии Единой России» интересует в большей степени музыка и спорт. Для подписчиков сообществ РССМ и РСМ наибольший интерес представляют музыка, спорт и путешествия, что также говорит о несегментированности и высокой дифференциации интересов их аудитории.

Анализ ценностных установок аудитории сообществ показал, что для пользователей приоритетны доброта и честность (наиболее популярны), смелость и упорство (особенно популярно среди групп молодежных организаций политических партий), ум и креативность, а также юмор и жизнелюбие. Среди наиболее популярных ценностей у пользователей можно выделить: семью и детей (самые популярные), саморазвитие, совершенствование мира (у пользователей группы ЛКСМ это самая популярная ценность). Подобная расстановка приоритетов и ценностей у пользователей может говорить о важности для них в первую очередь близкого окружения — семьи и родственников. При этом можно также отметить довольно сильную ориентацию на индивидуальные ценности, которые все еще остаются более популярными, чем групповые.

Таблица 1. Активность аудитории сообществ

Table 1. Community engagement

Сообщество/показатели оценки Community/Evaluation Indicators	Количество подписчиков Number of subscribers	Количество просмотров (среднее) Number of viewings (average)	Лайки (среднее) Likes (average)	Комментарии (среднее) Comments (average)	Репосты (среднее) Reposts (average)	Активность по просмотрам Viewing activity	Активность по лайкам Likes activity	Активность по комментариям Comment	Активность по репостам Repost
«РИА Новости»	2631193	52701	205	135	77	0,020	0,004	0,003	0,001
МГЕР	58010	3019	88	0,6	7	0,052	0,029	0,000	0,002
МСП	1022	680	50	12	2	0,665	0,074	0,018	0,003
ЛКСМ	12346	3257	178	6	19	0,264	0,055	0,002	0,006
ЛДПР	17903	1308	39	3	4	0,073	0,030	0,002	0,003
РССМ	12980	1961	34	1	8	0,151	0,017	0,001	0,004
РСМ	66788	3491	54	4	9	0,052	0,015	0,001	0,003

Анализ активности сообществ

Посредством прямого подсчета статистики по каждому посту в анализируемых сообществах сети «ВКонтакте» (просмотры, лайки, комментарии и репосты) были определены основные характеристики активности аудитории (табл. 1).

Результаты анализа собранных данных позволяют говорить о том, что наиболее крупным среди молодежных партийных организаций является сообщество МГЕР, среди непартийных — РСМ. Самая малочисленная группа — сообщество МСП в сети «ВКонтакте», что говорит о достаточно низкой активности аудитории этой организации в социальных сетях в целом. Аудитории ЛКСМ и ЛДПР примерно одинаковы по численности с преимуществом у молодежного крыла последней.

Количество просмотров сообщений анализируемых групп демонстрирует несколько иную ситуацию. При этом следует отметить: при подобном расчете необходимо учитывать, что не только подписчики сообщества могут просматривать посты, но и пользователи, увидевшие его без подписки. Однако, как правило, они составляют незначительную долю в общем количестве просмотревших пост. Наименее активной по просмотрам является аудитория «РИА Новости», а наиболее активной — МСП. Среди молодежных крыльев партий ситуация также неоднозначна. При самой большой аудитории в данном сегменте МГЕР имеет наиболее низкую активность (особенно по сравнению с МСП). Противоположная ситуация наблюдается и у групп ЛДПР и ЛКСМ, где по активности аудитории в просмотрах лидером стала ЛКСМ, причем с достаточно высоким перевесом. Непартийные молодежные организации также показывают довольно низкую активность аудито-

рии своих сообществ, но здесь можно отметить группу РССМ, которая, несмотря на меньшее количество подписчиков, опережает РСМ по активности просмотров.

Активность по лайкам, которая отражает прямую реакцию аудитории на транслируемый контент, также довольно низка и аналогична описанной ситуации по активности просмотров. Комментарии и репосты также не пользуются популярностью в исследуемых сообществах, можно лишь выделить следующие особенности: на каждый пост в группе МГЕР в среднем приходится менее одного комментария. Аудитория ЛКСМ выделяется среди анализируемых сообществ наибольшей активностью репостов. В целом заметна довольно низкая активность аудитории всех перечисленных сообществ. Относительно активной можно назвать лишь сообщество МСР (которое, как оказалось, было создано лишь в 2020 г.). Официальные сообщества молодежных крыльев партий являются более активными, нежели РСМ и РССМ, что говорит о более высокой причастности аудитории к политической тематике, чем общественной.

Необходимо отметить, что аудитория рассматриваемых молодежных сообществ более активна нежели участники группы сообщества «РИА Новости», что говорит об определенной разнице в позиционировании страниц в социальной сети. «РИА Новости», несмотря на попытки введения интерактива с аудиторией в виде опросов, не ставит перед собой задачу установки двухсторонней коммуникации с пользователями, а просто осуществляет информационное обеспечение максимально широкого круга пользователей (большинство которых и составляет молодежь). Молодежные сообщества же наоборот более ориентированы на целевую аудиторию, но, несмотря на более высокую активность по сравнению с «РИА новости», они все же не могут полноценно привлечь аудиторию к участию внутри сообществ в формате диалога, что и сказывается на общей активности подписчиков.

Собранные данные позволяют говорить о том, что созданные анализируемыми молодежными организациями сообщества не ориентированы на выстраивание активной диалоговой модели коммуникации. Их аудитория не вовлечена в поддержку (лайки), обсуждение (комментарии) и транслирование вовне (например, посредством репостов) генерируемых в них смыслов и информационных поводов.

Анализ информационных повесток молодежных сообществ

При просмотре всех постов анализируемых сообществ за период с 1 июня по 28 сентября 2021 г. были определены тематики основных информационных повесток, транслируемых группами своей аудитории. Основные данные представлены в табл. 2 (в ней приведены повестки с более 1% от общего количества).

Необходимо отметить, что явный лидер по количеству тематик — группа «РИА Новости», которая транслировала наиболее актуальные повестки. Ограничиваясь сравнительными характеристиками, которые наглядно показывают сопряжение общих данных, в анализ мы не включили иные крупные повестки, транслируемые информационным агентством. Наиболее часто встречающимися темами в новостной ленте «РИА Новости» были: COVID-19; экология; события, связанные с США; события, связанные с Украиной; внешняя политика в целом; спорт и Олимпиада; преступность и происшествия. При этом молодежные организации не затрагивают тему внешней политики и положения в других государствах у себя в группах, полностью сосредотачиваясь на ситуации в России. Также молодежные сообщества не транслируют информацию о происшествиях, что вполне

Таблица 2. Основные тематики повесток сообществ, %

Table 2. Main topics of community agendas, %

Тематика повесток сообществ	РИА новости	МГЕР	МСП	ЛКСМ	ЛДПР	РССМ	РСМ
COVID-19	11,8	<1	<1	<1	2,3	<1	3,7
Экология	5,5	4,7	<1	<1	<1	2,8	<1
События, связанные с США	5,3	<1	<1	<1	<1	<1	<1
События, связанные с Украиной	4,7	<1	<1	<1	<1	<1	<1
Внешняя политика (в целом)	7,5	<1	<1	<1	<1	<1	<1
Спорт и Олимпиада	6,3	12,1	<1	<1	3,8	6,7	<1
Преступность, ДТП, происшествия	17,6	<1	<1	<1	<1	<1	<1
Развитие волонтерства	<1	10,7	<1	<1	<1	4,0	17,7
Социальные лифты для молодежи	<1	4,0	<1	<1	<1	9,9	15,5
Преимственность поколений	<1	<1	<1	<1	<1	6,3	3
Воспитание патриотизма у молодежи	<1	5,4	<1	<1	<1	4,3	8,1
Общее информирование о выборах	<1	9,4	2,4	5,6	4,6	<1	<1
Упоминание партий и кандидатов	<1	4,0	10,3	4,8	16,0	<1	<1
Отчет о мероприятиях	–	20,8	85,7	82,6	50,4	52,6	42,8

объяснимо несовместимостью форматов сообществ с данной тематикой. Тематами, получившими наибольшее освещение как в молодежных группах, так у «РИА Новости», являются: COVID-19, экология (можно объяснить общим трендом на данную тематику в мире), спорт и Олимпиада (ввиду проходивших летних Олимпийских игр и чемпионата Европы по футболу). Повестки, затрагивающие развитие волонтерства и социальных лифтов, а также воспитание патриотизма и ответственности поколений актуальны только в молодежных сообществах, особенно это заметно в группах МГЕР, РССМ и РСМ. Наиболее дифференцированными по информационным повесткам являются группы МГЕР, ЛДПР, РССМ и РСМ.

Несмотря на проходившую в тот период избирательную кампанию и сопутствующее информационное освещение этого события в обществе, в группе «РИА Новости» значимой активности в связи с данной повесткой не замечено. Больше всех тематику выборов транслировали молодежные крылья политических партий (особенно ЛДПР). Непартийные молодежные организации об электоральном процессе практически не упоминали. Несмотря на наличие широкого круга тематики повесток группы молодежных организаций, они очень часто используют социальную сеть для отчетной информации о проходящих мероприятиях в рамках

Таблица 3. Основное качество повесток сообществ, %

Table 3. Main quality of community agendas, %

Оценка	РИА новости	МГЕР	МСР	ЛКСМ	ЛДПР	РССМ	РСМ
Положительная	23,50	40,30	45,20	45,20	74,80	53	62
Нейтральная	35,40	59,70	54	39,70	17,60	47	38
Отрицательная	41,20	0	0,80	15,10	7,60	0	0

их деятельности, что достаточно заметно разбавляет иную информацию в сообществе, не позволяя сосредоточиться не ней обычному пользователю.

В ходе исследования был также проведен анализ контекста (эмоционального окраса) размещаемых в сообществах сообщений. Оно осуществлялось по стандартной шкале «положительно –нейтрально – отрицательно» (табл. 3).

Результаты сбора данных демонстрируют, что «РИА Новости» сосредоточены в основном на нейтрально-отрицательной информации. Это говорит о том, что группа пытается привлечь аудиторию посредством негативной информации. Молодежные сообщества, в свою очередь, ориентированы на нейтрально-положительное освещение своих новостей. Подобные различия вполне объяснимы спецификой форматов работы данных групп, ведь транслирование негативной информации в рамках общественно-политической деятельности у молодежных групп может сказаться на сохранении внимания и интереса у молодых людей, как целевой аудитории данных сообществ. Отметим практически полное отсутствие отрицательной информации у МГЕР, МСР, РССМ и РСМ и небольшую долю такого рода повесток у ЛКСМ и ЛДПР. Можно также сделать предположение, что аудитория ЛКСМ и ЛДПР, особенно в рамках избирательной кампании, заинтересована в критике решений власти по определенным вопросам, что и сказывается на конфликтном содержании подобных повесток.

Выводы

Результаты исследования позволяют говорить о том, что целевой аудиторией всех описанных сообществ является молодежь, но, несмотря на достаточно высокое количество подписчиков, активность аудитории остается довольно низкой, что говорит о неэффективной работе с предпочтениями и позиционированием пользователей групп. Заметна также общая несвязанность сообществ друг с другом ввиду трансляции информации различного характера, особенно это заметно в сравнении групп молодежных организаций с «РИА Новости». Молодежь довольно далека от основных реальных и значимых повесток, наблюдаются различия с транслируемыми повестками в «РИА Новости», наиболее крупного и актуального информационного агентства. В целом и сама повестка «РИА Новости» конъюнктурна и транслирует актуальные новостные сводки, не ориентируясь на предпочтения целевой аудитории.

Партийные молодежные сообщества не используют для работы со сторонниками и аудиторией инструменты двухсторонней коммуникации, что сказывается на вовлеченности пользователей в информационную повестку, транслируемую сообществами. Исходя из низкой вовлеченности нельзя говорить и о лояльности аудитории, ведь основными ориентирами в повестках являются отчеты о проведенных мероприятиях, что позиционирует данные сообщества не как инструмент комму-

никации, а как доску объявлений о проделанной работе. Несмотря на значительное количество подписчиков сообществ, большинство пользователей остаются неактивными и нелояльными, исключением является группа МСР (как самого активного и молодого сообщества из всех анализируемых). Это позволяет предполагать, что модераторы сообществ скорее преследуют цели формального отчета, нежели реальной информационной работы с целевой аудиторией.

Исходя из анализа деятельности молодёжных сообществ во время избирательной кампании 2021 г., можно сделать вывод, что тематика выборов как основная повестка в данный период не транслировалась таким крупным информационным агентством, как группа «РИА Новости» в соцсети «ВКонтакте», и это несмотря на достаточно высокую долю молодежи — целевой аудитории данного сообщества. Повестку выборов освещали только молодежные крылья политических партий, но их доля в общем содержании всех новостей довольно низкая и сильно разбавлена постами с отчетами о мероприятиях, что не позволяет фокусировать внимание аудитории на этой теме. Непартийные молодежные организации практически не освещали тему выборов, что логично ввиду общей незаинтересованности их аудитории политикой, а также, вероятно, неготовности как поддерживать конкретную политическую силу, так и сталкивать членов их сообществ.

Сообщества молодежных организаций, скорее, ориентированы на собственные приоритеты и самостоятельно создаваемую текущую повестку, нежели на общеполитическую повестку в стране. Это позволяет говорить о том, что молодежь вынуждена удовлетворять собственные потребности в получении актуальной информации о выборах в других сообществах и там участвовать в обсуждении кандидатов, партий и их программ.

Библиографический список

- Айсина, Р. М., Нестерова, А. А. (2019). Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*, 4, 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404
- Аудитория социальных сетей в России 2019. *Popsters*. Режим доступа <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii>
- Володенков, С. В. (2017). Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения. *Политическая наука*, 1, 290–305.
- Володенков, С. В. (2012). *Управление современными политическими кампаниями*. Москва: Издательство Московского университета.
- Володенков, С. В., Белоконев, С. Ю., Суслова, А. А. (2021). Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 1, 31–46.
- Дьякова, Е. Г. (2003). Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу. *Политические исследования*, 3, 109–119.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И., Любутов, А. С., Сорокин, О. В. (2021). Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование. *Социологические исследования*, 10, 23–36.
- Комаровский, В. С. (2013) *Российские новые правые как политический актор. Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития*. Москва: Ключ.
- Комаровский, В. С. (ред.) (2021). *Образ будущего глазами молодежи*. М.: Аспект-Пресс, 2021.

- Попова, О. В. (2018). Технологии больших данных в публичной политике. В Л. В. Сморгунова (ред.). *Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие* (286–294). Москва: Аспект Пресс.
- Попова, О. В., Суслев, С. И. (2021). Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам. *Политическая наука*, 1, 160–183.
- Радаев, В. (2020). *Миллениалы: Как меняется российское общество*. Второе издание. Москва: Высшая школа экономики.
- Соколов, А. В., Барский, Я. В. (2021). Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история. Политология. Социология*, 2, 68–74.
- Липпман, У. (2004) *Общественное мнение*. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Филатова, О. Г. (2000). *Методика и техника социологического исследования: Конспект лекций*. СПб.: Издательство Михайлова В. А.
- Щербакова, И.А. (2018). Институционализация социальных сетей. *Коммунология: электронный научный журнал*, 3. Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-sotsialnyh-setey>
- Best, S. J., Krueger, B. S. (2005) Analyzing the Representativeness of Internet Political Participation. *Political Behavior*, 27(2), 183–216.
- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-analysis of Research. *Political Communication*, 2, 193–211.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.
- Dunas, D., Vartanov, S. (2020). Emerging Digital Media Culture in Russia: Modelling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*, 2, 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648
- Harding, E. (2022). Rise of Social Media Has ‘Turned University Students into Snowflakes’ by Making Them Less Able to See Other Points of View, Say Researchers. *Mail Online*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10359887/Rise-social-media-turned-university-students-snowflakes.html>
- Heiss, R., Schmuck, D., Matthes, J. (2019). What Drives Interaction in Political Actors’ Facebook Posts? Profile and Content Predictors of User Engagement and Political Actors’ Reactions. *Information, Communication & Society*, 22(10). 1497–1513. DOI:10.1080/1369118X.2018.1445273.
- Kümpel, A. S., Karnowski, V., Keyling, T. (2015). News Sharing in Social Media: A Review of Current Research on News Sharing Users, Content, and Networks. *Social Media + Society*, 1(2). DOI: 10.1177/2056305115610141
- McLeod, D. M., Kosicki, G. M., McLeod, J. M. (2002). Resurveying the Boundaries of Political Communications Effects. In J. Bryant and D. Zillman (Eds) *Media effects: Advances in Theory and Research* (pp. 215–267). Mahwah, N. J: Lawrence Erlbaum Associates.
- Merle, M., Reese, G., Drews, S. (2019). #Globalcitizen: An Explorative Twitter Analysis of Global Identity and Sustainability Communication. *Sustainability*, 11, 3472.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Strandberg, K., Carlson, T. (2016). Expanding the Online Political Demos but Maintaining the Status Quo? Internet and Social Media Use by Finnish Voters Prior to Elections, 2003–15. *Scandinavian Political Studies*, 1, 82–106
- Van Dijk, J. (2006). *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: SAGF Publications, Ltd.

Статья поступила в редакцию 12.10.2021

Статья принята к публикации 15.11.2021

Для цитирования: Соколов А. И., Гребенко Е. Д. Информационная повестка для молодежи в социальных сетях в период выборов депутатов Государственной думы Российской Федерации VIII созыва. — Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 48-62.

INFORMATION AGENDA FOR YOUNG PEOPLE ON SOCIAL NETWORK SITES DURING THE ELECTION OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE VIII CONVOCATION

A. V. Sokolov, E. D. Grebenko

Aleksandr Vladimirovich Sokolov

E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374.

Egor Dmitrievich Grebenko

E-mail: grebenkoegor76@gmail.com. ORCID 0000-0001-9978-077X.

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya Str, 14, Yaroslavl', 150000, Russia

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of the research project No. 21-011-31366 "The Image of Russia's Future in the Views of Young Students: Factors of Formation and Transformation in Terms of Changes and Crises."

Abstract. The article analyzes the content of the information agenda formed in the social network "VKontakte" during the elections to the State Duma of the Russian Federation, the 8th Convocation. The relevance of the study of social networks is related to their significant role in the process of shaping of attitudes and perceptions of reality by among young people today. For this purpose, we analyzed the communities of youth public organizations (the Russian Union of Youth and the Russian Union of Rural Youth), as well as youth organizations of political parties that nominated candidates for elections to the State Duma of the 8th Convocation. The dominant information agenda was based on the analysis of the news feed of the RIA Novosti News Agency in the social network "VKontakte." Communities were analyzed from two perspectives. First, information was collected in terms of audience agendas and activity. Next, a number of characteristics of informational coverage in the social network "VKontakte" were examined: the demographic characteristics of the audience, the value orientations and attitudes of the audience, the topics of information agendas, and the audience involvement in the information agendas of the community. The results of the study suggest that young people are quite distant from major and significant agendas which discuss the problems and the development of the country; one can also observe differences with the broadcast agendas in RIA Novosti, as the largest and most relevant news agency. Overall, the RIA Novosti agenda itself is opportunistic and broadcasts current news bulletins, not oriented toward the preferences of the target audience. Party youth communities do not use two-way communication tools to work with supporters and audiences, which affects user engagement with the information agenda broadcast by the communities. The topic of elections as the main agenda during this period was not broadcast either or by RIA Novosti or communities of youth public organizations "VKontakte". The electoral agenda was poorly articulated by the youth wings of political parties. Communities of youth organizations were more focused on their own priorities and self-created current agenda, rather than on the general political agenda in the country. This suggests that young people are forced to satisfy their own interest in receiving relevant information about elections in other communities and join discussions about candidates, parties and their programs there.

Keywords: youth, information agenda, Internet, elections, social networks, VKontakte, political parties, youth organizations.

DOI 10.31429/26190567-23-1-48-62

References

Auditoriya sotsial'nykh setey v Rossii 2019 [Audience of Social Networks in Russia 2019]. *Popsters* [Popsters]. Retrieved from <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii>

- Aysina, R. M., Nesterova, A. A. (2019). Kibersotsializatsiya molodezhi v informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve sovremennogo mira: efekty i riski [Cyber socialization of Youth in the Information and Communication Space of the Modern World: Effects and Risks]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 4, 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404
- Best, S. J., Krueger, B. S. (2005) Analyzing the Representativeness of Internet Political Participation. *Political Behavior*, 27(2), 183–216.
- Boulianne, S. (2009). Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-analysis of Research. *Political Communication*, 2, 195–211.
- Cohen, C., Kahne, J. (2012). *Participatory Politics: New Media and Youth Political Action*. Chicago: MacArthur Research Network on Youth and Participatory Politics.
- Dunas, D., Vartanov, S. (2020). Emerging Digital Media Culture in Russia: Modelling the Media Consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*, 2, 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648
- D'yakova, Ye. G. (2003) Massovaya politicheskaya kommunikatsiya v teorii ustanovleniya povestki dnya: ot efekta k protsessu [Mass Political Communication in the Theory of Agenda Setting: From Effect to Process]. *Politicheskiye issledovaniya* [Political Studies], 3, 109–119.
- Filatova, O. G. (2000). *Metodika i tekhnika sotsiologicheskogo issledovaniya: Konspekt lektsiy* [Methods and Techniques of Sociological Research: Abstract of Lectures]. SPb.: Izdatel'stvo Mikhaylova V. A.
- Harding, E. (2022). Rise of Social Media Has 'Turned University Students into Snowflakes' by Making Them Less Able to See Other Points of View, Say Researchers. *Mail Online*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10359887/Rise-social-media-turned-university-students-snowflakes.html>
- Heiss, R., Schmuck, D., Matthes, J. (2019). What Drives Interaction in Political Actors' Facebook Posts? Profile and Content Predictors of User Engagement and Political Actors' Reactions. *Information, Communication & Society*, 22(10). 1497–1513. DOI:10.1080/1369118X.2018.1445273
- Komarovskiy, V. S. (2013). Rossiyskiye novyye pravyye kak politicheskii actor [The Russian New Right as a Political Actor]. In *Kuda poydet Rossiya: novyye vozmozhnosti i ogranicheniya sovremennogo razvitiya* [Where Russia Will Go: New Opportunities and Limitations of Contemporary Development]. Moskva: Klyuch.
- Komarovskiy, V. S. (Ed.) (2021). *Obraz budushchego glazami molodezhi* [The Image of the Future Through the Eyes of Youth]. Moskva: Aspekt-Press.
- Kümpel, A. S., Karnowski, V., Keyling, T. (2015). News Sharing in Social Media: A Review of Current Research on News Sharing Users, Content, and Networks. *Social Media + Society*, 1(2). DOI: 10.1177/2056305115610141
- Lippman, U. (2004). *Obshchestvennoye mneniye* [Public Opinion]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
- McLeod, D. M., Kosicki, G. M., McLeod, J. M. (2002). Resurveying the Boundaries of Political Communications Effects. In J. Bryant and D. Zillman (Eds) *Media effects: Advances in Theory and Research* (pp. 215–267). Mahwah, N. J: Lawrence Erlbaum Associates.
- Merle, M., Reese, G., Drews, S. (2019). #Globalcitizen: An Explorative Twitter Analysis of Global Identity and Sustainability Communication. *Sustainability*, 11, 3472.
- Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.
- Popova, O. V. (2018). Tekhnologii bol'shikh dannykh v publichnoy politike [Big Data Technologies in Public Policy]. In L. V. Smorgunov (Ed.). *Publichnaya politika: Instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development] (pp. 286–294). Moskva: Aspekt Press.
- Popova, O. V., Suslov, S. I. (2021). Setevoy analiz politicheskikh internet-soobshchestv: ot formalizovannykh k "nenablyudayemym" gruppam [Network Analysis of Political Internet Communities: From Formalized to "Unobserved" Groups]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 160–183.

- Radayev, V. (2020). *Millenialy: Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo*. Vtoroye izdaniye [Millennials: How Russian Society is Changing]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Shcherbakova, I. A. (2018) Institutsializatsiya sotsial'nykh setey [Institutionalization of Social Networks]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Communicology: Electronic Scientific Journal], 3, Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsializatsiya-sotsialnyh-setey>
- Sokolov, A. V., Barskiy, Ya. V. (2021). Razvitiye grazhdanskoy aktivnosti v Rossii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Development of Civil Engagement in Russia in the Conditions of Digital Transformation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: history. Political science. Sociology], 2, 68–74.
- Strandberg, K., Carlson, T. (2016). Expanding the Online Political Demos but Maintaining the Status Quo? Internet and Social Media Use by Finnish Voters Prior to Elections, 2003–15. *Scandinavian Political Studies*, 1, 82–106
- Van Dijk, J. (2006). *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: SAGF Publications, Ltd.
- Volodenkov, S. V. (2012). *Upravleniye sovremennymi politicheskimi kampaniyami* [Management of Modern Political Campaigns]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Volodenkov, S. V. (2017) Sotsial'nyye media kak instrument sovremennoy publichnoy politiki: osobennosti i perspektivy primeneniya [Social Media as a Tool of Modern Public Policy: Features and Prospects of Application]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 290–305.
- Volodenkov, S. V., Belokonev, S. Yu., Suslova, A. A. (2021). Osobennosti struktury informatsionnogo potrebleniya sovremennoy rossiyskoy molodezhi: na materialakh issledovaniya sredi studentov-politologov Finansovogo universiteta [How Russian Youth Consume Information: Case Study of the Political Science Students of the Financial University]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 1, 31–46.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I., Lyubutov, A. S., Sorokin, O. V. (2021). Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: strukturno-taksonomicheskoye modelirovaniye [Self-Regulation of Life of the Youth: Structural-Taxonomic Modeling]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10, 23–36.

Received 12.10.2021

Accepted 15.11.2021

For citation: Sokolov A. V., Grebenko E. D. Information Agenda for Young People on Social Network Sites During the Election of Deputies of The State Duma of The Russian Federation of The VIII Convocation. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 48–62.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В ПОИСКАХ «КИТАЙСКОГО ВИРУСА»: МИФОНАРРАТИВЫ ЗАПАДНОЙ СИНОФОБИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

С. П. Поцелуев, Мэн Юйфэн

Поцелуев Сергей Петрович

Эл. почта: spotselu@mail.ru. ORCID 0000-0002-8562-6541.

Мэн Юйфэн

Эл. почта: 552094367@qq.com. ORCID 0000-0002-3747-8927.

Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация. Целью статьи является идентификация метафорического статуса спорного выражения «китайский вирус», получившего распространение в западной антикитайской пропаганде в начальный период пандемии COVID-19. Авторы доказывают синофобско-метафорический статус данного концепта, обращаясь к его широкому медийному и культурно-историческому контексту. С опорой на методологию критического дискурс-анализа и, в частности, на «дискурсивно-исторический подход» (Р. Водак), авторы идентифицируют метафоры, ставшие частью традиции западной синофобии и составившие семантическое поле вокруг концепта «китайский вирус». Рассматривая когнитивную теорию метафоры в качестве важного ресурса критического дискурс-анализа, авторы акцентируют различные версии нарративного парафразирования метафорического концепта «китайский вирус». В статье выделяются наиболее популярные версии нарратива о «китайском вирусе», а также отмечается их сходство с версиями «сказки о справедливой войне», идентифицированной Дж. Лакоффом в американском пропагандистском дискурсе периода войны 1990 г. в Персидском заливе. Подчеркивая мифический статус нарратива о «китайском вирусе», авторы указывают на пропагандистскую необходимость медийной поддержки данного нарратива посредством фальшивых новостей. В статье анализируется ряд случаев такого рода сообщений с учетом политических и коммерческих мотивов их авторов, а также реакция на них китайских медиа, что выливается в соответствующую войну нарративов. В статье делается вывод о том, что ключевым моментом социально-политического контекста метафорического концепта «китайский вирус» является основанное на общности интересов коммуникативное содружество нескольких социальных акторов: профессиональных политиков, медиа, ангажированных ученых, представителей спецслужб и бизнеса.

Ключевые слова: COVID-19, «китайский вирус», метафора, нарратив, миф, война нарративов, медиа, фальшивые новости, специальные службы.

Когда катастрофа вроде пандемии COVID-19 случается в эпоху «постправды», у способности к суждению особенно трудные времена. Однако есть уверенность, что, проясняя дискурс о событии, можно существенно облегчить и понимание самого события. Анализ метафор и нарративов языка публичной сферы есть важная часть такого прояснения, способная пролить свет и на то, каким образом метафорические рассуждения и нарративные обоснования влияют на принятие соответствующих политических решений. Объектом внимания в данной статье является метафорический концепт «китайский вирус», представленный в дискурсивно-нарративном и социокультурном контексте политико-пропагандистского противостояния между Западом и КНР в период пандемии COVID-19.

«Китайский вирус»: проблемная семантика притворного концепта

Американский президент Дональд Трамп, как известно, долгое время снижал серьезность пандемии COVID-19 и только с внесением этой темы в контекст про-

тивостояния с Китаем обрел в ней свой политический «капитал». В течение марта 2020 года «вирус из Китая» превратился в речах Трампа в «китайский вирус». Причем это выражение глава Белого дома использовал намеренно, что стало ясным, когда в марте 2020 года фотограф запечатлел наброски выступления Трампа, в которых слово «согона» было вычеркнуто и заменено на «Chinese»¹. К тому времени уже были предложены нейтральные варианты названия эпидемии (коронавирусная инфекция 2019-nCoV, COVID-19 и т.п.); более того, официальные лица ВОЗ предостерегали от выражения «китайский вирус», поскольку оно вольно или невольно может приводить к «расовому профилированию»². Несмотря на это, госсекретарь США Майк Помпео стал еще активнее использовать выражение «уханьский вирус», обвиняя руководство КНР в том, что оно подвергло мир риску, не раскрыв более подробной информации об источнике эпидемии. Вслед за этим и президент Трамп начинает активно использовать выражение «китайский вирус». Когда в конце марта 2020 г. министры иностранных дел G-7 собрались на видеоконференцию, они не смогли согласовать призыв М. Помпео идентифицировать новый коронавирус как «уханьский вирус»³. Европейские официальные лица ссылались при этом на упомянутое предостережение ВОЗ.

Высказывалось мнение, что Трамп стал активно использовать оскорбительное для Пекина выражение «China virus», когда ему сообщили, что чиновники Министерства иностранных дел КНР распространяют идею, будто COVID-19 был импортирован в Ухань военнослужащими США⁴. Действительно, соответствующее предположение высказал в Twitter спикер⁵ министерства иностранных дел Китая Чжао Лицзянь⁶. Но высказал он его со ссылкой на материалы (сейчас эта ссылка заблокирована администрацией Twitter), которые китайский чиновник квалифицировал как «дополнительные доказательства в пользу того, что вирус возник в США»⁷. Позднее китайские СМИ стали активно продвигать историю об утечке вируса из американской военной лаборатории. Но заметим, что для китайского правительства это был скорее прием защиты, чем нападения; таким образом оно реагировало на аналогичные агрессивные обвинения в свой адрес со стороны госсекретаря М. Помпео и консервативных американских медиа. Как заметил голландский писатель Ян Бурума, антикитайская риторика Трампа и его друзей-республиканцев, наполненная выражениями вроде «китайский (уханьский, китайский, чужеземный и т.п.) вирус», а также обвинениями в создании вируса в качестве биологического оружия, преследовала четкую политическую цель: «чтобы мы поверили, что эта

¹ Viala-Gaufrey, J. & Lindaman, D. (2020). Donald Trump's 'Chinese virus': The Politics of Naming. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796>

² Kopecki, D. (2020, March 18). WHO Officials Warn US President Trump against Calling Coronavirus 'the Chinese Virus'. *CNBC*. Retrieved from <https://www.cnn.com/2020/03/18/who-officials-warn-us-president-trump-against-calling-coronavirus-the-chinese-virus.html>

³ Pompeo, G-7 Foreign Ministers Spar over 'Wuhan Virus' (2020, March 25). *Politico*. Retrieved from <https://www.politico.com/news/2020/03/25/mike-pompeo-g7-coronavirus-149425>

⁴ Viala-Gaufrey, J. & Lindaman, D. (2020, April 21). Donald Trump's 'Chinese Virus': the politics of naming. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796>

⁵ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

⁶ Zhao Lijian (赵立坚)(@zlj517) (2020, March 12). *Twitter*. Retrieved from <https://twitter.com/zlj517/status/1238111898828066823>

⁷ Zhao Lijian (赵立坚)(@zlj517) (2020, March 13). *Twitter*. Retrieved from <https://twitter.com/zlj517/status/1238269193427906560>

болезнь похожа на иностранное вторжение»⁸. Такое обращение Трампа с темой пандемии вполне соответствовало карательному смыслу, который в современном политическом дискурсе нередко придается метафорике болезни. В этом случае болезнь понимается «не как наказание, а как признак зла, как что-то, что должно быть наказано» (Sontag, 1978).

В любом случае выражение «китайский вирус» представляет интерес, причем одновременно лингвистический и политический.

С ходу ответить на вопрос о том, является ли это выражение метафорой, вряд ли возможно. Его можно выдать за метонимию, если вслед за немецким лингвистом Клаусом-Ульрихом Пантером видеть суть отличия метафоры от метонимии в типе семиотического отношения между их сферой-источником и сферой-целью. Соответственно, метафора тогда — это иконическое отношение, а метонимия — отношение индексальное (Panther, 2006). Действительно, вирус, получивший позднее специальное название COVID-19, был впервые официально зафиксирован в китайском Ухане, но выражения «уханьский вирус» или (тем более) «китайский вирус» явно сложнее по содержанию, чем эта констатация. Действительно, хотя ученые нередко дают название новым вирусам по месту их происхождения («лихорадка Западного Нила», «вирус Эбола» и т.п.), в данном случае такое название оказывается метафорой из-за культурно-политического контекста. Сверх того, когда американский президент намеренно использовал выражение «китайский вирус», он игнорировал роль медийной среды как акселератора метафорического фрейминга в современном публичном дискурсе. Двусмысленный в устах официальных лиц, концепт «китайский вирус» отзывался на интернет-сайтах эхом откровенно ксенофобских и расистских хештегов в адрес КПК, всего китайского и даже азиатского. А конечным эффектом этого словоупотребления становились случаи физического нападения на лиц азиатской национальности в американских городах.

В связи с этим возникает потребность, во-первых, прояснить дискурсивный контекст, который придает термину «китайский вирус» и семантически родственным ему выражениям собственно метафорический смысл; и, во-вторых, идентифицировать мотивы политических акторов, которые стратегически задействуют эту метафору в публичном пространстве, разворачивая ее в серию нарративов.

Но для начала уточним методологический аспект этих вопросов.

Мифонарративное парафразирование как объект критического дискурса-анализа: методология данного исследования

В своем исследовании мы опирались на методологию критического дискурса-анализа (КДА). Для нас данный подход является критическим не столько потому, что он делает акцент на властных отношениях внутри дискурса и вокруг него, сколько из-за особого внимания к тем связям между дискурсом, идеологией и властью, которые могут быть неясными (непрозрачными) для тех, кто в них участвует (Fairclough, 1995). А это обязательно предполагает разоблачение «злоупотреблений социальной властью» (Дейк ван, 2013). Причем КДА делает это относительно властной асимметрии как внутри отдельного общества, так и в контексте международных отношений.

⁸ Buruma, I. (2020, March 28). Virus as Metaphor. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2020/03/28/opinion/coronavirus-racism-covid.html>

В методологическом плане нам особенно интересен опыт использования КДА в ситуациях кризисов и катастроф. Австрийский социолингвист Рихард Александер обозначил в этом плане перспективное направление исследований, когда в одной из своих работ проанализировал языковые средства (эвфемизмы и метафоры), при помощи которых такая ТНК, как «BP» (бывшая «British Petroleum»), пыталась минимизировать последствия взрыва буровой установки Deep Horizon в 2010 г. С опорой на работы Ноама Хомского Р. Александер подчеркивает, что в кризисных условиях критический дискурс-анализ не может ограничиваться лишь анализом властных стратегий внутри самого языка; он должен, сверх того, давать критическую *политико-экономическую* оценку действий ключевых акторов по «сокрытию и затемнению своих реальных операций и намерений» (Alexander, 2013). При этом учитывается, что важным проводником и акселератором влияния ТНК на политику выступают «эксперты» из медийной и академической сферы, которые так или иначе тоже оказываются «в бизнесе». И здесь весьма полезна установка «дискурсивно-исторического подхода», сфокусированного на «способах, с помощью которых лингвистические и другие семиотические практики опосредуют и воспроизводят идеологию в ряде социальных институтов» (Wodak, 2015). Это предполагает политологическую «демистификацию» текста, т.е., определение его явной либо скрытой политической (экономической) ангажированности. Для этого используются контекстуальные знания, причем это не только ситуативные условия возникновения текста, но и более широкий исторический и социально-политический контекст.

Естественной опорой этой критической работы с дискурсом выступает когнитивная теория метафоры, которая за тропами и фигурами речи видит метафорические концепты, формирующие в качестве мыслительных моделей (фреймов) наше понимание ситуаций. В медийных сообщениях концептуальные метафоры также играют роль коммуникативного фрейма, т.е., общих для данной аудитории смысловых рамок восприятия и оценки событий. Причем этот фрейм часто не высказывается и принимается как данность, хотя внутри себя подразумевает целый диапазон позиций, допуская определенную степень разногласий между теми, кто придерживается общих взглядов (Garnson & Modigliani, 1989). От метафорического фрейминга ситуаций непосредственно зависит, как люди мыслят и действуют в таких ситуациях, особенно в принципиально новых и проблемных для них случаях. Когнитивной базой такого ориентационного (манипулятивного) воздействия концептуальных метафор является их способность высвечивать одни свойства ценой затемнения других его свойств (Лакофф, Джонсон, 2004). Причем концептуальная метафора делает это не столько за счет эмоционально-суггестивного воздействия, сколько посредством метафорических рассуждений и выводов.

Критический потенциал когнитивной теории метафоры проявляется также в том, что метафорическое рассуждение представлено необязательно только метафорами как речевыми фигурами, но также другими тропами и терминами языка (Brugman, Burgers, Vis, 2019). В случае «китайского вируса» мы также имеем дело с метафорическим концептом, который выражается целым семейством отдельных либо нарративно связанных тропов и терминов, необязательно даже речевыми метафорами. В этом семействе термин «китайский вирус» является лишь одним из выражений наряду с другими («уханьский вирус», «чужеземный вирус» и т.п.). Но все эти выражения в той мере метафоричны, в какой они отражают семантику

метафорического вывода: коронавирусная пандемия — это порождение нехорошего (авторитарного, агрессивного, больного и т.д.) Китая. В свою очередь, эта метафора восходит к еще более глубокой концептуальной метафоре «государство — это личность», метафоре, которую Дж. Лакофф видит в основании современного понимания всех международных отношений (Lakoff, 1999). В американском дискурсе вокруг пандемии COVID-19 концептуальная метафора «Китай — это нехорошая личность» разворачивается в описание страны, где коммунистическая партия становится все более известной своей «ленинской жесткостью»⁹, а китайцы жертвуют своими правами и личными интересами под руководством КПК. При этом китайские власти якобы рассматривают жесткие противоэпидемические мероприятия «как политический вопрос управления и контроля над населением, а не охраны его здоровья» (Jacob, 2020).

Такое дискурсивное разворачивание метафорического концепта «китайский вирус» превращает его в «конденсирующий символ», выражающий в сжатом виде определенную историю (нарратив). Голландский философ Франклин Анкерсмит, обращая внимание на возможность (мифо-)нарративного парафразирования метафор (Анкерсмит, 2003), цитирует в этой связи американского философа Дональда Шёна, который видит генетическую связь между метафорой и нарративом именно при осмыслении сложных, непонятных ситуаций (наподобие нынешней пандемии). По словам Д. Шёна, «формулировка проблем очень часто зависит от метафор, лежащих в основании историй, в которых ставятся проблемы, а также задается направление их решения» (Schön, 1979). Дж. Лакофф показывает это на материале военно-пропагандистского дискурса США во время войны 1991 г. в Персидском заливе (Lakoff, 1999). Тогда это приняло вид конкретной политической технологии. Вначале была определена базовая метафора («Саддам Хусейн — это Гитлер сегодня») и продуманы различные версии ее нарративного парафразирования. Затем был проведен социологический опрос американцев с целью выяснить, какая версия нарратива для объяснения происходящего находит у них наибольший отклик. После этого имевшиеся в медийном обращении метафоры и прочие выразительные средства языка были приведены в соответствие с этим нарративом, а полученный дискурсивный пакет был усилен фальшивыми новостными историями (известными сегодня под именем «fake news»¹⁰, но имеющими солидную медийную предысторию).

Опыт пропагандистских войн показывает: когда концептуальные метафоры используются как элемент политической борьбы (соперничества) с конкретным оппонентом, они не просто навязывают какую-то позицию по предмету, но используются с целью вытеснения конкурирующих фреймов, причем участники пропагандистского дискурса могут даже использовать фреймы оппонентов против них самих (Скрынникова, 2017). Другими словами, в условиях пропагандистского противостояния разворачивается не только «война метафор» (Аматов, Бондаренко,

⁹ Hass, R. (2021, March 3). China Is Not Ten Feet Tall. How Alarmism Undermines American Strategy. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall>

¹⁰ Под ними мы будем понимать, вслед за удачной дефиницией Христиана Фукса, «фактически ложные новости, которые распространяются в Интернете, преимущественно в социальных сетях, не соответствуют профессиональным журналистским нормам и пытаются систематически и преднамеренно вводить в заблуждение и дезинформировать». См.: (Fuchs, 2020).

Пупынина, 2019), но и «война нарративов»¹¹. Так, вокруг метафорического концепта «китайский вирус» выстраивается широкое семантическое поле, куда помимо отдельных речевых метафор и других тропов входят также их нарративные версии. Условно в этом поле можно выделить динамический момент свежих медийных нарративов и момент более стабильный, составленный из повествований, уже ставших частью культурно-исторической традиции. При этом запускаемые пропагандистами новые истории могут содержать аллюзии на уже известные нарративы, что существенно усиливает эффект идеологического воздействия.

Остановимся подробнее на двух контекстуальных моментах концепта «китайский вирус»: во-первых, на метафорах, составляющих его культурно-исторический фон; во-вторых, на историях, которые разворачивают смысл этой метафоры в актуальном медиапространстве. В качестве медийного материала нами были в основном использованы публикации на тему COVID-19 в западных правоконсервативных и бульварных изданиях, вовлеченных в пропагандистскую «войну нарративов» с КНР.

«Китайский вирус» в культурно-историческом контексте западной синофобии

Когда в феврале 2020 г., в рамках поднимавшейся дискуссии о причинах новой коронавирусной эпидемии газета «Wall Street Journal» опубликовала статью профессора Уолтера Р. Мида под названием «Китай — это настоящий больной человек Азии», правительство КНР выслало из страны трех репортеров этого американского издания. Статья была отмечена чистосердечной враждебностью в адрес Китая: в ней, в частности, выражалась надежда, что вспыхнувшая в Ухане эпидемия поставит под вопрос фундаментальную легитимность власти КПК, а вместе с этим разрушит весь политический строй КНР и резко ослабит Поднебесную. Надежда эта дополнялась откровенным признанием: «некоторые ожидали бы возвращения однополярности, если бы единственный возможный великодержавный соперник США вышел из игры»¹². Хотя эти циничные сентенции были крайне неприятны Пекину, вряд ли они стали главной причиной его резкой реакции. Вероятно, не был такой причиной и статус американского издания: хотя «Wall Street Journal» считается солидной деловой газетой, ее влияние локализовано в консервативной части политического спектра. К тому же, «Wall Street Journal» известна своей поддержкой «альтернативных фактов»: в ней публиковались статьи, где «доказывалось», что заключённых в лагере Гуантанамо содержат справедливо, разрушение озонового слоя не наносит вред здоровью, а глобального потепления вообще не существует. Представляется, однако, что главным раздражителем в упомянутой статье стала метафора в ее заголовке: «больной человек Азии». И чтобы понять, почему реакция китайских властей на это выражение была столь резкой, надо иметь в виду его культурно-исторический фон.

Гонконгский эксперт Роберт Пекхэм, исследующий гуманитарные аспекты пандемий, кратко освещает в своей содержательной статье историческую предысторию

¹¹ Khan, A. (2019, February 11). The War of Narratives. More Initiatives China Announces, More Heat the United States and the Western World Feels. *The News International*. Retrieved from <https://www.thenews.com.pk/latest/430751-the-war-of-narratives>

¹² Mead, W. R. (2020, February 2). China is the Real Sick Man of Asia. *Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677>

метафорического концепта «больной азиат»¹³. Хотя этот концепт был недавно актуализирован на Западе, возник он в самом Китае еще на рубеже XIX и XX столетий. Эпидемия бубонной чумы, начавшаяся в Шанхае и стоившая Китаю 15 миллионов жизней между 1894 и 1950 гг.; поражение страны в китайско-японской войне; серия неравных договоров Китая с иностранными державами, превративших некогда великую страну в полуколонию Запада — все это и многое другое давало веские основания таким ведущим представителям китайской интеллигенции, как Янь Фу, Цзэн Пу, Лян Цичао, Сунь Ятсен и др., описывать тогдашний Китай метафорами «больной человек» [病夫], «больной человек Восточной Азии» [亞病夫] и т.п. Но для китайских интеллектуалов эта метафора была призывом к революционным реформам, тогда как позднее в западном дискурсе она стала презрительно-расистским ярлыком. Причем не только в отношении китайцев; в 2000-е гг. «больным человеком Азии» называли Японию за ее нежелание играть роль ключевого игрока международной политики на фоне растущих амбиций Китая¹⁴, а также Россию — за ее неспособность в перспективе сохранить за собой принадлежащие ей территории на Дальнем Востоке (Menon, 2003).

Но дело не только в оскорбительном для нынешнего самосознания китайцев выражении «больной человек Азии»; куда важнее семантическое поле вокруг этой метафоры, которое мультиплицирует этот оскорбительный эффект. Среди работ, напрямую относящихся к исследованию данного поля, следует прежде всего указать на глубокие (и в некотором смысле пророческие) статьи Кристофа Линтериса. Британский антрополог попал в точку, основывая свое исследование синофобского дискурса на анализе южно-китайского рынка живой продукции в качестве символического конденсатора нарративов в западном неприятии Китая как «источника заразы». Данные статьи, опубликованные накануне пандемии COVID-19, рассматривают публичный дискурс (в особенности символический и метафорический) вокруг эпидемий в историческом и политическом контекстах. Это позволяет понять неочевидные смыслы войны нарративов между Китаем и США в период актуальной пандемии нового коронавируса.

Прямой предшественницей трамповского «китайского вируса» является метафора «желтой опасности» (Yellow Peril), получившая распространение на Западе к концу XIX в., вместе с ростом европейского империализма и расизма. По словам американского эксперта Денниса Чжана, эта метафора означала «экономические, культурные, ассимиляционные, расовые, биологические и медицинские претензии к китайцам» (Zhang, 2021). Последние становятся в глазах американских синофобов источником всех болезней и козлами отпущения во время эпидемий. Данная цветовая метафора носила именно расистский, а не националистический характер: она представляла не только китайцев, но все народы Восточной Азии как экзистенциальную угрозу для западного мира и «белого человека» (Odijie, 2018).

Когда в марте 1894 г. в Гонконге случилась вспышка бубонной чумы, вызвавшая на Западе панический страх перед риском возвращения средневековой «черной смерти», американская синофобская пресса называла эту чуму «азиатской». Гонконг

¹³ Peckham, R. (2020, March 27). Past Pandemics Exposed China's Weaknesses. The Current One Highlights Its Strengths. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-27/past-pandemics-exposed-chinas-weaknesses>

¹⁴ Auslin, M. (2009, April 3). The Sick Man of Asia. *Foreign Policy*. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2009/04/03/the-sick-man-of-asia/>

сыграл тогда роль нынешнего Уханя: он стал символом пандемической «мифической предыстории», связавшей бубонную чуму с упадком империи Цин (Lynteris, 2018). Возникший отсюда уничижительный термин «китайская болезнь», семантически близкий «китайскому вирусу», стал медийно растиражированной метафорой уже в XIX в. Смысл этой метафоры отнюдь не ограничивался бытовыми претензиями к китайцам и «чайна-таунам»; предполагалось, что болезни способствовала сама устаревшая, ориентированная на предков и сплошь фаталистическая культура китайцев, а не только их гигиеническая и/или медицинская практика (Zhang, 2021).

К. Линтерис и Д. Чжан обращают внимание на «принципиального отличия» современной западной синофобии от ее классических образцов конца XIX — начала XX в. Если тогда китайцы патологизировались Западом как носители архаической и «дегенеративной» культуры, то синофобское воображение XXI века переосмысливает КНР как опасного «чемпиона» современности, оседлавшего научный прогресс. К. Линтерис проницательно замечает накануне пандемии COVID-19, что массовое дисциплинированное ношение масок в Китае и ряде других азиатских стран породило на Западе пугающий образ «замаскированного китайца» как символа наступающего будущего, где приоритетными могут стать типичные для Азии ценности коллективного выживания, а не западные индивидуальные свободы.

Таким образом, является ли китаец «больным азиатом» либо, напротив, азиатом здоровым и сильным, это ничего не меняет в том, что для расистски настроенной публики он остается «желтой опасностью». В этом состоит относительность различия между классическими и современными формами синофобии, на котором настаивают упомянутые авторы.

Версии мифонаратива о «китайском вирусе»

Свертывание нарратива в метафору или, наоборот, нарративное парафразирование метафоры не исключает, а предполагает множество версий, чему способствует мифологический статус рассказа, не связанный жестко аргументами и фактами. В приведенном ранее примере из эпохи войны в Персидском заливе базовая метафора американской пропаганды предполагала различные версии своей нарративной развертки, из которых надо было еще выбрать оптимальный вариант. Аналогичным образом метафорический концепт «китайский вирус» разворачивается в различные версии истории о происхождении нового коронавируса и начале эпидемии. Таких версий в дискурсе о COVID-19 имеется как минимум три.

Первая. Китай в силу своих странных (отсталых, варварских) культурно-бытовых особенностей стал местом стихийного возникновения опасного вируса, ставшего угрозой для экономического здоровья самого Китая и всего мира, поскольку действия властей были в начале эпидемии неэффективными из-за авторитарного режима КПК.

Вторая. Китай создал коронавирус в своей военной лаборатории, но он вышел из-под контроля и стал глобальной угрозой, поскольку действия китайских властей были неэффективными из-за авторитаризма КПК.

Третья. Китай не просто создал коронавирус как биологическое оружие, но сознательно распространил его по миру с целью ослабить своих политических и экономических конкурентов, тогда как успешная борьба с вирусом в самом Китае говорит в пользу того, что создатели вируса знают, с чем имеют дело.

Хотя из всех этих версий третья кажется наиболее фантастической и политизированной, на Западе она представлена не только в блогосфере, но также в эфире солидных новостных каналов и даже в академическом дискурсе. Примером здесь может служить деятельность гонконгского вирусолога Ли-Мень Ян (Li-Meng Yan), ныне живущей в США и сотрудничающей с бывшим ультраконсервативным стратегом Трампа Стивом Бэнноном. В сентябре 2020 г. Ли-Мень, выступая в эфире протрамповского телеканала «Fox News», заявила, что коммунистическая партия Китая намеренно выпустила в мир искусственный вирус¹⁵. Затем этот тезис был развернут в публикации, оформленной в виде научной статьи. В ней утверждалось, что любой ученый, подписавшийся под теорией естественного происхождения COVID-19, либо был введен в заблуждение научным мошенничеством, либо вступил в сговор с правительством КНР¹⁶.

Известный немецкий социолог Кристан Фукс приводит в своей статье, посвященной повседневному дискурсу в эпоху коронавирусной пандемии, выдержки из высказываний американца Раша Лимбо, который вплоть до своей смерти был модератором правоконсервативного по духу «The Rush Limbaugh Show», весьма популярного в США. В своих высказываниях Лимбо ухитрился выдать в одном флаконе все консервативные предрассудки относительно COVID-19. Назвав вирус «обычной простудой», он тут же высказал предположение, что это — «лабораторный эксперимент "чайкомов" (ChiCom — пейоративная аббревиатура для «китайский коммунист»), который в виде биологического оружия, несущего множество смертей, нацелен на ослабление политической позиции Трампа (Fuchs, 2020). Это сочетание откровенного алогизма и синофобской паранойи транслировалось не только самим «The Rush Limbaugh Show» с его многомиллионной аудиторией, но вдобавок мультиплицировалось другими медиаканалами США, в частности, правоконсервативным пропагандистским сайтом «Breitbart»¹⁷. При этом игнорировались серьезные работы не только китайских, но также европейских и американских ученых¹⁸, предостерегавших от превращения экзотических теорий, замешанных на дешевой конспирологии, в стратегию государственной политики¹⁹. Но политико-экономические резоны перевешивают все эти аргументы и факты,

¹⁵ Woodward, A. A. (2020, October 10). Chinese Virologist Continues to Claim the Coronavirus Was Engineered as a 'Bioweapon' and then Released. The groups she works for were once led by Steve Bannon. *Insider Inc.* Retrieved from <https://www.businessinsider.com/scientists-steve-bannon-coronavirus-engineered-chinese-bioweapon-2020-10>

¹⁶ Yan Li-Meng, Kang Shu, Hu Shanchang (2020, October 8). SARS-CoV-2 is an Unrestricted Bioweapon: a Truth Revealed through Uncovering a Large-Scale, Organized Scientific Fraud. *Zenodo*. Retrieved from <https://zenodo.org/record/4073131#.YQkrGigmxdh%20%2F>

¹⁷ Key, P. (2020). Limbaugh: Coronavirus Being 'Weaponized' to Bring Down Trump. *Breitbart*. Retrieved from <https://www.breitbart.com/clips/2020/02/24/limbaugh-coronavirus-being-weaponized-to-bring-down-trump/>

¹⁸ Анджела Л. Расмуссен, сотрудник «Центра науки и безопасности глобального здравоохранения» из Джорджтаунского университета (Вашингтон), с прискорбием констатирует, что серьезным экспертам-вирусологам остается лишь сетовать на то, что публикация их работ мало помогает подавить «откровенно нелепые теории заговора, которые распространялись быстрее, чем сам вирус: SARS-CoV-2 был результатом лабораторной аварии или был преднамеренно разработан, и это было скрыто, чтобы скрыть либо эффективную некомпетентность, либо сложный международный заговор с участием Билла Гейтса, Китайской Коммунистической партии и инфраструктуры беспроводной сети 5G с конечной целью возвестить новый мировой порядок». См.: (Rasmussen, 2021).

¹⁹ Grimes, D. R. (2021, June 13). Though it is Newly Respectable, the Wuhan Lab Theory Remains Fanciful. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/13/newly-respectable-wuhan-lab-theory-remains-fanciful>

продолжая серийно продуцировать в режиме постправды синофобские истории о «китайском вирусе».

Из трех упомянутых версий мифонаратива о «китайском вирусе» наиболее востребованной для администрации Трампа оказалась вторая. Ее М. Помпео четко высказал уже весной 2020 г. При полном равнодушии к фактам он безапелляционно заявил: «Это не первый случай, когда мир подвергается воздействию вирусов в результате сбоев в китайской лаборатории. ...Они выгнали журналистов и заставили молчать медицинских работников, пытавшихся сообщить об этом... Так делают авторитарные режимы... Так действуют коммунистические партии... Это классическая попытка коммунистической дезинформации»²⁰. Данная версия событий была впоследствии многократно проговорена в американских и западных медиа и продолжает муссироваться там до сих пор. В августе 2021 г. очередным разоблачителем «злой воли КПК» выступил член комитета по иностранным делам Палаты представителей США республиканец Майкл Маккол, опубликовав доклад с тезисом о происхождении COVID-19 в китайской лаборатории. Примечательно, что американский политик, признавая отсутствие у него неопровержимых доказательств в пользу этого тезиса, тем не менее призывает парламент США «дать законодательный ответ на действия Китая», ввести санкции против всех его граждан, «виновных» в начале пандемии, и даже потребовать от КНР возместить миру материальный ущерб. Но любопытно здесь еще одно признание американского конгрессмена: «ученые и сотрудники спецслужб все чаще объединяются вокруг теории о том, что вероятным эпицентром вспышки пандемии была уханьская лаборатория»²¹.

Заметим, что и вторая, и третья версии истории о «китайском вирусе» отвечают «сказке о справедливой войне» в двух ее версиях, отмеченных Дж. Лакоффом в пропагандистском дискурсе упомянутой войны в Заливе (Lakoff, 1999). По словам американского ученого, актерский состав персонажей выглядит в этой сказке так: Злодей, Жертва и Герой. Если Жертва и Герой — одно и то же лицо, тогда имеется повествование о самообороне. В противном случае — нарратив о спасении. Обе версии задействовались США в пропагандистской войне с Китаем в период пандемии COVID-19, но в разное время и с разными акцентами: и Трамп, и Байден активизировали то сказку (миф) о самообороне, то миф о спасении. Отчасти выбор варианта мифа зависел от акцента в концептуализации Врага: у Трампа это был то «китайский вирус», то «невидимый враг». В первом случае Враг прочитывался как «вирус made in China», и тогда президент позиционировал себя как Спаситель нации и мира от «злого и коварного Китая». В других ситуациях Трамп говорил о «невидимом враге», и тогда американская нация (как и весь мир) концептуализировались как его жертвы. Соответственно, себя Трамп подавал в духе мифа о героической самообороне. Байден позже тоже продвигал обе версии сказки (мифа) о спасении. Мы предпочитаем в данном случае говорить именно о мифе, а не сказке, поскольку эти пропагандистские нарративы претендуют на истинность. Но как раз из-за этой претензии данным историям очень нужна поддержка со стороны «fake news».

²⁰ Kerr, A. (2020, May 4). Mike Pompeo Says There's 'Enormous Evidence' That Coronavirus Came from Wuhan Lab. *The Daily Signal*. Retrieved from <https://www.dailysignal.com/2020/05/04/mike-pompeo-says-theres-enormous-evidence-that-coronavirus-came-from-wuhan-lab/>

²¹ Kelly, L. (2021, August 2). GOP Report on COVID-19 Origins Homes in on Lab Leak Theory. *The Hill*. Retrieved from <https://thehill.com/policy/international/565851-gop-report-on-covid-19-origins-homes-in-on-lab-leak-theory>

Фальшивые новости на службе нарратива о «китайском вирусе»

Маркером фальшивости новостных историй, подкрепляющих актуальную версию мифонарратива, является то, что их производством и распространением занимаются не инвентивные журналисты, а представители спецслужб, использующие для прикрытия авторитет науки, а в качестве информационного канала — таблоиды с их этикой и поэтикой «постправды». В этом смысле союз науки и спецслужб, на который ссылается упомянутый конгрессмен Маккол, есть отнюдь не отдельный эпизод, но закономерный момент «войны нарративов» в эпоху COVID-19.

История о лабораторном происхождении «китайского вируса» появилась в американских медиа подозрительно рано — уже в январе 2020 г.²² Примечательно, что корреспондент «The Washington Times», высказавший в своей статье соответствующее предположение, ссылается на бывшего офицера израильской военной разведки. И тот «подтверждает», что Уханьский институт вирусологии связан с секретной программой Пекина по производству биологического оружия. Уже летом 2020 г. в масс-медиа распространяется мнение экс-главы британской MI6 Ричарда Дирлава о том, что COVID-19 был изготовлен в китайской лаборатории, поэтому Китай должен выплатить «репарации» остальному миру²³. При этом Дирлав цитировал «важный доклад» двух вирусологов — британца Ангуса Далглиша и норвежца Биргера Сёренсена, в котором утверждалось, что COVID-19 якобы имеет искусственное происхождение. Заметим, однако, что перед нами не просто ученые: «профессор Далглиш» является активным и медийно известным членом «Партии независимости Великобритании», борющейся за «Брексит». Эта партия открыто сотрудничала со С. Бэнноном, организовавшим в Европе движение правоконсервативных евроскептиков²⁴. У «доктора Сёренсена» помимо науки был тогда к «уханьскому вирусу» и прямой коммерческий интерес: доктор возглавлял фармацевтическую компанию «ImmunoG», работавшую над вакциной от нового коронавируса.

Через год (в конце мая 2021 г.) британский таблоид «Daily Mail» (заметим, что в русскоязычной блогосфере 2000-х гг. это издание стало основой для мема «британские ученые», подразумевающего сомнительные до абсурдности сообщения о научных «открытиях») опять вспоминает о докладе «двух ученых», подавая это публике как сногшибательную сенсацию: Далглиш и Сёренсен якобы обнаружили «уникальные отпечатки пальцев» в образцах COVID-19, которые, по их словам, могли возникнуть только в результате манипуляций в лаборатории, причем, конечно, только «китайской». При этом китайцы якобы действовали с дьявольской хитростью: создав смертоносный вирус, они затем попытались замести следы с помощью «ретро-инженерии», чтобы создать впечатление, что вирус естественным образом возник у летучих мышей²⁵.

²² Gertz, B. (2020, January 26). Coronavirus may Have Originated in Lab Linked to China's Biowarfare Program. *Washington Times*. Retrieved from <https://www.washingtontimes.com/news/2020/jan/26/coronavirus-link-to-china-biowarfare-program-poss/>

²³ Tanno, S. (2020, June 4). Ex-head of MI6 Sir Richard Dearlove Says Coronavirus 'is Man-made' and Was 'Released by Accident' – after Seeing 'Important' Scientific Report. *Daily Mail*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8386235/Coronavirus-man-says-ex-head-MI6-Sir-Richard-Dearlove.html>

²⁴ Gray, R. (2018, July 13). Steve Bannon's British Sideshow. *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2018/07/bannon-london-trump/565118/>

²⁵ Boswell, J. (2021, May 28). EXCLUSIVE: COVID-19 'has NO Credible Natural Ancestor' and WAS Created by Chinese Scientists Who Then Tried to Cover Their Tracks with 'Retro-engineering' to Make it Seem like it Naturally Arose from Bats, Explosive New Study Claims. *Daily Mail*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9629563/Chinese-scientists-created-COVID-19-lab-tried-cover-tracks-new-study-claims.html>

В начале июня 2021 г. появляется еще одна громкая публикация в «Wall Street Journal» (быстро растиражированная потом в таблоидах по всему миру) двух американцев — доктора Стивена Кея, генерального директора биофармацевтической компании «Atossa Therapeutics Inc.», и Ричарда Мюллера, профессора физики Калифорнийского университета в Беркли. В их статье также утверждается, что новый коронавирус был изготовлен в китайской лаборатории²⁶. Но, как и в случае упомянутых европейских ученых, американские авторы суть тоже больше чем ученые. Коммерческий интерес С. Кея очевиден, как очевидна и политическая ангажированность Р. А. Мюллера, который является членом «The JASON Defense Advisory Group» — организации, консультирующей американское правительство по вопросам науки и техники, в основном деликатного характера. Спонсорами этой организации выступают Министерство обороны, Министерство энергетики и разведывательное сообщество США.

Наконец, в середине июня 2021 г. в британском таблоиде «The Daily Beast» под рубрикой «RUMOR HAS IT» появилось явно фальшивое сообщение о том, что какой-то высокопоставленный китайский чиновник перебежал в США вместе с конфиденциальной информацией о происхождении COVID-19²⁷. При этом репортер издания ссылается на первичные источники этих сведений: информбюллетень «Intelligence Online» и издание «SpyTalk». Заметим: «Intelligence Online» ежедневно публикует эксклюзивную информацию из мира разведки, а «SpyTalk» специализируется на утечках из мира секретных служб.

После смены главы Белого дома включенность американских спецслужб в дискурс вокруг COVID-19 отнюдь не прекратилась. Напротив, новый американский президент дал поручение разведке удвоить усилия с целью изучения всех имеющихся данных о происхождении нового коронавируса, поскольку «остаются вопросы к Китаю». Это значит, что концептуальная метафора «китайский вирус» не ушла из официального дискурса США вместе с Трампом; из соображений политкорректности она лишь утратила свое внешнее речевое оформление, зато осталась в развернутой нарративной форме как руководство к действию. На сегодняшний день ясности в вопросе о происхождении вируса нет даже на уровне «National Intelligence»²⁸. Но это не мешает тому, что время от времени китайская и американская стороны, следуя принципу *a la guerre comme a la guerre*, запускают в мир очередные истории о COVID-19 как биологическом оружии противника. Так, в сентябре 2021 г. почти одновременно в медиапространство были вброшены два соперничающих друг с другом нарратива. Британская «The Telegraph» сообщила читателям, что вирусологи из Уханя еще в 2018 г. планировали заразить коронавирусами популяцию летучих мышей, чтобы таким образом привить их от заболеваний, потенциально опасных для людей²⁹.

²⁶ Quay, S. & Muller, R. (2021, June 6). The Science Suggests a Wuhan Lab Leak. *The Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/the-science-suggests-a-wuhan-lab-leak-11622995184>

²⁷ Stein, J., & Brazil, M. (2021, June 17). Rumors of U.S. Secretly Harboring Top China Official Swirl. *The Daily Beast*. Retrieved from <https://www.thedailybeast.com/rumors-of-us-secretly-harboring-top-china-official-dong-jingwei-swirl?ref=scroll>

²⁸ Nakashima, E., Abutaleb, Y., Achenbach, J. (2021, August 24). Biden Receives Inconclusive Intelligence Report on Covid Origins. *Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/08/24/covid-origins-biden-intelligence-review/>

²⁹ Knapton, S. (2021, September 21). Wuhan Scientists Planned to Release Coronavirus Particles into Cave Bats, Leaked Papers Reveal. *The Telegraph*. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/news/2021/09/21/wuhan-scientists-planned-releaseskin-penetrating-nanoparticles/>

А публикация китайских вирусологов на платформе ChinaXiv, принадлежащей Академии наук КНР, содержала предположение, что вспышка нового коронавируса могла начаться в США еще в сентябре 2019 г., что на пять месяцев раньше официальных данных американской стороны³⁰.

Примеры можно приводить до бесконечности, но главное уже заметно: в нарративно-метафорическом фрейминге COVID-19 видны явные признаки коммуникативного содружества нескольких социальных акторов. Их объединяет комплекс общих интересов вокруг материальных ресурсов, власти и влияния, связанных с пандемией. Помимо «говорящих голов» профессиональных политиков и научных экспертов, а также медиаресурсов, предоставляющих им публичную сцену, в этот комплекс входят интересы тех, кто «любит тишину»: бизнеса, заинтересованного в коммерческом освоении пандемии, и представителей спецслужб.

Как на эти «fake news» от западных СМИ отвечает китайское информационное пространство? Действия китайских пропагандистов чем-то напоминают стратегии восточных единоборств: они обращают в слабость силу противника, используя в свою пользу плюрализм западного политического и академического мнения. Так, в июле 2021 года представитель министерства иностранных дел Китая, выступая на брифинге для прессы, призвал провести тщательное расследование в американской лаборатории Форт-Детрик, где в течение многих десятилетий проводились секретные исследования со смертоносными патогенами. Одновременно «Жэньминь жибао» высказывает подозрения в адрес американской лаборатории³¹, укрепляя их символической ссылкой на силы, исторически враждебные Китаю: в Форт-Детрике якобы хранятся «материалы бактериологической войны немецких фашистов и японского “Отряда 731”, а «по времени вспышка нового типа коронавируса в США произошла на месяц раньше, чем в Китае»³². Затем эти обвинения в адрес Форт-Детрик со ссылкой на китайские источники озвучиваются в самих США, причем автор соответствующей публикации замечает: «с помощью этого маневра в изменении нарратива Китай пролил свет на малоизвестную, но исключительно важную биокрепость Америки»³³. Сразу после этого китайское государственное информагентство «China News» публикует материал под характерным названием «Американские СМИ раскрывают “американские вирусные секреты”: чем занимался Форт-Детрик?»³⁴, тем самым «легитимируя» нарратив уже как часть глобального, а не только китайского медиапространства.

Помимо истории об «американском вирусе», китайская сторона широко использует метафору «политического вируса» [政治病毒]. Ее преимущество перед неполиткорректным «американским вирусом» состоит в том, что для мифа о «китайском

³⁰ Zhouwang, Yang, Yunhe, Hu, Zhiwei, Ding, Tiande, Guo (2021, September 22). Dating the First Case of COVID-19 Epidemic from a Probabilistic Perspective. *ChinaXiv*. Retrieved from <http://www.chinaxiv.org/abs/202109.00058>

³¹ Что скрывают США в лаборатории на базе Форт-Детрик? (2021, July 22). *People's Daily Russian*. Режим доступа <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0722/c95181-9875557.html>

³² Почему США закрыли лабораторию на базе Форт-Детрик? (2021, 29 июля). *People's Daily*. Режим доступа <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0729/c95181-9878225.html>

³³ Kinzer, S. (2021, July 30). America Has its Own Virus Secrets. *Contributor*. Retrieved from <https://www.bostonglobe.com/2021/07/30/opinion/america-has-its-own-virus-secrets/>

³⁴ Мэй мэй цзечи «мэйго бинду мими»: дэ тэ ли кэ бао доу гань лэ шимо? [美媒揭秘 “美国病毒秘密”: 德特里克堡都干了什么?] (Американские СМИ раскрывают «американские вирусные секреты»: что сделал Форт-Детрик?) (2021, August 4) *China News*. Retrieved from <http://www.chinanews.com/gj/2021/08-04/9536245.shtml>

вирусе» она предлагает альтернативный, а не просто контрарный нарратив. И эта история освещает именно те аспекты происходящего, которые намеренно затемняются мифом о «китайском вирусе». При этом синофобским выражениям вроде «больной человек Азии» китайская сторона противопоставляет метафоры, подчеркивающие высокий мобилизационный потенциал государственного строя Китая, преимущества его коллективистских ценностей: «война без порохового дыма» [场没有硝烟的战争], «вся страна — одна шахматная доска» [全国一盘棋] и т.п. Базовым концептам западного политического дискурса («государство — это личность»; «мировое сообщество — это группа лиц») китайцы противопоставляют метафору государства как большой семьи [大家庭], а также метафорический концепт «сообщества единой судьбы человечества» [人类命运共同体].

За всеми этими метафорами стоят совершенно определенные нарративы, и самый главный из них — история о том, что успешная борьба с новым коронавирусом в очередной раз доказала преимущества социализма с китайской спецификой. Этот нарратив составляет прямую конкуренцию мифу, продвигаемому западными медиа с началом пандемии: COVID-19 есть очередное свидетельство несостоятельности китайского авторитаризма. Одновременно официальный дискурс КНР реализует через такие метафорические концепты, как «закон джунглей» и т.п., рассказ о моральной ущербности (социал-дарвинистском характере) западных «демократических» стратегий борьбы с эпидемией (Лэй Шу, 2020). Тем самым очевидно, что война метафор и на стороне КНР есть одновременно война нарративов. И по обе стороны этого дискурсивного фронта метафоры и мифонаративы задействуются стратегически как боевое дискурсивное оружие.

Заключительные замечания

Как отмечалось ранее, в западных медиа вокруг метафорического концепта «китайский вирус» создается семантическое поле, в которое помимо отдельных метафор, свежих и стереотипных, речевых и визуальных, включены различные версии мифонаратива о «китайском вирусе». Все это поляризовано в контексте пропагандистской войны нарративов. Эта война предполагает игру различных уровней и форм выражения концептуальных метафор, которая не всегда видна невооруженным глазом. Ведь, когда эти метафоры развернуты в нарратив и подкреплены фальшивыми новостями, они для массовой аудитории уже не очевидны в своем чистом виде. И это одно из условий их идеологического успеха. То, что со стороны кажется лишь беспорядочным набором метких словечек и забавных историй, на самом деле формирует определенные идеологические установки. Причем для массовой аудитории семантическое поле войны нарративов не уступает по своей убедительности теоретическим формам пропаганды. Политическая наука, делая предметом специального анализа такие семантические поля, выясняет, какие политические акторы и интересы стоят за производством и распространением структурно связанных нарративов в рамках «ковидного» дискурса. А это не столько отдельные журналисты и граждане, сколько дискурсивно-политический комплекс, составленный как минимум из пяти сращенных (по своим интересам) социальных фигур: профессиональных политиков, представителей медиа, политически либо материально ангажированных ученых, специальных служб и бизнеса (в нашем случае — прежде всего фармацевтических компаний).

Нарративно развернутые метафоры вроде «китайского вируса» не только оскорбительны своей ксенофобией, но и обнаруживают идеологический архаизм западно-центризма в условиях, когда особенно необходим трезвый взгляд на пандемию как глобальную угрозу. Пандемия COVID-19 показала, что вопреки смыслам, внушаемым концептом «китайский вирус», в успешном преодолении нынешних и грядущих кризисов главным является не столько различие (часто мнимое) между «западной демократией» и «восточным авторитаризмом», сколько дееспособные государства, базовые ресурсы, широкий социальный консенсус и компетентные лидеры, внушающие доверие. А еще необходима реальная политическая солидарность, которая выходит за рамки концепта международного сообщества, метафорически представленного как простая группа лиц-государств. Такая метафора создает уютную картинку мировой политики, где всё может быть под контролем, если только сумеет договориться на основе баланса интересов (причем интересов, понятых опять же по метафорической модели интересов отдельного лица). Но пандемия COVID-19 показывает как раз ограниченность такой мыслительной модели. Замена государства на цивилизацию или культуру не меняет принципиальной узости структурной аналогии между отдельным человеком и какой-либо социальной общностью. Реальный мировой процесс — это слишком сложная материя, чтобы адекватно осмысливать ее лишь на основе этих старых метафор и нарративов, несмотря их богатое когнитивное прошлое. Для практического понимания драматично меняющейся картины мировой политики нужны свежие метафоры и новые рассказы. Их во многом еще предстоит изобрести, но уже сегодня очевидно, что концепт «сообщества единой судьбы человечества» здесь подходит лучше, чем лозунг «America first!».

Библиографический список

- Анкерсмит, Ф. (2003). *Нарративная логика: Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс.
- Аматов, А. М., Бондаренко, Е. В., Пупынина, Е. В. (2019). Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор. *Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки*, 38(1), 5–12.
- Дейк Т., ван (2013). *Дискурс и власть: репрезентации доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Едиториал УРСС.
- Скрынникова, И. В. (2017). Метафорический фрейминг политических событий: как формируются убеждения? В *Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017* (с. 267–277). Казань: Изд-во КФУ.
- Alexander, R. J. (2013). Shaping and Misrepresenting Public Perceptions of Ecological Catastrophes: the BP Gulf Oil Spill. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 7, 1–18.
- Brugman, B. C., Burgers, C., Vis, B. (2019). Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, 11(1), 41–65.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language*. New York: Longman.
- Fuchs, C. (2020). Everyday Life and Everyday Communication in Coronavirus Capitalism. *TripleC*, 18(1), 375–399.
- Gamson, W.A., Modigliani, A. (1989). Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.

- Jacob, J. T. (2020). 'To Tell China's Story Well': China's International Messaging during the COVID-19 Pandemic. *China Report*, 56(3), 374–392.
- Lakoff, G. (1999). *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. Berkeley: The University of California at Berkeley and The Rockridge Institute.
- Lynteris, C. (2018). Plague Masks: The Visual Emergence of Anti-Epidemic Personal Protection Equipment. *Medical Anthropology Journal*, 37(6), 442–457.
- Lynteris, C. (2018). Yellow Peril Epidemics: The Political Ontology of Degeneration and Emergence. In F. Bille, S. Urbansky (Eds) *Yellow Perils: China Narratives in the Contemporary World* (pp. 34–53). Honolulu: University of Hawaii Press.
- Menon, R. (2003). The Sick Man of Asia: Russia's Endangered Far East. *The National Interest*, 73, 93–105.
- Odiije, M. (2018). The Fear of 'Yellow Peril' and the Emergence of European Federalist Movement. *The International History Review*, 40(2), 358–375.
- Panther, K. — U. (2006). Metonymy as a Usage Event. In G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. R. de Mendoza Ibáñez (Eds) *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* (pp. 147–186). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rasmussen, A. L. (2021). On the Origins of SARS-CoV-2. *Nature Medicine*, 27(9), 8–9.
- Schön, D. A. (1979). Generative Metaphor: A Perspective on Problem-setting in Social Policy. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought* (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press.
- Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux,
- Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In K. Tracy, C. Ilie and T. Sandel (Eds) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* (pp. 1–14). Boston: John Wiley & Sons.
- Zhang, D. (2021). Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease Related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present. *Journal of Medical Humanities*, 42, 63–80.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022

Статья принята к публикации 15.03.2022

Для цитирования: Поцелуев С. П., Мэн Юйфэн. В поисках «китайского вируса»: мифонаративы западной синофобии в период пандемии COVID-19. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 63-80.

IN SEARCH OF THE “CHINESE VIRUS”: MYTHONARRATIVAS OF WESTERN SYNOPHOBIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

S. P. Potseluev, Meng Yufeng

Sergey P. Potseluev

E-mail: spotselu@mail.ru. ORCID 0000-0002-8562-6541.

Meng Yufeng

E-mail: 552094367@qq.com. ORCID 0000-0002-3747-8927.

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

Abstract. The object of this article is to identify the metaphorical status of the controversial disputable expression the “Chinese virus”, which became widespread in Western anti-China propaganda during the initial period of the COVID-19 pandemic. The authors prove the sinophobic and metaphorical status the concept, referring to broad multimedia and socio-cultural and historical background of its context. Using the methodology of critical discourse analysis and, in particular, the “discourse-historical approach” (R. Wodak), the authors identify the metaphors that have become part of the Western Sinophobia tradition that constitute the semantic field around the concept of the “Chinese virus”. Considering the cognitive theory of metaphor as an important resource for critical discourse analysis, the authors accentuate the different versions of narrative paraphrasing of the metaphorical concept of the “Chinese virus”. The

article highlights the most popular versions of the “Chinese virus” narrative and notes their similarities to the versions of the “just war fairy tale” identified by J. Lakoff in American propaganda discourse during the 1990s Persian Gulf War. While emphasizing the mythical status of the “Chinese virus” narrative, the authors point to the propaganda urgency to support this narrative through fake news. The article analyzes a number of cases of such messages, focusing on the political and commercial motives of their authors, as well as the response of the Chinese media to them, which results in the corresponding war of narratives. The study concludes that the key element of the sociopolitical context of the metaphorical concept of the “Chinese virus” is the communicative commonwealth of several social actors based on common interests: professional politicians, the media, the engaged scientists, and representatives of intelligence services and businesses.

Keywords: COVID-19, “Chinese virus”, metaphor, narrative, myth, war of narratives, media, fake news, intelligence services.

DOI 10.31429/26190567-23-1-63-80

References

- Alexander, R. J. (2013). Shaping and Misrepresenting Public Perceptions of Ecological Catastrophes: the BP Gulf Oil Spill. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 7, 1–18.
- Amatov, A. M., Bondarenko, E. V., Pupynina, E. V. (2019). Amerikanskiy politicheskiy diskurs: metafory voyny i voina metaphor [American Political Discourse: Metaphors of War and War of Metaphors]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin. Series: Humanities], 38(1), 5–12.
- Ankersmit, F. R. (2003). *Narrativnaya logika: Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian’s Language]. Moskva: Ideya-Press.
- Brugman, B. C., Burgers, C., Vis, B. (2019). Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, 11(1), 41–65.
- Dijk, Teun A. van (2013). *Diskurs i vlast’: reprezentatsii dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication]. Moskva: Knizhnyi dom “LIBROKOM”.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language*. New York: Longman.
- Fuchs, C. (2020). Everyday Life and Everyday Communication in Coronavirus Capitalism. *TripleC*, 18(1), 375–399.
- Gamson, W.A., Modigliani, A. (1989). Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.
- Jacob, J. T. (2020). ‘To Tell China’s Story Well’: China’s International Messaging during the COVID-19 Pandemic. *China Report*, 56(3), 374–392.
- Lakoff, G. (1999). *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. Berkeley: The University of California at Berkeley and The Rockridge Institute.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moskva: Yeditorial URSS.
- Lynteris, C. (2018). Plague Masks: The Visual Emergence of Anti-Epidemic Personal Protection Equipment. *Medical Anthropology Journal*, 37(6), 442–457.
- Lynteris, C. (2018). Yellow Peril Epidemics: The Political Ontology of Degeneration and Emergence. In F. Bille, S. Urbansky (Eds) *Yellow Perils: China Narratives in the Contemporary World* (pp. 34–53). Honolulu: University of Hawaii Press.
- Menon, R. (2003). The Sick Man of Asia: Russia’s Endangered Far East. *The National Interest*, 73, 93–105.
- Odiije, M. (2018). The Fear of ‘Yellow Peril’ and the Emergence of European Federalist Movement. *The International History Review*, 40(2), 358–375.

- Panther, K. — U. (2006). Metonymy as a Usage Event. In G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. R. de Mendoza Ibáñez (Eds) *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* (pp. 147–186). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rasmussen, A. L. (2021). On the Origins of SARS-CoV-2. *Nature Medicine*, 27(9), 8–9.
- Schön, D. A. (1979). Generative Metaphor: A Perspective on Problem-setting in Social Policy. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought* (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press.
- Skrynnikova, I. V. (2017). Metaforicheskiy freiming politicheskikh sobytii: kak formiruiutsia ubezhdeniia [Metaphorical Framing of Political Events: How Are Beliefs Shaped?]. In *Vserossiyskaia konferentsiia po kognitivnoi nauke KISE-2017* [All-Russian Conference on Cognitive Science Kise-2017] (pp. 267–277). Kazan': Izd-vo KFU.
- Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux,
- Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In K. Tracy, C. Ilie and T. Sandel (Eds) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* (pp. 1–14). Boston: John Wiley & Sons.
- Zhang, D. (2021). Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease Related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present. *Journal of Medical Humanities*, 42, 63–80.

Received 10.02.2022

Accepted 15.03.2022

For citation: Potseluev S. P., Meng Yufeng. In Search of the “Chinese Virus”: Mythonarrativas of Western Synophobia During the COVID-19 Pandemic. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 63-80.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПЕРСОНАЛИСТСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ¹

Н. Т. Русия

Русия Натэлла Тенгизовна, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская 149, Краснодар, 350040, Россия.
Эл. почта: Natarus2412@mail.ru. ORCID 0000-0001-5852-3574.

Аннотация. В статье рассматриваются технологии использования персоналистских образов в структуре политики идентичности на локальном уровне. Внимание к локальной идентичности связано с политическими факторами развития территорий. В качестве эмпирической базы были использованы транскрипты фокус-групп и экспертных интервью, материалы СМИ, материалы интернет-источников. На примере городских и сельских территорий Краснодарского края были выявлены следующие технологии использования персоналистских идентификаторов: топонимические технологии (наименование и переименование пространственных объектов — улиц, скверов, общественных пространств и др.); технологии номинации (присвоение культурным, образовательным, медицинским и иным объектам — университетам, музеям, театрам и др.); технологии монументализации (установка памятников, бюстов, скульптурных композиций); технологии легендирования (совокупность методов и приемов по созданию неформальных образно-мифологических конструкций для формирования определенного образа персонажа); технологии специальных событий (учреждение премий, фестивалей, спортивных мероприятий, а также краевых и муниципальных наград). Было определено, что персоналистские образы могут быть использованы для демонстрации включенности территории в общекультурное и историческое пространство России (кейс М. Ю. Лермонтова) и для выделения особенности территории, её культурного и этнического разнообразия (образы казацких атаманов на Кубани). В исследовании изучены и описаны следующие характеристики персоналистских идентификаторов: исторический период, к которому она принадлежит, её статус и направления деятельности, а также роль и значение для рассматриваемой территории. Результаты данного исследования могут стать основой для концептуализации политик идентичности и характеристики включенности персоналистских образов в структуру символической политики на локальном уровне. Разработка политико-управленческих практик, базирующихся на использовании персоналифицированных образов, актуализируют инструментальное значение локальной идентичности как ресурса развития территорий.

Ключевые слова: персоналистские идентификаторы, символическая политика, локальная идентичность, идентичность, сельские территории, городские территории.

Введение

Актуальность определяется необходимостью изучения политико-идентификационных практик на локальном уровне и поиском новых оснований для идентичности. Полиэтнический состав России и особенности её территориального устройства характеризуют проявление идентичности в пространственно-территориальных измерениях: субнациональный (локальный, региональный) и национальный.

Процессы нациестроительства, централизации и унификации национального государства определяют контуры политики идентичности на национальном уровне. На некоторых территориях в подвижной иерархии конкурирующих между собой

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

идентичностей доминирующей оказывается именно субнациональный уровень. Как отмечает И. Л. Прохоренко, на динамику идентичности значительное влияние оказывает передача управленческих функций на региональный и местный уровни, итогом данных процессов становится трансформация территориальных сообществ в политический субъект и включение ценностных ориентаций, символов и смыслов в политический контекст (Прохоренко, 2011).

В центре исследования настоящей статьи находятся место и значение персонифицированных образов в системе политики идентичности на локальном уровне. Цель исследования — выявить ключевые характеристики персоналистских образов на локальном уровне через технологии, используемые властями городских и сельских территорий Краснодарского края.

Процессы конструирования и поддержания локальной идентичности в фокусе внимания отечественных исследователей появились сравнительно недавно. Это связано с разнонаправленной активностью регионов в процессе постсоветской трансформации, на которую влияет значительное количество условий: социально-политическая конъюнктура, параметры социально-экономического и этнокультурного неравенства, компенсаторные процессы идентификации (например, актуализация исторического прошлого), инерция матрицы идентичности, сформировавшаяся в советский период (Сагитова, 2019).

Обзор состояния исследований

В среде отечественных исследователей сложилась традиция рассматривать локальную идентичность в политическом измерении (Евстифеев, 2019; Назукина, 2015; Морозова, Филиппов, 2021; Самаркина, Башмаков, 2021; Морозова, Мирошниченко, Семененко, 2020). Концептуализация категории «локальная идентичность» была произведена в работах следующих отечественных авторов: Р. В. Евстифеев, И. Ю. Окунев, Е. В. Морозова, Е. В. Улько, М. В. Назукина. Р. В. Евстифеев определил, что развитие локальной идентичности ведет к осознанию субъектности групп локального сообщества, что, по мнению автора, может служить базисом для национальной идентичности (Евстифеев, 2017). И. Ю. Окунев использует термин «политика места», который определяет как «целенаправленное формирование устойчивого дискурса, транслирующего вовне пространственную идентичность данного локалитета», основной инструментальной задачей реализации политики места автор видит брендинг территории (Окунев, 2018). Е. В. Морозова и Е. В. Улько типологизировали модели локальной идентичности на основании соотнесения таких параметров, как степень выраженности локальной идентичности, общей эмоциональной окраски и готовности социально-преобразовательной активности в интересах жителей локальной территории (Морозова, Улько, 2008). В связи с тем, что акцент нашей работы делается на рассмотрении персонифицированных символов в качестве ресурса развития локальной территории, центральными понятиями данной статьи являются «локальная идентичность» и «персоналистский идентификатор». Локальная идентичность, которая, вслед за М. В. Назукиной, понимается нами как «низовой уровень пространственно-территориальной идентификации, который связан с чувством сопричастности человека с местом его проживания или/и происхождения: районом, городом, населенным пунктом, конкретной местностью» (Назукина, 2017). В зарубежной исследовательской традиции персонифицированные образы соотносятся с героическим. Так, Томас Карлейл отмечал, что героическое не

просто связано с историей, а роль героев в историческом процессе принципиальна. Он классифицировал героев, описывая как каждый из типов изменяет социальную реальность с использованием разного набора методов и технологий (Карлейль, 2012). Более близким в контексте политики идентичности на локальном уровне можно считать аналитическую стратегию П. Вайля, описавшего в книге «Гений места» инструментальную взаимосвязь исторической персоналии и локальности (Вайль, 2006). Персоналистский идентификатор в интерпретации В. Д. Бедерсона — это «имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский/персонифицированный образ)» (Бедерсон, 2015). Полагаем, такое определение может быть использовано при анализе и локального уровня идентичности.

Методология и методы исследования

В качестве основного теоретического подхода данного исследования использован социальный конструктивизм, в рамках которого возможно рассмотреть процесс институционализации компонентов политики идентичности.

Теоретическая традиция социокультурного подхода используется для целостного понимания механизмов конструирования политики идентичности на локальном уровне с учетом влияния общественных факторов и социокультурных императивов. Теоретические положения П. Бурдьё дают основания оценивать логику конструирования и поддержания символического капитала через технологии использования персоналистских идентификаторов как характеристику социального пространства.

В качестве эмпирической базы были использованы транскрипты фокус-групп и экспертных интервью, проведенные коллективами ученых в рамках двух научных проектов: «Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства региона» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов» при поддержке Российского научного фонда. Также эмпирическую базу составили материалы СМИ (издание «Коммерсант», Деловая газета «Взгляд», издание «Daily Storm», Информационный портал «Кубань 24», новостной портал «Юга.ру»), материалы интернет-ресурсов (сайт Общероссийского народного фронта, сайт Муниципального казенного учреждения культуры «Мемориальный музей Ю. В. Кондратюка», официальный сайт проекта «Великие имена России», официальный сайт МО Темрюкский район, сайт Министерства физической культуры и спорта Краснодарского края).

Персоналистские образы в структуре политики идентичности

Персоналистские идентификаторы являются структурными элементами политики идентичности на всех уровнях. Наглядной иллюстрацией использования образов исторических персоналий в проектах на территории всей страны могут служить проекты «Имя героя — школе» и «Великие имена России». Оба проекта предусматривают участие заинтересованных граждан в принятии решений по переименованию в первом случае — школ, во втором — аэропортов на территории станы. Инициированный в 2014 г. Общероссийским общественным движением «Народный» фронт «За Россию» (далее — ОНФ) проект «Имя героя — школе» предпо-

лагает проведение учениками школ исследовательской работы и сбора материалов для выбора кандидатуры героя-соотечественника, имя которого присвоят школе. По правилам проекта имя школы можно выбрать из числа людей, имеющих государственные награды или не имеющих, но известных в регионе и «внёсших свой вклад в защиту Отечества, отдавших жизнь за свою страну, за спасение других, ставших примером мужества, храбрости и самоотверженности», а также воинских формирований, боевых отрядов, совершивших подвиг в различных войнах и конфликтах (Имя героя..., 2020). Помимо торжественного присвоения школам имен героев-соотечественников проект предполагает создание школьных музеев, открытие памятных досок, издание брошюр о героических поступках. Результатом реализации программы организаторы видят консолидацию военно-патриотических организаций вокруг ОНФ.

Другой общенациональный проект — «Великие имена России» — по выбору имен выдающихся соотечественников для присвоения их российским аэропортам был организован в 2018 г. и завершился подписанием Президентом РФ Указа «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» (Указ Президента..., 2019). По итогам проекта два аэропорта получили имена певцов (Высоцкого и Хворостовского), 10 — ученых, три — художников, четыре — полководцев, пять — имена царских особ. А самая многочисленная группа — космонавты, авиаконструкторы и летчики. Декларируемый организаторами конкурса (Общественной палатой РФ, Российским историческим обществом, Обществом русской словесности, Русским географическим обществом и Российским военно-историческим обществом) эффект от реализации проекта связан с «сохранением исторической памяти и духовных традиций». Переименование аэропортов вызвало широкий интерес общественности и сопровождалось бурными обсуждениями и полемикой (Спорные имена России, 2018). Большую активность в голосовании проявили некоторые регионы: так, за переименование аэропорта Уфы проголосовало в полтора раза больше человек, чем за выбор названия аэропорта Санкт-Петербурга, и вдвое больше, чем по московскому Внуково. Данный конкурс продемонстрировал некоторое противостояние между военными и гражданскими персоналиями: например, Георгий Жуков, отношение к которому в среде российских историков неоднозначное, проиграл четырежды — в Москве, Волгограде, Калуге и Екатеринбурге. При общей непопулярности переименования в честь военных к летчикам данную тенденцию применить нельзя: в Нижнем Новгороде предсказуемо победил Валерий Чкалов, в Новосибирске — Александр Покрышкин, в Волгограде — Алексей Маресьев, в Анапе — Владимир Коккинаки. Отдельный сюжет, который можно выделить в данном кейсе, — борьба за лидерство между общенациональными и локальными кандидатурами. Превалирование этнического над общенациональным прослеживается в ряде регионов: например, аэропорт чукотского Анадыря назвали в честь Юрия Рытхэу, автора сборника рассказов «Чукотская сага», который обошел и космонавта Павла Виноградова, вышедшего в открытый космос в возрасте 60 лет, и военного летчика Тимофея Елкова (Выбор «Великих имен России»..., 2018).

Таким образом, можно констатировать, что проекты «Имя героя — школе» и «Великие имена России» — примеры проводимой политики с использованием инструментов персоналистской идентификации.

Высокий уровень персонификации политики и власти определяет широкое разнообразие персоналистских идентификаторов в символическом пространстве регионов

и локальных территорий. В условиях непрерывной конкуренции за ресурсы федеральных и региональных властей, а также потенциальных инвесторов, муниципальные образования используют арсенал методов по созданию символических образов не только для решения задач по консолидации местного сообщества и созданию внутреннего имиджа, но и демонстрации достижений территории и повышению её узнаваемости для внешних акторов. Однако на уровне регионов и муниципальных образований сильно дифференцированы технологии и практики использования персоналистских идентификаторов в реализации политики идентичности. Это зависит от исторического и культурного бэкграунда территории, политической культуры региона, уровня включенности и структуры акторов политики идентичности на региональном уровне — некоммерческих организаций, бизнес-структур, исторических и культурных сообществ, политических элит (группы персон, «обладающих реальной властью в принятии общественных важных решений») (Гельман, 1996).

Персоналистские идентификаторы на примере Краснодарского края

В качестве классифицирующих оснований нами были взяты следующие характеристики, разработанные и описанные В. Д. Бедерсоном: социальный статус и направление профессиональной деятельности, а также роль, место и значение героя для территориальной самости (герой родился на рассматриваемой территории, работал на ней, либо в его творчестве есть упоминания о ней) (Бедерсон, 2015). Другое основание для классификации — исторический период, к которому принадлежит персоналия. Мы выделили следующие исторические периоды:

— дореволюционный период (сотник Голубицкий дал имя ст-це Голубицкой Краснодарского края в 1792 г., краевед, общественный деятель, автор первой археологической карты древностей Кубани Е. Д. Фелицын; кошевой атаман Черноморского казачьего войска З. Чепега; известный врач, превративший Анапу в город-курорт, В. А. Будзинский);

— советский период (разведчица Катя Виноградова в г. Темрюк, герой Советского Союза Е. А. Зикран в ст-це Брюховецкой; атаман и общественный деятель М. П. Бабыч в г. Краснодар; советский и российский организатор сельского хозяйства И. Т. Трубилин в г. Краснодар; писатель А. Д. Знаменский, в честь которого учреждена Краснодарская муниципальная премия с целью создания условий для сохранения нравственных ценностей и обеспечения преемственности литературных традиций на территории г. Краснодара, а также названы школа в г. Хадыженск и проспект в г. Краснодаре);

— постсоветский период — сюда мы отнесли персоналий, чья активная деятельность приходится на период после распада СССР (губернатор Краснодарского края Н. И. Кондратенко; театральные деятель и режиссер Л. Г. Гатов в г. Краснодаре — сквер и музыкальный театр).

По статусу и направлениям деятельности можно выделить следующие группы персоналистских образов:

— ученые (селекционеры В. С. Пустовойт и П. П. Лукьяненко в Краснодаре; ученый-теоретик в области космонавтики Ю. В. Кондратюк в ст-це Октябрьской);

— творческие деятели (художник Д. Д. Жилинский из Сочи; автор сборника «Песни кубанских и терских казаков» А. Д. Бигдай из ст-цы Ивановской; актриса К. С. Лучко, чьим именем названа главная площадь в г. Курганинск, в котором проходили съемки кинофильма «Кубанские казаки»);

— общественные деятели, градоначальники и меценаты (коллекционер и меценат, создатель картинной галереи в Краснодаре Ф. А. Коваленко; градоначальники В. С. Климов и Г. С. Чистяков в Краснодаре);

— партийные деятели (революционный деятель, редактор большевистского журнала «Прикубанские степи» М. К. Седин в Краснодаре; болгарский государственный и политический деятель Г. Димитров, 1-й секретарь Краснодарского краевого комитета ВКП П. И. Селезнёв);

— военные и участники боевых действий (герой русско-турецкой войны в Анапе А. Д. Безкровный; командир гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка Е. А. Жигуленко в Тихорецке, братья Степановы в Тимашёвске);

— казаки и атаманы (наказные атаманы Черноморского казачьего войска Я. Г. Кухаренко и А. Д. Безкровный).

Роль, место и значение героя для территории: герой родился на данной территории (братья Коккинаки из г. Новороссийск; спортсмены Е. А. Кафельников и С. К. Метревели из г. Сочи; советская и российская певица В. В. Толкунова из г. Армавир); герой часть жизни работал на территории (поэт, автор гимна Кубани К. Н. Образцов; проповедник К. В. Россинский, детский поэт С. Я. Маршак); у героя есть упоминания о территории в деятельности и творчестве (И. Е. Репин искал вдохновение для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» в ст-це Пашковской, которая сейчас является районом города Краснодара; М. Ю. Лермонтов во время короткого визита в ст-цу Тамань вдохновился на написание одной из глав романа «Герой нашего времени»; инженер и ученый В. Г. Шухов, автор гиперболоидной водонапорной башни в г. Краснодаре, ставшей визитной карточкой города).

Технологии использования персоналистских идентификаторов в структуре политики идентичности Краснодарского края

На территориях Краснодарского края сформировалась структура персоналистских идентификаторов, которые, с одной стороны, демонстрируют уникальность героев для местных сообществ, что актуализирует персоналию с целью формирования бренда и культивирования специфического имиджа территории, с другой — вписывают её в символическое пространство региона и страны. Кроме того, Краснодарский край как единое символическое пространство обладает набором региональных особенностей: так, в конце 2021 г. аналитики сервиса «Яндекс карты» определили, что Краснодарский край лидирует среди всех регионов по наименованиям улиц, площадей, переулков и проспектов, которые названы в честь известных советских деятелей, знакомых событий СССР или имеют в своем названии слово «советская». Было определено, что на Кубани таких наименований 1936, следом идут Свердловская область (1780), Татарстан (1622) (Краснодарский край и Свердловская область..., 2021). Также Кубань является лидером по числу космических названий: в 2021 г. в крае насчитывалось 727 топонимических наименований, связанных с космосом. Это значительно больше, чем в других крупных регионах, например, в Московской области (535) или Республике Татарстан (530) (Кубань стала лидером..., 2021).

Рассмотрим технологии и практики, интегрирующие символический ресурс персоналистских идентификаторов, на примере Краснодарского края. Их можно объединить в следующие группы:

— топонимические технологии (наименование и переименование пространственных объектов — улиц, скверов, общественных пространств и др.);

- технологии номинации (присвоение культурным, образовательным, медицинским и иным объектам — университетам, музеям, театрам и др.);
- технологии монументализации (установка памятников, бюстов, скульптурных композиций);
- технология легендирования (совокупность методов и приемов по созданию неформальных образно-мифологических конструкций для формирования определенного образа персонажа);
- технологии специальных событий (учреждение премий, фестивалей, спортивных мероприятий, а также краевых и муниципальных наград).

Топонимические технологии и инструменты в структуре политики местных властей являются наиболее распространенными ввиду наличия отточенного институционального и правового алгоритма и стремительно растущей численности объектов для использования. Топонимия пространства населенного города позволяет оценить политический дискурс, транслируемый властями разного уровня, а также определить вехи материальной и духовной культуры проживающих на территории сообществ (Галактионова, 2016). Топонимы представляют собой уникальное средство отражения, оценки и идентификации окружающего мира, обнаруживают связь между языком и ментальностью жителей территории, а также обладают функциональным потенциалом, который по-разному раскрывается в разных коммуникативно-дискурсивных условиях (Корнева, 2016).

Единица топонимической политики — годоним (наименование линейного объекта территории: улицы, переулка, аллеи, проезда и пр.) представляет существенный пласт топонимической лексики и чаще всего служит объектом переименования. На примере ул. Гимназической г. Краснодара, которая меняла название более 10 раз, можно рассмотреть ключевые тренды в переименовании улиц города. Первоначально она именовалась по признаку близости к значительному объекту Театральной, затем на улице была построена мужская войсковая гимназия и последовало переименование улицы в Гимназическую. На протяжении двадцатого века улице присваивалось имя учёного Климента Тимирязева (1926), революционера Шахан-Гирея Хакурате (1936), партийного деятеля Николая Ежова (1937), Климента Ворошилова (1937). В двух случаях улица меняла название по причине признания персоналии врагом народа (История названий улиц Краснодара..., 2001). В 1953 г. ситуация по присвоению имен географическим объектам изменилась: подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей административно-территориальным единицам, населенным пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам». В соответствии с указом было постановлено прекратить в дальнейшем присвоение топонимическим объектам и государственным учреждениям имен государственных, общественно-политических деятелей, деятелей науки и культуры при их жизни. Также было установлено, что присвоение имен административно-территориальным единицам, населенным пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам может производиться только посмертно «в целях увековечения памяти особо выдающихся государственных, общественно-политических деятелей, защитников Родины, героев труда, деятелей науки и культуры и лишь в исключительных случаях по ходатайствам государственных и общественных организаций» (Указ от 11 сентября..., 1957).

Послевоенный период, в который была актуализирована потребность в символическом подкреплении консолидации общества, стал самым результативным по количеству переименований, и отразился на микротопонимике не только кубанских городов и станиц, но и всей страны. Новые послевоенные названия географических объектов, посвященные героям и событиям Великой Отечественной войны, способствовали сохранению чувства патриотизма и сопричастности к победе над фашизмом. Стоит отметить, что в этот период небольшая часть крупных населенных пунктов сменила название, значительно чаще переименовывались станицы, поселки (например, хутор Молотова переименован в хутор Победа (Ведомости Верховного Совета РСФСР..., 1958)) и объекты внутри населенных пунктов. При этом наименования географических и административно-территориальных объектов пошли вразрез с традиционной основной функцией топонима — помогать ориентации в пространстве. Также в этот период утрачиваются некоторые группы топонимов, например, те, которые имели связь с императорской семьей или религиозными объектами (Бочкарева, 2007).

В ст-це Октябрьской Крыловского района доминирующим персоналистским образом является Ю. В. Кондратюк — ученый, предложивший и описавший оптимальную траекторию полета на Луну. В станице с 1973 г. работает мемориальный музей им. Ю. В. Кондратюка, который сейчас имеет статус муниципального учреждения культуры и занимает важное место в процессе преобразования культурной среды района и края. Руководство музея декларирует, что «основной упор в работе музея делается на духовно-нравственное, эстетическое и патриотическое воспитание молодежи» (Сайт Муниципального казенного учреждения, 2022). Наименование образовательных и культурных учреждений в честь известных личностей демонстрирует практики *номинации*, которые зачастую используются вместе с *технологией монументализации*, предполагающей физическую объективацию образа. Так, Краснодарская филармония с 2007 г. носит имя известного композитора Г. Ф. Пономаренко, который 24 года прожил на Кубани. У входа в филармонию установлен бронзовый памятник композитору: образ передает добрый и жизнерадостный характер личности Григория Фёдоровича, он изображен улыбающимся, в концертном костюме и с баяном в руках, которым он владел в совершенстве. В Краснодарском крае фигура Пономаренко как культурного деятеля узнаваемая, так как он внёс значительный вклад в духовную жизнь края, увековечив в музыке регион (музыка к песням «Краснодарская улица Красная» (сл. Н. Доризо), «Здравствуй, наша Кубань» (сл. И. Вараввы).

В Краснодарском крае выделяются также герои, которые используются не только с целью показать особенность территории, но и для демонстрации включенности территории в общекультурное и историческое пространство России. Так, образ М. Ю. Лермонтова является центральным в ст-це Тамань Темрюкского района, несмотря на то, что поэт посещал место проездом, был там несколько дней, а впоследствии увековечил знаменитыми строками: «Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще вдобавок меня хотели утопить».

В структуре политики идентичности г. Ейска Краснодарского края ключевым элементом является образ Ивана Поддубного — шестикратного чемпиона мира по классической борьбе, который 22 последних года жизни прожил в г. Ейске. В городе расположена могила и монумент Поддубного, в его честь назван старейший на

Кубани парк, спортивная школа и музей. Технология легендирования, связанная с именем Поддубного тесно вплетена в брендинг и символическую политику г. Ейска. Это находит отражение в городских легендах о невероятно сильном, известном на весь мир спортсмене, «великом земляке», при этом простом и отзывчивом. В Ейске происходит *легендирование* образа Ивана Поддубного, легенды и мифы, которые окружают его личность, связаны с разными сторонами его жизни: с одной стороны, неподкупный, честный непобедимый, который отказывался от подставных боёв и отказался покинуть оккупированный в годы войны город, с другой — простой, открытый, добрый человек, не оставивший котёнка, вымазанного мазутом умирать на улице.

Уникальным можно назвать символ Епистинии Фёдоровны Степановой — матери девяти сыновей, погибших на войне. Её образ из неофициальных символов города и района со временем трансформировался в официальный: в 2004 г. Советом муниципального образования Тимашевского района утверждён новый вариант герба района, на котором сидящая женщина-мать символизирует Е. Ф. Степанову, изогнутый колос с девятью парными колосками — символ её девяти сыновей, не вернувшихся с войны. Фигура Степановой символизирует рефлексию драматических событий, затронувшие территорию, а также демонстрирует образ матери-героини, который транслируется за пределы Тимашёвского района (об этом свидетельствуют документальные фильмы, картины, стихотворения, посвященные Е.Ф. Степановой). Также данный образ встроен в *технологии специального события* — постановлением администрации Краснодарского края была учреждена ежегодная премия администрации Краснодарского края имени Е. Ф. Степановой (Постановление главы администрации..., 2001). Другим примером использования технологии специального события являются спортивные турниры, посвященные известным спортсменам, которые часто проводятся в разных населенных пунктах края: соревнования памяти заслуженного мастера спорта России и олимпийского призёра по вольной борьбе Бесика Кудухова (200 борцов мерялись силой..., 2017), краевой турнир по боксу на призы Дмитрия Пирого (Краевой турнир по боксу..., 2015), краевой турнир среди ветеранов физической культуры и спорта Кубани имени мастера спорта международного класса Георгия Стрельникова (В Краснодаре выявили лучших теннисистов..., 2021).

Заключение

Изучение практик и технологий, использующих персоналистские образы, представляется актуальным для политического анализа. Тема персоналистских образов в политике идентичности до недавнего времени оставалась вне фокуса теоретических и эмпирических исследований социально-политических наук. Некоторыми аспектами, например вопросами топонимики и номинирования, традиционно занимаются географы, историки и лингвисты, что подтверждается накопленным научным багажом и широким кругом научных дискуссий по поводу отдельных объектов. Несмотря на то, что критические исследования в данной области сделали важный шаг в сторону социальной и политической проблематизации рассматриваемых практик, требуется разработка концептуального аппарата изучения персоналистских образов на локальном уровне, которая может дать толчок более системной и продуманной работе властей по конструированию локальной идентичности на территории муниципальных образований.

Проведенное исследование позволило выявить технологии использования персоналистских идентификаторов на примере городских и сельских территорий Краснодарского края: топонимические технологии, технологии номинации, технологии монументализации, технологии легендирования, технологии специальных событий.

Персоналистский идентификатор в структуре политики идентичности на локальном уровне должен рассматриваться через призму характеристик персоналии: исторический период, к которому она принадлежит, её статус и направления деятельности, а также роль и значение для рассматриваемой территории. Было выявлено, что персоналистские образы могут быть использованы как для демонстрации включенности территории в общекультурное и историческое пространство России (кейс М. Ю. Лермонтова), так и для выделения особенности территории, её культурного и этнического разнообразия (образы казачьих атаманов на Кубани). Результаты данного исследования могут стать основой для концептуализации политик идентичности и характеристики включенности персоналистских образов в структуру символической политики на локальном уровне.

Внимание к локальной идентичности связано с политическими факторами развития территорий. Включение практик использования персоналистских образов в стратегии продвижения уникальности территорий позволяет решить ряд проблем на локальном уровне: выключенность различных социально-политических групп из проектов развития территорий, низкий уровень местного патриотизма, дезинтеграция из общенационального и регионального историко-символического контекста. Разработка политико-управленческих практик, базирующихся на использовании персонифицированных образов, актуализирует инструментальное значение локальной идентичности как ресурса развития территорий.

Библиографический список

- 200 борцов мерялись силой на турнире имени Бесика Кудухова в Краснодаре (2017). *KrasnodarMedia.su*. Режим доступа <https://krasnodarmedia.su/news/625298/>
- Бедерсон, В. Д. (2015). В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России. *Символическая политика*, 3, 192–209.
- Бочкарева, А. С. (2007). *Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в.* (Кандидатская диссертация). Краснодар.
- В Краснодаре выявили лучших теннисистов среди ветеранов спорта (2021). *Сайт Министерства физической культуры и спорта Краснодарского края*. Режим доступа <https://kubansport.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/161088>
- Вайль, П. (2006). *Гений места*. Москва: Астрель.
- Вахрин, С. И. (2020). *Биографии кубанских названий*. Ставрополь: издательство «Дизайн-студии Б».
- Ведомости Верховного Совета РСФСР* (1958). 2. Режим доступа <https://vedomosti.rsfsr.su/>
- Выбор «Великих имен России» принес поразительные результаты (2018). *Деловая газета «Взгляд»*. Режим доступа <https://vz.ru/society/2018/12/4/953735.html>
- Галактионова, Н. А. (2016). Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов). *Регионоведение*, 1(94), 152–163.
- Гельман, В. Я. (1996). Шахматные партии российских элит. *Pro et contra*, 1, 18–27.
- Евстифеев, Р. В. (2016). Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики. *Философские Науки*, 1, 88–95.

- Евстифеев, Р. В. (2017). Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления. *Научный результат. Социология и управление*, 2, 3–9.
- Имя героя — школе (2020). *Проект Общероссийского Народного Фронта*. Режим доступа <https://imena.onf.ru/projects/imya-geroya-shkole>
- История названий улиц Краснодара (2001). *Юга.ру*. Режим доступа <https://www.yuga.ru/articles/society/3001.html>
- Карлейль, Т. (2012). *Герои, почитание героев и героические в истории*. Москва: Рипол-Классик.
- Корнева, В. В. (2016). Топонимические исследования в новой научной парадигме. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1. Режим доступа <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/01/2016-01-28.pdf>
- Краевой турнир по боксу на призы Д. Пирого (2015). *Официальный сайт МО Темрюкский район*. Режим доступа <https://temryuk.ru/presscenter/news/kraevoy-turnir-po-boksu-na-prizu-dmitriy-piroga/>
- Краснодарский край и Свердловская область признаны самыми «советскими» регионами (2021). *Daily Storm*. Режим доступа <https://dailystorm.ru/news/krasnodarskiy-kray-i-sverdlovskaya-oblast-priznany-samymi-sovetskimi-regionami>
- Кубань стала лидером среди регионов России по числу космических названий (2021). *Кубань 24*. Режим доступа <https://kuban24.tv/item/kuban-stala-liderom-sredi-regionov-rossii-po-chislu-kosmicheskikh-nazvanij>
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Семененко, И. С. (2020). Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. *Полис. Политические исследования*, 3, 56–77.
- Морозова, Е. В., Филиппов, Д. Е. (2021). Политика идентичности на локальном уровне (на примере города Ейска). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4(69), 91–97.
- Назукина, М. В. (2017). Локальная идентичность. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 512–516). Москва: Изд-во Весь Мир.
- Назукина, М. В., Петрова, Р. И. (2015). Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4(32), 127–142.
- Окунев, И. Ю. (2018). Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. *Сравнительная политика*, 1. Режим доступа https://elibrary.ru/download/elibrary_32562736_11713540.pdf
- Постановление главы администрации края от 15.10.2001 n 983 об учреждении ежегодной премии администрации Краснодарского края имени Е. Ф. Степановой. Режим доступа <http://legal-krasnodar.narod.ru/data05/tex18888.htm>
- Прохоренко, И. Л. (2011). Территориальная идентичность. В *Политическая идентичность и политика идентичности* (с. 135–140). Москва: Политическая энциклопедия.
- Сагитова, Л. В. (2019). *Политика идентичности и ее акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан* (докторская диссертация). Калининград.
- Сайт Муниципального казенного учреждения культуры «Мемориальный музей Ю. В. Кондратюка (А. И. Шаргей)» муниципального образования Крыловский район. Режим доступа <https://xn-80aakdjhnclok0a1ae9o.xn--p1ai/item/318199>
- Самаркина, И. В., Башмаков, И. С. (2021). Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края). *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 1, 159–171.
- Спорные имена России (2018). *Коммерсант*. Режим доступа <https://www.kommersant.ru/doc/3821047>
- Указ от 11 сентября 1957 года «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей административно-территориальным единицам, населенным

пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам». Режим доступа http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5220.htm

Указ Президента Российской Федерации от 31.05.2019 № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством». Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1>

Статья поступила в редакцию 20.02.2022

Статья принята к публикации 26.03.2022

Для цитирования: Русия Н. Т. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне. — Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 81-95.

PERSONALIST IMAGES IN IDENTITY POLITICS AT THE LOCAL LEVEL

N. T. Rusiya

Natella T. Rusiya, Kuban State University, Stavropolskaya Str, 149, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: Natarus2412@mail.ru. ORCID 0000-0001-5852-3574.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and KNF within the framework of the 2021 competition “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition), project No. 22-18-20059 “Development policy for rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

Abstract. The article examines the technologies of using personalist images in the structure of identity politics at the local level. Attention to local identity is related to the political factors of territorial development. The transcripts of focus groups and expert interviews, media materials, and materials from Internet sources were used as the empirical basis. The following technologies of using personalistic identifiers have been discovered across the urban and rural areas of the Krasnodar Territory: nomination technology (assigning names of prominent figures to cultural, educational, medical and other objects — universities, museums, theaters, etc.); technology of monumentalization (installation of monuments, busts, sculptural compositions); legending technology (a set of methods and techniques that create informal figurative and mythological concepts to form a certain image of the character); technology of special events (establishment of prizes, festivals, sports events, as well as regional and municipal awards). It was ascertained that personalistic images can be used both to demonstrate the territory’s inclusion into the common cultural and historical space of Russia (as in the case of M. Lermontov), and to highlight the distinctive specificity of the territory, and its cultural and multi-ethnic diversity (as in the case of the Kuban Atamans of the Cossacks). The study explored and described the following characteristics of personalist identifiers: the historical period to which it belongs, its status and areas of activity, as well as its role and significance for the territory in question. The results of this study can serve as a basis for conceptualizing identity politics and for characterizing the inclusion of personalist images into the structure of symbolic politics at the local level. The development of political and managerial practices based on the use of personified images actualizes the instrumental importance of local identity as a resource for territorial development.

Keywords: personalistic identifiers, symbolic politics, local identity, identity, rural areas, urban areas.

DOI 10.31429/26190567-23-1-81-95

References

200 bortsov meryalis’ siloy na turnire imeni Besika Kudukhova v Krasnodare [200 Wrestlers Competed in Strength at the Besik Kudukhov Tournament in Krasnodar] (2017). *KrasnodarMedia.su* [KrasnodarMedia.su]. Retrieved from <https://krasnodarmedia.su/news/625298/>

Bederson V. D. (2015). V poiskakh geroyev: raznoobraziye personalistskikh identifikatorov i politika identichnosti v regionakh sovremennoy Rossii [Searching for the Heroes: Variety of Personal-

- istic Identifiers and Identity Politics in the Regions of Modern Russia]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politicity], 3, 192–209.
- Bederson, V. D. (2015). V poiskakh geroyev: raznoobraziye personalistskikh identifikatorov i politika identichnosti v regionakh sovremennoy Rossii [Searching for The Heroes: Variety of Personalistic Identifiers and Identity Politics in the Regions of Modern Russia]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politicity], 3, 192–209.
- Bochkareva, A. S. (2007). *Politicheskaya propaganda i agitatsiya partiyno-sovetskikh organov vlasti na Kubani v 20-yegg. KHKH v.* [Political Propaganda and Agitation of the Party and Soviet Authorities in the Kuban in the 20s of the 20th Century] (Candidate Dissertation). Krasnodar.
- Carlyle, T. (2012). *Geroi, pochitaniye geroyev i geroicheskiye v istorii* [On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History]. Moskva: Ripol-Klassik.
- Galaktionova, N. A. (2016). Sotsiokul'turnyy oblik regiona cherez prizmu toponimicheskoy politiki (keys Tyumeni i Naberezhnykh Chelnov) [Socio-Cultural Image of the Region through the Prism of Toponymic Policy (the Case of Tyumen and Naberezhnye Chelny)]. *Regionologiya* [Regionology], 1(94), 152–163.
- Gel'man, V. Ya. (1996). Shakhmatnyye partii rossiyskikh elit [Chess Games of Russian Elites]. *Pro et contra* [Pro et contra], 1, 18–27.
- Imya geroya — shkole [The Name of the Hero is for the School] (2020). *Proyekt Obshcherossiyskogo Narodnogo Fronta* [The Project of the All-Russian People's Front]. Retrieved from <https://imena.onf.ru/projects/imya-geroya-shkole>
- Istoriya nazvaniy ulits Krasnodara [History of Street Names in Krasnodar] (2001). *Yuga.ru* [Yuga.ru]. Retrieved from <https://www.yuga.ru/articles/society/3001.html>
- Korneva, V. V. (2016). Toponimicheskiye issledovaniya v novoy nauchnoy paradigm [Toponymic Studies within Anew Research Paradigm]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 1. Retrieved from <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2016/01/2016-01-28.pdf>
- Krasnodarskiy kray i Sverdlovskaya oblast' priznany samymi "sovetskimi" regionami [Krasnodar Territory and Sverdlovsk Region are Recognized as the Most "Soviet" Regions] (2021). *Daily Storm* [Daily Storm]. Retrieved from <https://dailystorm.ru/news/krasnodarskiy-kray-i-sverdlovskaya-oblast'-priznany-samymi-sovetskimi-regionami>
- Krayevoy turnir po boksu na prizu D. Piroga [Kuban Became the Leader among Russian Regions by the Number of Space Names] (2015). *Ofitsial'nyy sayt MO Temryukskiy rayon* [Official Site of the Temryuk Region]. Retrieved from <https://temryuk.ru/presscenter/news/kraevoy-turnir-poboksu-na-prizu-dmitriy-piroga/>
- Kuban' stala liderom sredi regionov Rossii po chislu kosmicheskikh nazvaniy [Kuban has Become the Leader among Russian Regions in Terms of the Number of Space Names] (2021). *Kuban' 24* [Kuban' 24]. Retrieved from <https://kuban24.tv/item/kuban-stala-liderom-sredi-regionov-rossii-po-chislu-kosmicheskikh-nazvaniy>
- Morozova Ye. V., Miroshnichenko I. V., Semenenko I. S. (2020). Razvitiye sel'skikh mestnykh soobshchestv: potentsial politiki identichnosti [Identity Policies in Rural Local Community Development in Russia]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, 56–77.
- Morozova, Ye. V., Filippov, D. Ye. (2021). Politika identichnosti na lokal'nom urovne (na primere goroda Yeyska) [Identity Policy at Local Level (The City of Yeysk Case)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 4(69), 91–97.
- Nazukina, M. V. (2017). Lokal'naya identichnost' [Local identity]. In I. S. Semenenko (Eds) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic ed.] (pp. 512–516). Moskva: Izd-vo Ves' Mir.
- Nazukina, M. V., Petrova, R. I. (2015) Lokal'nyy uroven' v matritse territorial'noy identichnosti zhitel'ey Permskogo kraya [The Local Level in The Matrix of Territorial Identity of the Perm Region's Residents]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 4(32), 127–142.

- Okunev, I. Yu. (2018). Territorial'naya i prostranstvennaya identichnost': kontseptualizatsiya bazovykh ponyatiy [Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 1. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_32562736_11713540.pdf
- Postanovleniye glavy administratsii kraya ot 15.10.2001 n 983 ob uchrezhdenii yezhegodnoy premii administratsii Krasnodarskogo kraya imeni Ye. F. Stepanovoy [Resolution of the Head of the Krasnodar Region Administration of 15.10.2001 n 983 on the establishment of the annual award named after E. F. Stepanova by the Krasnodar Region Administration]. Retrieved from <http://legal-krasnodar.narod.ru/data05/tex18888.htm>
- Prokhorenko, I. L. (2011). Territorial'naya identichnost' [Territorial Identity]. In *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti* [Political Identity and Identity Policy] (pp. 135–140). Moskva: Politicheskaya entsiklopediya.
- Sagitova, L. V. (2019). *Politika identichnosti i yeye aktory v usloviyakh sotsial'noy transformatsii v Respublike Tatarstan* (Doctoral Dissertation) [Identity politics and its Actors under Conditions of Social Transformation in the Republic of Tatarstan]. Kaliningrad.
- Samarkina, I. V., Bashmakov, I. S. (2021). Lokal'naya identichnost' gorodskoy molodezhi: osnovnyye komponenty i mesto v sisteme sotsial'nykh identichnostey (na materialakh empiricheskogo issledovaniya gorodskoy molodezhi Krasnodarskogo kraya) [Key Identity Features of Urban Youth: The Case of Krasnodar Krai]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 1, 159–171.
- Sayt Munitsipal'nogo kazennogo uchrezhdeniya kul'tury "Memorial'nyy muzey Yu. V. Kondratyuka (A. I. Shargey)" munitsipal'nogo obrazovaniya Krylovskiy rayon [Website of the Municipal Culture Institution "Memorial Museum of Yu. Kondratyuk (A. I. Shargey)" of Krylovsky District Municipality]. Retrieved from [https://xn--80aakdjnhclok0a1ae9o.xn -- p1ai/item/318199](https://xn--80aakdjnhclok0a1ae9o.xn--p1ai/item/318199)
- Spornyye imena Rossii [Russia's Controversial Names] (2018). *Kommersant* [Kommersant]. Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3821047>
- Ukaz ot 11 sentyabrya 1957 goda "Ob uporyadochenii dela prisvoyeniya imen gosudarstvennykh i obshchestvennykh deyateley administrativno-territorial'nykh yedinitam, naseleennykh punktam, predpriyatiyam, uchrezhdeniyam, organizatsiyam i drugim ob'yektam" [Decree of September 11, 1957 "On Regulating of the Naming of state and Public Figures in Administrative-territorial Units, Settlements, Enterprises, Institutions, Organizations and Other Objects"]. Retrieved from http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5220.htm
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.05.2019 № 246 "O prisvoyenii aeroportam imen lits, imeyushchikh osobyye zaslugi pered Otechestvom" [Presidential Decree No. 246 of 31.05.2019 "On Naming Airports after Persons Who Have Rendered Special Services to the Fatherland"] Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905310002?index=0&rangeSize=1>
- V Krasnodare vyyavili luchshikh tennisistov sredi veteranov sporta [The City of Krasnodar has Identified the Best Tennis Players among Veterans of sports] (2021). *Sayt Ministerstva fizicheskoy kul'tury i sporta Krasnodarskogo kraya* [Website of the Ministry of Physical Culture and Sports of the Krasnodar Territory]. Retrieved from <https://kubansport.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/161088>
- Vail, P. (2006). *Geniy mesta* [The Genius of the Place]. Moskva: Astrel'.
- Vakhrin, S. I. (2020). *Biografii kubanskikh nazvaniy* [Biographies of Kuban Names]. Stavropol': izdatel'stvo "Dizayn-studii B".
- Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR [Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR] (1958). 2. Retrieved from <https://vedomosti.rsfsr.su/>
- Vybor "Velikikh imen Rossii" prines porazitel'nyye rezul'taty [Selecting Russia's Great Names has Yielded Startling Results]. *Delovaya gazeta "Vzglyad"* [Business Newspaper "Vzglyad"]. Retrieved from <https://vz.ru/society/2018/12/4/953735.html>

Yevstifeyev, R. V. (2016). Lokal'naya identichnost': simvolicheskaya politika i nesimvolicheskiye praktiki [Local Communities in Search of Local Identity: Symbolic Politics and Non-Symbolic Practice]. *Filosofskiye Nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 1, 88–95.

Yevstifeyev, R. V. (2017). Issledovaniya lokal'nykh identichnostey: teoreticheskiye podkhody i perspektivnyye napravleniya. Nauchnyy rezul'tat [Research of Local Identities: Theoretical Approaches and Perspective Directions]. *Sotsiologiya i upravleniye* [Research Result. Sociology and Management], 2, 3–9.

Received 20.02.2022

Accepted 26.03.2022

For citation: Rusiya N. T. Personalist Images in Identity Politics at The Local Level.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 81-95.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

АКТИВИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЙ И РЕГУЛЯТОРНОЙ СФЕР ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО ЖИЗНЕННОГО КРИЗИСА

Б. А. Ясько, Н. В. Омельченко, Е. С. Бабичкова

Ясько Бэла Аслановна

Эл. почта: shabela@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6847-112X.

Омельченко Наталья Владимировна

Эл. почта: psinv@mail.ru. ORCID 0000-0003-0086-3327.

Бабичкова Екатерина Сергеевна

Эл. почта: katya_babichkova@mail.ru. ORCID 0000-0001-9350-8871.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.

Аннотация. Рассматриваются психологические предикторы активизации регуляторной и эмоционально-ценностной сфер личности в затрудненных условиях жизнедеятельности, детерминированных вызовами глобального системного кризиса, в котором непредсказуемо продолжительно ограничиваются возможности самореализации личности в основных аспектах бытия. Проведена диагностика психических состояний, совладающего поведения, ценностной сферы, жизнестойкости, процессов произвольной саморегуляции. Совокупную выборку (112 респондентов) составили субъекты двух видов деятельности: пилоты гражданской авиации, студенты старших курсов и магистранты. По данным диагностики состояний тревожности и депрессии выборка была разделена на две группы: «устойчивые» (85 чел.; 75,9%) и «неравносесные» (27 чел.; 24,1%). Детализация профессионально-демографического состава первой группы показала, что в ней преобладают лица мужского пола (66,2%), а по ведущей деятельности — субъекты технической профессии (62,4%). Сохранение психической устойчивости в затрудненных условиях жизнедеятельности обеспечивается активной ролью развитых ресурсов экзистенциально-ценностной сферы и саморегуляции, что подтверждено выделенными нагрузками в пяти факторах: активизации регуляторной, экзистенциально-ресурсной сфер (1); активизации ценностной, экзистенциально-ресурсной сфер (2); экзистенциально-когнитивного совладания (3); взаимовлияния ценностной сферы и равновесных психических состояний (4); положительной переоценки (5). Эмоционально-ценностная и регуляторная сферы личности, подверженной неравновесным психическим состояниям, в равных пропорциях представлена лицами мужского и женского пола. Этим состояниям более подвержены субъекты учебно-профессиональной деятельности — студенты и магистранты. В данных факторного анализа наиболее выраженная нагрузка установлена в трех факторах. Первый указывает на предикторную роль сниженных ресурсов жизнестойкости (фактор «эмоционально активизируемая сниженная жизнестойкость»). Второй фактор отражает дефицит конструктивных копинг-стратегий принятия ответственности, планирования решения проблемы и пониженные ресурсы саморегуляции («фактор дефицита конструктивных копинг-стратегий и регуляторных процессов»). Низкий уровень сформированности механизма программирования, регуляторной гибкости, связанных с эгоцентрическими ценностями личности («стимуляция», «гедонизм»), составляет основу фактора 3 — «фактор недостаточных навыков программирования действий, регуляторной гибкости». Таким образом, при неустойчивом психическом ответе личности на переживаемые кризисные явления роль триггера в противодействии трудностям выполняют преимущественно ресурсы эмоциональной сферы. Делается вывод о возможности рассматривать результаты проведенного анализа для определения маршрутов оказания психологической консультативной поддержки личности в затрудненных системным кризисом условиях жизнедеятельности.

Ключевые слова: личность, глобальный кризис, затрудненные условия жизнедеятельности, психические состояния, копинг-стратегии, нормативные ценности, жизнестойкость, саморегуляция.

Обзор проблемы психологических предикторов сохранения устойчивости личности в условиях глобального кризиса

2020-е гг. ознаменовались небывалым для исторической памяти нынешнего поколения глобальным кризисом, пути выхода из которого предстоит искать ученым и практикам всех направлений и школ в науках о человеке. Не может оставаться в стороне от этого мейнстрима психология, с точки зрения на содержание событий которой отмечается по меньшей мере две базовые характеристики. Первая — это охват больших популяционных сегментов и разных аспектов жизнедеятельности. Вторая — перманентная стрессогенность, выступающая предиктором продолжительных неравновесных психических состояний, переживаемых субъектами. Вследствие глобального кризиса складываются затрудненные условия жизнедеятельности (ЗУЖ). В отличие от трудных жизненных ситуаций — явлений индивидуальных или узкогрупповых (Битюцкая, 2020; Осухова, 2012), ЗУЖ надситуативны, охватывают все новые популяционные сегменты, подвергают людей беспокойству и тревоге за собственную жизнь и жизнь близких, за перспективы профессионального пути, ограничивая или в корне меняя социальную активность (Ясько, Покуль, Бабичкова, 2021). В затрудненных условиях жизнедеятельности в образе мира человека отражаются вызовы глобального экзистенциального кризиса, в котором непредсказуемо продолжительно личность переживает ограничения субъектной активности, самореализации в личностном, средовом и социально-психологическом пространствах (Ясько, Покуль, Бабичкова, 2021).

Несмотря на глобальный вид кризиса, для каждого человека он индивидуален, затрагивает экзистенциальный стержень бытия, т.е. является «смысложизненным» кризисом (Франкл, 1990). Он вторгается в жизнь человека и нарушает ее гомогенность, делая невозможным продолжение прежнего способа ее осуществления (Карпинский, 2008). Этот кризис не только разрушает прежнюю структуру индивидуальной жизнедеятельности, но и внутренне трансформирует саму личность, обуславливает необходимость переосмысления жизни переработкой ценностно-смыслового опыта личности (Карпинский, 2008, с. 14). Условия жизнедеятельности затруднены, а их общая особенность — неравновесность, непредсказуемая смена при сохранении отрицательной модальности. В неравновесных ситуациях разрывается привычная система отношений, утрачиваются значимые ценности, доминируют опасения за здоровье и жизнь близких людей (Прохоров, 2009). Осознание личностью глобального масштаба кризиса, его непредсказуемой продолжительности обуславливает пересечение краткосрочных состояний высокого энергетического уровня с длительно переживаемыми состояниями сниженного энергетического уровня. На этом пересечении возникают риски блокировки активностей механизмов адаптации и саморегуляции — целостной системы «выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности» (Моросанова, Аронова, 2007, с. 7). Эта система реализуется психологическими механизмами, среди которых особое место занимают когнитивные процессы планирования, моделирования значимых условий, программирования действий, оценивания и коррекции результатов (Моросанова, 2004). Развитая произвольная саморегуляция способствует развитию способности управлять собой, «направлять свое поведение в соответствии с требованиями жизни...» (Моросанова, 2004, с. 6).

Д. А. Леонтьев (2021), И. В. Ярощук (2020), опираясь на работы С. Кабаса (Kobasa, 2011), С. Мадди (Maddi, 2004, 2006), убеждены, что главным ресурсом сохранения

устойчивости в кризисных условиях бытия является жизнестойкость. Она удерживает человека от дезориентации, отрицательных эмоций, конструктивно ориентирует на пути преодоления затруднений и угроз в переживаемый период — жизни на фоне малой и большой смерти (Леонтьев, 2021).

Жизнь в условиях перманентной стрессогенности вызывает чувство «негативного расхождения» между актуальным и желаемым (Edwards, 1988), а активизация механизмов когнитивного оценивания позволяет установить соотношение между требованиями ситуации и возможностями ее преодоления. В концепции Р. Лазаруса (Lazarus, 1984), оценивая события, составляющие кризис, человек определяет, какие угрозы, потери и вызовы они несут (Threat, Loos, Challenge Appraisals). Результат этого когнитивного процесса оказывает влияние на форму проявления стресса, интенсивность и содержание последующей реакции.

Представленный обзор показывает: эвристичность поиска специфики активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности в условиях системного жизненного кризиса может обеспечиваться интеграцией методологий субъектной, субъектно-деятельностной, экзистенциальной концепций в психологии личности.

Актуальность и цель исследования

Высокая востребованность исследований, посвященных анализу глобального кризиса, несущего в себе *VUCA*-вызовы нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности событий и явлений, обуславливает научную и практическую целесообразность выделения психологических предикторов сохранения устойчивости личности в затрудненных условиях жизнедеятельности. Объектом анализа выступают высшие подструктуры личности, интегрирующие эмоционально-ценностную и регуляторную сферы посредством свойств жизнестойкости, копинг-ресурсов, нормативных ценностей, процессов саморегуляции.

Предметом проведенного исследования выделены регуляторная и эмоционально-ценностная сферы личности, активизируемые в условиях системного жизненного кризиса. В соответствии с предметом определена цель исследования. Она состояла в поиске психологических предикторов активизации регуляторной и эмоционально-ценностной сфер личности в затрудненных условиях жизнедеятельности, детерминированных вызовами глобального системного кризиса, в котором непредсказуемо продолжительно ограничиваются возможности самореализации личности в основных аспектах бытия (личностном, средовом, социально-психологическом).

Организация исследования

В основу исследования положены данные, полученные на выборке из 112 респондентов, представляющих разные социально-популяционные сегменты: 58 чел. — профессиональные пилоты гражданской авиации; 54 чел. — студенты старших курсов и магистранты Кубанского госуниверситета. По полу выборка представлена 68,8% мужчин (77 чел.) и 31,2% женщин (35 чел.). Исследования проведены в период пандемии новой коронавирусной инфекции «Ковид-19», рассматриваемый нами как период затрудненных условий жизнедеятельности (февраль 2020 — февраль 2022 г.).

В соответствии с предметом и целью исследования определен пакет психодиагностических инструментов, включавших 5 методик опросного и бланчного ти-

пов. Эмоционально-ценностная сфера анализировалась посредством диагностики психических состояний тревожности и депрессии (опросник «ТиД» Ч. Спилбергера), Копинг-теста Лазаруса; методики «Опросник ценностей» Ш. Шварца; Теста жизнестойкости (Д. Леонтьев, Е. Рассказова). Процессы саморегуляции рассматривались по данным диагностики с применением опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой.

Обработка данных по методике «ТиД» проводилась путем расчета алгебраической суммы диагностических коэффициентов по каждой шкале («кт»; «кд»). Сумма коэффициентов более +1,28 свидетельствует о хорошем психическом состоянии; сумма меньше –1,28 говорит о выраженной психической напряженности, тревожности, депрессии. Значения коэффициентов от –1,28 до +1,28 интерпретируются как промежуточные (неопределенные) данные (Практикум..., 2004, с. 134–138).

Копинг-тест (Водопьянова, с. 235–239) основан на концепции психологического стресса Р. Лазаруса. Рассматриваются восемь стратегий совладания, которые различаются по психологической этиологии. Несколько стратегий обуславливаются преобладанием эмоционального ответа на стресс-фактор (например, конфронтация; бегство/избегание); некоторые являются результатом рефлексивной реакции, при этом могут быть содержательно-конструктивными с ориентацией на силу собственного Я (например, планирование решения проблемы; дистанцирование; самоконтроль) или малопродуктивными, ориентированными на внешнюю поддержку, логику развития события (например, поиск социальной поддержки; принятие ответственности; положительная переоценка). Поскольку шкалы опросника содержат разное количество утверждений, при обработке данных применялись два способа расчета. Для выявления профиля копинг-ресурсов «сырые» баллы переводились в относительный показатель. При этом учитывалось, что показатель ниже 40,0% может интерпретироваться как дефицитный копинг, а выше 60,0% — как гиперактивная, высокоресурсная стратегия совладания (Водопьянова, с. 235–239). При включении данных в массив для статистической обработки рассчитывались индивидуальные средние показатели по каждой шкале. Минимальная оценка — 0 баллов, максимальная — 3 балла.

В основе методики «Опросник ценностей» (Карандашев, с. 53–63) лежит концепция Ш. Шварца о мотивационной роли ценностных ориентации и универсальности базовых человеческих ценностей (Карандашев, с. 26). Обзор ценностей включает десять мотивационно отличающихся типов ценностей: конформность (*Conformity*); традиции (*Tradition*); доброта (*Benevolence*); универсализм (*Universalism*); самостоятельность (*Self-Direction*); стимуляция (*Stimulation*); гедонизм (*Hedonism*); достижения (*Achievement*); власть (*Power*); безопасность (*Security*). Обработка проводится отдельно для каждого из 10 типов ценностных ориентаций путем расчета среднего балла, величина которого по отношению к другим позволяет судить о степени значимости этого типа ценностей для испытуемого или для исследуемой группы. Каждому типу ценностей присваивается ранг от 1 до 10. Первый ранг дается типу ценностей, имеющему наиболее высокий средний балл, десятый — имеющему самый низкий средний балл. Ранги от 1 до 3 характеризуют высокую значимость включенных ценностей для испытуемого(ых). Ранги от 7 до 10 свидетельствуют о низкой значимости соответствующих ценностей.

Тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006) основан на экзистенциальной концепции преодоления стресса (Kobasa, 2011; Maddi, 2006). Он включает в виде

Таблица 1. Показатели измерений состояний тревожности и депрессии

Table 1. Anxiety and Depression Measurement Indicators

Состояние	N (112 чел.)	n ₁ (85 чел.)	n ₂ (27 чел.)
Тревожность (Мкт)	4,47 ± 3,71	6,1 ± 2,00	0,92 ± 2,56
Депрессия (Мкд)	3,78 ± 3,24	5,3 ± 1,69	-1,1 ± 1,77

шкалы основные компоненты жизнестойкости: вовлеченность; контроль; принятие риска. Рассчитывается также интегральный показатель жизнестойкости. Поскольку количество утверждений, отнесенных к каждой шкале, различно, производился расчет средних оценок. При интерпретации полученных результатов ориентировались на максимальное расчетное значение — 3 балла.

Регуляторная сфера участников исследования рассматривалась с применением методики «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова, 2004), которая позволяет диагностировать уровень развития основных регуляторных процессов (планирование, программирование, моделирование, оценивание результатов), а также общий уровень саморегуляции. Опросник включает две дополнительные шкалы, определяющие взаимосвязь компонентов профиля саморегуляции с личностными качествами «гибкость» и «самостоятельность». Автор методики предлагает различать два вида профилей сочетания регуляторных процессов: гармоничный и акцентированный. Гармоничный профиль отражает одинаковый уровень сформированности и, соответственно, активности регуляторных процессов (высокий, средний или сниженный). Акцентированным является профиль, в котором преобладают один или два-три процесса, а другие представлены низкими показателями.

Обработка данных проводилась в среде Microsoft Exel и в программе SPSS-26. Применены методы параметрической, непараметрической и многомерной статистики.

Результаты

Из приведенных данных (табл. 1) можем констатировать, что, несмотря на положительные средние показатели коэффициентов, индексирующих уровни состояний тревожности и депрессии в целом по выборке, отмечается значительная дисперсия индивидуальных значений (Мкт = 4,47 ± 3,71; Мкд = 3,78 ± 3,24).

Сортировка данных показала, что 75,9% испытуемых (85 чел.) реагируют на затрудненные условия жизнедеятельности устойчивыми (равновесными) состояниями, не испытывают повышенной тревожности или депрессивности (Мкт = 6,1 ± 2,00; Мкд = 5,3 ± 1,69). Однако 24,1% опрошенных (27 чел.) обнаружили неравновесные состояния, что отражено в средних значениях коэффициентов: Мкт = 0,92 ± 2,56; Мкд = -1,1 ± 1,77). Полученный результат дает основание для проведения дальнейшего анализа дифференцировать выборку по уровням устойчивости психических состояний на две подгруппы: n₁ (85 чел.) и n₂ (27 чел.).

Как видно из данных, приведенных в описательной статистике (табл. 2), в подавляющем большинстве сравнений имеют место статистически значимые различия (0,001 > p < 0,05).

Рассмотрим полученные результаты в подгруппах последовательно: показатели эмоционально-ценностной и показатели регуляторной сфер.

Таблица 2. Описательная статистика ($M \pm SD$; t) результатов диагностики дифференцировано в подгруппах n_1 и n_2

Table 2. Descriptive statistics ($M \pm SD$; t) of diagnostic results differentiated in n_1 and n_2 subgroups

Показатель	$M \pm SD$		t
	n_1 (85 чел.)	n_2 (27 чел.)	
Тревожность (Мкт)	6,1 ± 2,00	0,92 ± 2,56	13,01***
Депрессия (Мкд)	5,3 ± 1,69	-1,1 ± 1,77	16,65***
Жизнестойкость			
Жизнестойкость	110,7 ± 12,74	87,6 ± 11,95	8,59***
Вовлеченность	47,3 ± 5,31	37,9 ± 5,91	7,42***
Контроль	40,6 ± 5,19	31,9 ± 4,17	8,91***
Принятие риска	22,7 ± 3,49	17,7 ± 4,13	5,72***
Копинг-стратегии			
Конфронтация	6,8 ± 2,08	11,2 ± 2,50	-8,22***
Дистанцирование	11,7 ± 2,15	6,26 ± 2,09	11,63***
Самоконтроль	13,7 ± 2,66	7,0 ± 2,50	11,82***
Поиск социальной поддержки	9,9 ± 2,49	13,2 ± 2,27	-6,40***
Принятие ответственности	6,3 ± 1,66	5,4 ± 1,87	2,20*
Бегство / избегание	7,1 ± 2,63	14,7 ± 2,49	-13,69***
Планирование решения проблемы	14,3 ± 2,20	6,4 ± 2,31	15,48***
Положительная переоценка	11,9 ± 2,82	9,96 ± 2,10	3,90**
Ценности			
Конформность	5,14 ± 1,10	3,89 ± 0,90	5,97***
Традиции	3,68 ± 1,18	3,43 ± 1,08	1,00
Доброта	5,12 ± 0,94	3,37 ± 1,33	6,33***
Универсализм	4,33 ± 1,17	4,50 ± 1,18	-0,65
Самостоятельность	4,59 ± 0,93	4,95 ± 0,71	-2,10*
Стимуляция	3,48 ± 1,32	4,72 ± 1,28	-4,37***
Гедонизм	4,03 ± 1,47	3,80 ± 1,73	0,61
Достижения	4,48 ± 1,04	5,06 ± 1,06	-2,47*
Власть	3,38 ± 1,33	3,44 ± 1,24	-0,22
Безопасность	5,25 ± 1,10	3,44 ± 1,17	7,35***
Произвольная саморегуляция			
Самостоятельность	3,7 ± 2,02	3,5 ± 1,72	0,35
Оценивание результатов	6,6 ± 1,55	4,6 ± 1,05	7,47***
Гибкость	6,5 ± 1,86	4,9 ± 1,98	3,77**
Планирование	6,4 ± 1,89	4,6 ± 1,50	5,08***
Моделирование	7,0 ± 1,86	5,07 ± 0,92	7,23***
Программирование	6,6 ± 1,74	3,9 ± 1,41	8,01***
Общий уровень саморегуляции	33,7 ± 7,80	25,7 ± 3,93	7,08***

Примечания: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; «***» — $p < 0,001$. Полужирным шрифтом выделены показатели, достоверно преобладающие в сравнениях.

Показатели эмоционально-ценностной сферы в подгруппах

В среде эмоционально устойчивых респондентов высокую активность имеет когнитивно детерминированная копинг-стратегия планирования решения проблемы (уровень выраженности 79,2% от максимального), которая органично сочетается с умением дистанцироваться от стресс-факторов (64,8%) и контролировать собственное поведение (копинг «самоконтроль» 65,1%).

Неустойчивость эмоциональной сферы у респондентов второй группы сочетается с преобладанием активности поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации (73,3%), ухода (избегания) ситуации (61,4%) или стремлением предпринимать агрессивные усилия по преодолению стресс-фактора(ов) (конфронтация 62,1%) (рис. 1).

Не менее очевидны различия между группами в зрелости жизнестойкости. В первой группе по всем показателям жизнестойкость как интегральное качество личности, способствующее успешному совладанию со стрессом, предупреждению или снижению внутреннего напряжения, сформирована на достаточно высоком уровне: среднегрупповые показатели по всем компонентам данного конструкта находятся в диапазоне от 76,0 до 88,0% от максимальных значений. У респондентов второй подгруппы показатели менее выражены, хотя не пересекают границу уровня низких значений. При этом с очевидностью констатируется преобладающая активность компонента «вовлеченность» (70,1%), отражающего стремление субъекта быть активно включенным в деятельность (рис. 1).

Ранжирование ценностей в каждой группе показало, что для личности, устойчиво преодолевающей затрудненные условия жизнедеятельности, приоритетными являются ценности безопасности, конформности и доброты. Не рассматриваются как значимые ценности традиций, стимуляции и власти (занимают последние ранги). У респондентов второй группы первостепенную значимость имеют ценности жизненных достижений, самостоятельности и стимуляции, а ценности власти, безопасности, традиций и доброты поделили в равной мере последние ранги.

Корреляционный анализ позволил вскрыть устойчивые связи между активизируемыми эмоционально-ценностными аспектами личностной сферы в затрудненных условиях жизнедеятельности.

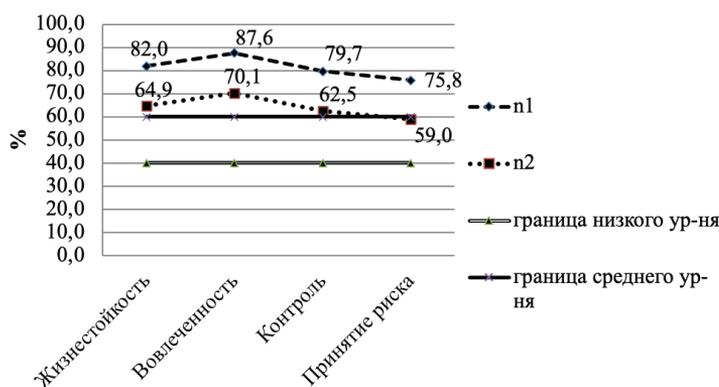


Рис. 1. Сравнение уровней сформированности жизнестойкости в исследуемых группах

Fig.1 Comparison of the levels of resilience availability in the studied groups

Таблица 3. Корреляционная матрица® активизируемых эмоционально-ценностных аспектов личностной сферы в подгруппе n_1

Table 3. Correlation matrix® of activated emotional-value aspects of the personality sphere in the n_1 subgroup

??	Ж	В	К	ПрР	Дист	Смк	Плн	Конф	Добр	Без
Т	-0,03	-0,06	-0,02	0,01	0,01	-0,28	-0,01	-0,07	0,11	-0,06
Д	0,27*	0,30*	0,21^	0,22^	0,03	-0,18	0,16	-0,01	0,19	0,12
Ж					-0,01	0,20	0,49*	0,49*	0,39*	0,38*
В					0,02	0,19	0,47*	0,41*	0,37*	0,38*
К					-0,02	0,13	0,39*	0,53**	0,39*	0,38*
ПрР					-0,04	0,25^	0,50**	0,40*	0,27^	0,26^
Дист								-0,08	0,015	-0,03
Смк								0,23^	0,06	0,14
Плн								0,31*	0,13	0,11
Конф										
Добр										
Без										

Примечания: сила взаимосвязей «^» — слабая; «*» — умеренная; «**» — средняя

Т — тревожность

Дист — дистанцирование

Д — депрессия

Смк — самоконтроль

Ж — жизнестойкость

Плн — планирование

В — вовлеченность

Конф — конформность

К — контроль

Добр — доброта

ПрР — принятие риска

Без — безопасность

В группе испытуемых, демонстрирующих устойчивые психические состояния, установлены разнообразные по силе (средние, умеренные и слабые) корреляционные связи между большинством активных психологических свойств эмоционально-ценностной сферы (табл. 3).

Жизнестойкость и ее компоненты (вовлеченность, контроль, принятие риска) связаны с устойчивостью личности к депрессии ($r = 0,27$). Способности сохранять внутреннюю сбалансированность, фокусируемые в конструкте жизнестойкости, положительно коррелируют с активным копинг-ресурсом планирования ($r = 0,49$; $0,41$; $0,53$; $0,40$), а также с приоритетными жизненными ценностями конформности ($r = 0,49$), доброты ($r = 0,39$), безопасности ($r = 0,38$).

В группе испытуемых, обнаруживших склонность к неравновесным состояниям в виде повышенной тревожности и депрессивности, установлены разнообразные по силе (средние, умеренные и слабые) корреляционные связи между большинством активных проявлений эмоционально-ценностной сферы (табл. 4).

В представленных показателях видно, что наиболее выраженное влияние на поведение субъекта в период затрудненных условий жизнедеятельности оказывают взаимосвязи малопродуктивных стратегий совладания с тревожностью и депрессией, сниженной жизнестойкостью. Существенным аспектом является не только разнообразие по силе корреляционных связей, но и их преимущественно

Таблица 4. Корреляционная матрица® активизируемых эмоционально-ценностных аспектов личностной сферы в подгруппе n₂

Table 4. Correlation matrix® of activated emotional-value aspects of the personality sphere in the n₂ subgroup

	Ж	В	К	ПрР	Конфр	Псп	Б/и	Смст	Стим	Дост
Т	0,18	0,13	0,58**	0,28^	-,64**	-0,08	-,53**	-0,13	-0,47*	-0,41*
Д	0,03	0,07	0,35*	0,12	-0,42*	-0,14	-0,41*	-0,06	-0,51**	-0,41*
Ж					-0,25^	-0,37*	-0,13	0,35*	-0,04	0,20
В					-0,27^	-0,30*	-0,31*	0,25^	-0,05	0,07
К					-0,39*	-0,03	-,22^	-0,02	-0,02	0,01
ПрР					-0,3*	-0,45*	-0,09	0,30*	-0,13	0,18
Конфр								0,04	0,04	0,28^
Псп								0,11	0,37*	-0,10
Б/и								0,00	0,54**	0,15
Смст										
Стим										
Дост										

Примечания: сила взаимосвязей «^» — слабая; «*» — умеренная; «**» — средняя.

Т — тревожность	Конфр — конфронтация
Д — депрессия	Псп — поиск социальной поддержки
Ж — жизнестойкость	Б/и — бегство / избегание
В — вовлеченность	Смст — самостоятельность
К — контроль	Стим — стимуляция
ПрР — принятие риска	Дост — достижения

отрицательная направленность. С активностью конфронтативного копинга связано нарастание тревоги ($r = -0,64$), депрессии ($r = -0,42$), снижение жизнестойкости ($r = -0,25$), вовлеченности ($r = -0,27$), контроля ($r = -0,39$), принятия риска ($r = -0,30$).

Значимость ценностей стимуляции и достижений также тесно связана с переживанием неравновесных состояний и малопродуктивными стратегиями совладания. Активность потребности в разнообразии и глубоких переживаниях (ценность «стимуляция») отрицательно связана с противодействием тревожности и депрессии ($r = -0,47$ и $-0,51$) и положительно коррелирует с ориентацией в совладающем поведении на поиск социальной поддержки ($r = 0,37$), бегство/избегание ($r = 0,54$). Преобладание ценности личного успеха, достижений также отрицательно взаимодействует с тревожностью и депрессией ($r = -0,41$ и $-0,41$), при этом находится во взаимовлиянии с агрессивными усилиями, применяемыми для преодоления трудных жизненных ситуаций (копинг «конфронтация» $r = 0,28$).

Показатели регуляторной сферы в подгруппах

Анализ основных регуляторных процессов и общего уровня саморегуляции показал различия как в уровнях сформированности, так и в конфигурации профилей саморегуляции, наглядно демонстрирующих степень активности каждого процесса.

Таблица 5. Описательная статистика ($M \pm SD$; t) результатов диагностики регуляторных процессов в исследуемых группах

Table 5. Descriptive statistics ($M \pm SD$; t) of the diagnostic results of regulatory processes in the studied groups

	Г	С	Ор	Пл	М	Пр	ОУ
n_1	$6,6 \pm 1,86$	$3,66 \pm 2,02$	$6,6 \pm 1,5$	$6,4 \pm 1,9$	$7,0 \pm 1,9$	$6,6 \pm 1,7$	$33,7 \pm 7,8$
n_2	$4,9 \pm 1,98$	$3,52 \pm 1,72$	$4,59 \pm 1,05$	$4,63 \pm 1,50$	$5,07 \pm 0,92$	$3,93 \pm 1,41$	$25,7 \pm 3,93$
t	3,77	0,35	7,47	5,08	7,23	8,01	7,08
p	< 0,001	> 0,05	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001	< 0,001

Примечания: Г – гибкость
 С – самостоятельность
 Ор – оценивание результатов
 Пл – планирование
 М – моделирование
 Пр – программирование
 ОУ – общий уровень саморегуляции

В группе с устойчивыми психическими состояниями диагностируется гармоничный профиль высокого уровня. Для субъектов с неравновесными состояниями тревоги и депрессии характерен акцентированный тип профиля, в котором на среднем уровне находятся оценивание результатов ($M = 4,6$), планирование ($M = 4,6$), моделирование ($M = 5,1$), но снижены показатели механизма программирования ($M = 3,9$) (рис. 2).

В данных описательной статистики (табл. 5) видно, что по шести из семи сравниваемых переменных имеют место статистически значимые различия, в которых подтверждается превышение данных измерений в первой группе.

Учитывая объем и разнообразие корреляционных связей, полученных в данных по обеим группам, а также выраженные различия в активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер, на следующем этапе исследования была поставлена задача: установить факторное взаимодействие между рассматриваемыми переменными.

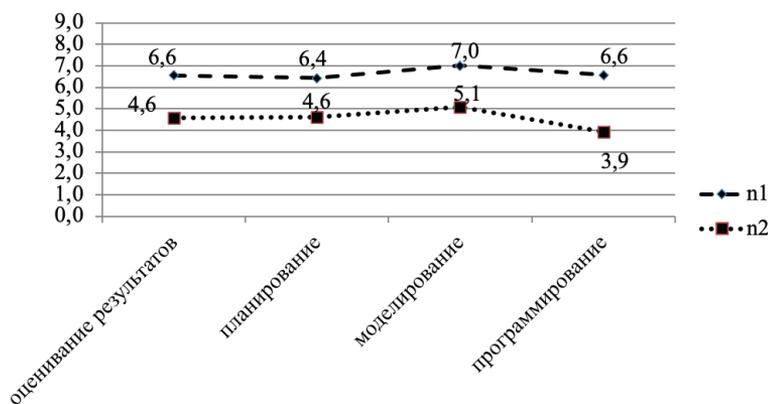


Рис. 2. Сравнение профилей произвольной саморегуляции в исследуемых группах

Fig. 2. Comparison of the profiles of voluntary self-regulation in the studied groups

Факторы активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер в группе n_1

Методом варимакс-вращения выделены пять основных факторов, кумулирующих 69,5% объясненной дисперсии, что считается приемлемым результатом (рис. 3).

Фактор 1 имеет наибольший вес (информативность 21,6%). Он определяется высокой факторной нагрузкой общего уровня саморегуляции (0,941), регуляторных процессов (оценивание результатов — 0,713; планирование — 0,748; моделирование — 0,788; программирование — 0,829), регуляторной гибкостью (0,773). Фактор включает на втором уровне выраженности жизнестойкость (0,437) и ее компоненты (вовлеченность — 0,431; контроль — 0,423; принятие риска — 0,310). Таким образом, первый фактор может быть идентифицирован как фактор активации регуляторной, экзистенциально-ресурсной сфер.

Фактор 2 (информативность 16,7%) определяется высокой факторной нагрузкой ценностей, преобладающих в этой среде респондентов (конформность — 0,817; безопасность — 0,723). С ними связаны положительно ценности универсализма (0,675), доброты (0,645), традиций (0,613). Эти свойства объединяются с жизнестойкостью (0,376), вовлеченностью (0,329) и контролем жизни (0,435). Установленное сочетание переменных дает основание определить этот фактор как фактор активации ценностной, экзистенциально-ресурсной сфер.

Фактор 3 (12,4% объясненной дисперсии) образован жизнестойкостью (0,762) и ее компонентами (вовлеченность — 0,722; контроль — 0,625; принятие риска — 0,740), которые связаны с конструктивным копинг-ресурсом планирования решения проблемы (0,518). Такое сочетание позволяет назвать третий фактор как фактор экзистенциально-когнитивного совладания.

Фактор 4 (информативность 10,3%) показывает взаимовлияние нормативных ценностей низких рангов в индивидуальной иерархии и показателей тревожности

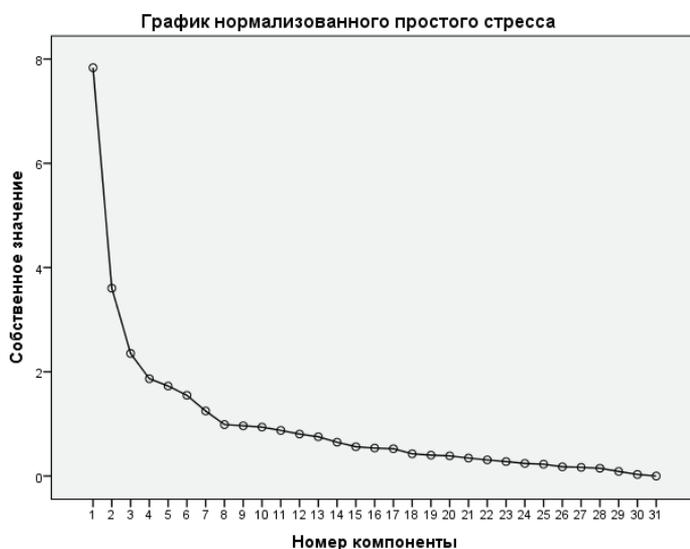


Рис. 3. График собственных значений факторного анализа переменных по группе n_1

Fig. 3 Graph of the eigenvalues of the factor analysis of variables in group n_1

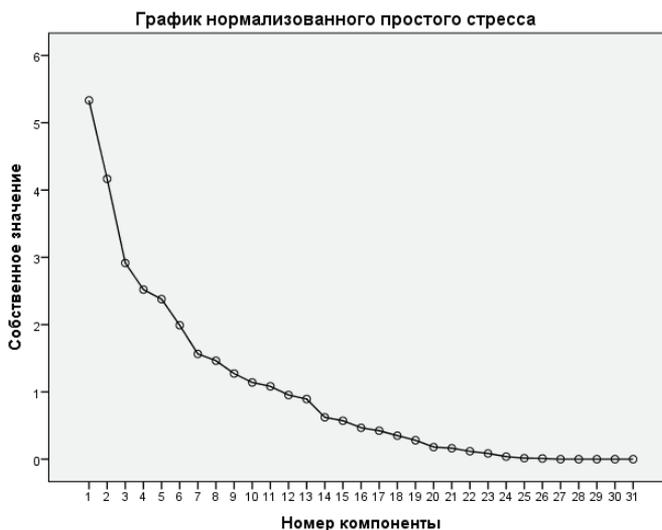


Рис. 4. График собственных значений факторного анализа переменных по группе n_2

Fig.4. Graph of the eigenvalues of the factor analysis of variables in group n_2

и депрессии, характеризующих отсутствие у респондентов этой группы неравновесных состояний (диапазон коэффициентов корреляции 0,648–0,434). Можно назвать эти взаимосвязи фактором взаимовлияния ценностной сферы и равновесных психических состояний.

Фактор 5 (8,5% объясненной дисперсии) следует определить как фактор копинг-ресурса положительной переоценки. В нем значимую роль играют малокопструктивные копинг-стратегии при фактор-образующей роли копинга «положительная переоценка» (0,661). Копинг-ресурсы находятся в отрицательном взаимодействии с показателями тревожности (–0,566) и депрессии (–0,328).

Факторы активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер в группе n_2

Учитывая немногочисленность второй группы (27 чел.), были рассмотрены три фактора (57,3% объясненной дисперсии), выделенные в результате варимакс-вращения переменных, зафиксированных в данной выборке (рис. 4).

Фактор 1 (информативность 21,6%) определяется высокой факторной нагрузкой сниженных показателей жизнеспособности (0,753) и ее компонентов (вовлеченность – 0,685; контроль – 0,643; принятие риска – 0,723), которые взаимосвязаны положительно с неравновесным состоянием тревожности (0,616) и отрицательно с неконструктивными копинг-стратегиями «конфронтация» (–0,721) и «бегство/избегание» (–0,604). Такой набор фактор-образующих переменных позволяет определить эту совокупность свойств как фактор эмоционально активизируемой сниженной жизнестойкости.

Фактор 2 (информативность 18,6%) образован копинг-стратегиями: «самоконтроль» (0,791); «принятие ответственности» (0,501); «планирование решения проблемы» (0,514), которые связаны с отрицательным полюсом жизнестойкости (–0,526) и регуляторными процессами, три из которых, как было показано ранее, имеют

средний уровень сформированности (оценивание результатов — 0,440; планирование — 0,412; моделирование — 0,437), а один (программирование — 0,366) — сниженный. Такое устойчивое сочетание определяет название: фактор дефицита конструктивных копинг-стратегий и регуляторных процессов.

Фактор 3 (информативность 17,1%) определяется преобладанием факторной нагрузки программирования (0,685); регуляторной гибкости (0,644) и отрицательным полюсом депрессии (–0,592). Эти переменные связаны с двумя видами ценностей, одна из которых (стимуляция — 0,316) высоко значима для личностного самоопределения (3-й ранг), а вторая (гедонизм — 0,358) занимает промежуточное положение в иерархии ценностей (6-й ранг). В совокупности включенных показателей можно определить, что это фактор недостаточных навыков программирования действий и регуляторной гибкости.

Обсуждение результатов

Приведенные результаты позволяют описать феноменологию эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности, актуализируемых в условиях системного жизненного кризиса.

Важным аспектом полученных результатов является значительное преобладание в обследованной выборке лиц с устойчивыми психическими состояниями (75,9%). Детализация профессионально-демографического состава этой подгруппы (n_1) показала, что в ней преобладают лица мужского пола: 58,0% от совокупной выборки, против 17,3% женщин (при $\varphi^* = 3,35$, $p < 0,001$). По ведущей деятельности 47,3% от общей выборки в группе n_1 составили пилоты гражданской авиации, а 28,6% — студенты старших курсов и магистранты (при $\varphi^* = 1,73$, $p < 0,04$).

В данных факторного анализа определяется, что основные триггеры сохранения устойчивости личности — развитые ресурсы экзистенциально-ценностной сферы и саморегуляции. В пяти выделенных в группе n_1 факторах (активации регуляторной, экзистенциально-ресурсной сфер; активации ценностной, экзистенциально-ресурсной сфер; экзистенциально-когнитивного совладания; взаимовлияния ценностной сферы и равновесных психических состояний; копинг-ресурса положительной переоценки) констатируется, что высокий уровень сформированности жизнестойкости и ее компонентов, процессов произвольной саморегуляции; преобладание социально ориентированных ценностей конформности, доброты, безопасности, а также конструктивных ресурсов в системе стратегий совладающего поведения (планирование решения проблемы, дистанцирование, самоконтроль) являются психологической опорой сохранения психической устойчивости личности в переживаемый период.

Факторы активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер в группе с неравновесными психическими состояниями (n_2) в совокупности идентифицируют эмоционально-ценностную и регуляторную сферы респондентов как малопродуктивную. Эта группа уравновешена по полу, но по критерию ведущей деятельности в ней преобладает численность студентов и магистрантов (81,5%).

Арсенал личностных ресурсов противодействия негативным явлениям, манифестирующим затрудненные условия жизнедеятельности, составляют преимущественно эмоционально ориентированные стратегии совладающего поведения: агрессивные усилия по преодолению стресс-факторов (конфронтация), уход от проблем (бегство/избегание), а также поиск социальной поддержки в близком кругу. Актуальные эго-

центрированные жизненные ценности (стремление к достижениям, сохранению самостоятельности, стимуляции изменений в жизни) не выступают триггерами противодействия жизненным затруднениям. На первое место выходит фактор сниженной жизнестойкости, активизируемой неконструктивными эмоционально обусловленными копинг-стратегиями «конфронтация» и «бегство/избегание», которые сочетаются с состоянием переживаемой тревожности. Таким образом, основной выделенный фактор не может интерпретироваться как совокупность психологических свойств, способствующих сохранению личностной устойчивости в затрудненных условиях жизнедеятельности. Он определен как фактор эмоционально активизируемой сниженной жизнестойкости.

Содержание второго фактора показывает, что потенциально ресурсная база для успешного противодействия жизненному кризису в среде участников второй группы имеется. Это: активизация конструктивных копинг-стратегий; жизнестойкости и регуляторных процессов, которые в данной группе имеют низкие показатели сформированности. Фактор дефицита конструктивных копинг-стратегий и регуляторных процессов, по сути, показывает маршруты оказания поддерживающей психологической, организационной помощи субъектам: акценты на ценности жизнестойкости, вовлеченности в процесс жизни, ведущей деятельности; активный контроль жизни, получение опыта из сложных жизненных ситуаций; формирование когнитивно детерминированного профиля копинг-ресурсов; развитие механизмов саморегуляции. Такая интерпретация результатов, полученных в группе n_2 , подтверждается и содержанием переменных, образовавших третий фактор — недостаточных навыков программирования действий и регуляторной гибкости, депрессивного реагирования на затрудненные условия жизнедеятельности.

Выводы

Исследование, начатое нами в разгар пандемии новой коронавирусной инфекции, непредсказуемо обозначило свою актуальность и в текущий период. Нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность мира, в котором современный человек ищет пути сохранения культуры, традиций, идентичности, в проводимом исследовании обозначены как затрудненные условия жизнедеятельности. Они детерминированы вызовами глобального системного кризиса, в котором ограничиваются возможности самореализации личности в основных аспектах бытия (личностном, средовом, социально-психологическом). Результаты анализа данных, полученных на разнообразной по демографическому, профессиональному составу выборке, позволяют сделать некоторые выводы.

Сохранение устойчивости психических состояний в условиях системного жизненного кризиса имеет определенную гендерную и деятельностьную специфику. Равновесность, состоящая в сниженной тревожности, интолерантности к депрессии, более свойственна лицам мужского пола и включенным в техномический вид профессии — гражданская авиация.

Совокупность личностных качеств, выступающих предикторами устойчивости, включает высокую сформированность жизнестойкости, нормативной ценности доброты, конформности и безопасности. Ресурсами совладания со стрессами являются отрефлексированные копинг-стратегии дистанцирования, самоконтроля, планирования решения возникающих проблем. Важная особенность регулятор-

ной сферы — высокий уровень сформированности механизмов саморегуляции и регуляторной гибкости. Таким образом, сохранение психической устойчивости в затрудненных условиях жизнедеятельности обеспечивается активной ролью развитых ресурсов экзистенциально-ценностной сферы и саморегуляции, что подтверждено результатами факторного анализа. Выделены пять факторов: активации регуляторной, экзистенциально-ресурсной сфер (1); активации ценностной, экзистенциально-ресурсной сфер (2); экзистенциально-когнитивного совладания (3); взаимовлияния ценностной сферы и равновесных психических состояний (4); копинг-ресурса положительной переоценки (5).

Определена специфика эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности, подверженной неравновесным психическим состояниям в анализируемый период. Эта группа респондентов в равных пропорциях представлена лицами мужского и женского пола, в ней преобладают субъекты учебно-профессиональной деятельности — студенты и магистранты. Сниженные ресурсы жизнестойкости в сочетании с активностью малопродуктивных копинг-стратегий, акцент на эгоцентрические ценности социального престижа, самостоятельности, стимуляции при средне-низких показателях процессов саморегуляции в затрудненных условиях — все это в совокупности свидетельствует о триггерной роли эмоциональной сферы в психологическом ответе на переживаемые кризисные явления. В данных многомерной статистики обозначены три фактора, основную нагрузку в которых определяют показатели по названным ранее характеристикам. Это факторы: эмоционально активизируемой сниженной жизнестойкости (1); дефицита конструктивных копинг-стратегий и регуляторных процессов (2); недостаточных навыков программирования действий и регуляторной гибкости (3).

Полученные результаты позволили выделить главные психологические маршруты развития личностных ресурсов сохранения устойчивости в затрудненных системным кризисом условиях жизнедеятельности, что может быть принято для конкретизации содержания консультативной психологической помощи.

Библиографический список

- Битюцкая, Е. В. (2020). Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации. *Вопросы психологии*, 66(3), 116–131.
- Водопьянова, Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса*. СПб: Питер.
- Карандашев, В. Н. (2004). *Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство*. СПб.: Речь.
- Карпинский, К. В. (2008). *Опросник смыслов жизненного кризиса*: монография. Гродно: ГрГУ.
- Леонтьев, Д. А. (2020). Выражи и миражи пандемического сознания: доклад. *Психологическая газета*. Режим доступа <https://psy.su/feed/8337/>
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Смысл.
- Моросанова, В. И. (2004). *Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ)*: Руководство. Москва: Когито-Центр.
- Моросанова, В. И., Аронова, К. А. (2007). *Самосознание и саморегуляция поведения*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Осухова, Н. Г. (2012). *Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях*. Москва: Издательский центр «Академия».

- Прохоров, А. О. (2004). *Практикум по психологии состояний*. СПб: Речь.
- Прохоров, А. О. (2009). *Смысловая регуляция психических состояний*. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс.
- Ярошук, И. В. (2020). Психология жизнестойкости: обзор теоретических концепций, эмпирических исследований и методик диагностики. *Ученые записки СПбГИПСР*, 1(33), 50–60.
- Ясько, Б. А., Покуль, В. О., Бабичкова, Е. С. (2021). Личность в глобальном VUCA-вызове периода пандемии. *Южно-российский журнал социальных наук*, 22(3), 85–98.
- Edwards, J. R. (1988). The Determinants and Consequences of Coping with Stress. In C. L. Cooper, R. Payne (Eds) *Causes, Coping and Consequences of Stress at Work* (p. 233–263). Chichester: Wiley.
- Kobasa, S. C. (2011). Stressful Life Events, Personality, and Health — Inquiry into Hardiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37(1), 1–11.
- Lazarus, R. S. Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Maddi, S. R. (2006). Hardiness: The Courage to Grow from Stresses. *The Journal of Positive Psychology*, 1(3), 160–168
- Maddi, S. R. (2004). The Role of Hardiness and Religiosity in Depress and Anger. *International Journal of Existential Psychology & Psychotherapy*, 1(1), 38–49.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022

Статья принята к публикации 23.03.2022

Для цитирования: Ясько Б. А., Омельченко Н. В., Бабичкова Е. С. Активизации эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности в условиях системного жизненного кризиса. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 96–113.

ACTIVATION OF THE EMOTIONAL-VALUE AND REGULATORY SPHERES OF PERSONALITY IN CONDITIONS OF A SYSTEMIC LIFE CRISIS

B. A. Yasko, N. V. Omelchenko, C. S. Babichkova

Bela A. Yasko

E-mail: shabela@yandex.ru. ORCID 0000-0002-6847-112X.

Nataliya V. Omelchenko

E-mail: psinv@mail.ru. ORCID 0000-0003-0086-3327.

Catherine S. Babichkova

E-mail: katya_babichkova@mail.ru. ORCID 0000-0001-9350-8871.

Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia.

Abstract. We consider psychological predictors of activation of regulatory and emotional-value spheres of personality in difficult conditions of life activity, determined by the challenges of the global system crisis, which limits the possibility of self-realization of personality in the main aspects of being for an unpredictably long period of time. Diagnostics of mental states, coping behavior, value sphere, resilience, and processes of voluntary self-regulation were carried out. The total sample (112 respondents) consisted of subjects of two types of activity: civil aviation pilots senior students, and undergraduates. The detailed professional and demographic composition of the first group showed that it is dominated by males (66.2%), and by the leading activity – the subjects of technonomic professions (62.4%). According to the diagnostics of anxiety and depression, the sample was divided into two groups: “stable” (85 people; 75.9%) and “unbalanced” (27 people; 24.1%). Preservation of mental stability in difficult conditions of life activity is provided by an active role of the developed resources of existential-value sphere and self-regulation that is confirmed by the allocated loadings in five factors: activation of regulatory, existential-resource spheres (1); activation of value, existential-resource spheres (2); existential-cognitive coping (3); mutual influence of value sphere and equilibri-

um mental states (4); positive revaluation (5). The emotional-value and regulatory spheres of a personality subjected to non-equilibrium mental states are represented in equal proportions by males and females. The subjects of educational and professional activity – students and undergraduates – are more susceptible to these conditions. In the data of factor analysis, the most pronounced load was detected in three factors. The first one indicates the predictive role of reduced resilience resources (“Emotionally Activated Reduced Resilience Factor”). The second factor reflects the deficit of constructive coping strategies of taking responsibility, planning problem solving and reduced self-regulation resources (“Factor of deficit of constructive coping strategies and regulatory processes”). The low level of formation of the programming mechanism and regulatory flexibility connected with the egocentric values of the personality (“stimulation”, “hedonism”) form the basis of factor-3 – “The factor of insufficient skills of programming of actions, regulatory flexibility”. Thus, at unstable mental “answer” of a person experiencing crisis phenomena, the role of a trigger in counteracting difficulties is played mainly by resources of the emotional sphere. It is inferred that it is possible to consider the results of the analysis to determine the routes of psychological counseling support of the person in conditions of life activity hampered by a systemic crisis.

Keywords: personality, global crisis, difficult living conditions, mental states, coping strategies, normative values, resilience, self-regulation.

DOI 10.31429/26190567-23-1-96-113

References

- Bityutskaya, Ye. V. (2020). Struktura i dinamika obraza trudnoy zhiznennoy situatsii [The Structure and Dynamics of The Image of a Difficult Life Situation]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychology], 66(3), 116–131.
- Edwards, J. R. (1988). The Determinants and Consequences of Coping with Stress. In C. L. Cooper, R. Payne (Eds) *Causes, Coping and Consequences of Stress at Work* (p. 233–263). Chichester: Wiley.
- Karandashev, V. N. (2004). *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoye rukovodstvo* [Schwartz’s Methodology for Studying Personality Values: A Concept and Methodological Guide]. SPb.: Rech’.
- Karpinskiy, K. V. (2008). *Oprosnik smyslozhiznennogo krizisa: monografiya* [Questionnaire of Meaning-life Crisis: Monograph]. Grodno: GrGU.
- Kobasa, S. C. (2011). Stressful Life Events, Personality, and Health – Inquiry into Hardiness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37(1), 1–11.
- Lazarus, R. S. Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer Publishing Company.
- Leont’ yev, D. A., Rasskazova, Ye. I. (2006). *Test zhiznestroykosti* [The Test of Resilience]. Moskva: Smysl.
- Leont’ yev, D. A. (2020). Virazhi i mirazhi pandemicheskogo soznaniya [Turns and Mirages of Pandemic Consciousness: Report]. *Psikhologicheskaya gazeta* [Psychological Newspaper]. Retrieved from <https://psy.su/feed/8337/>
- Maddi, S. R. (2004). The Role of Hardiness and Religiosity in Depress and Anger. *International Journal of Existential Psychology & Psychotherapy*, 1(1), 38–49.
- Maddi, S. R. (2006). Hardiness: The Courage to Grow from Stresses. *The Journal of Positive Psychology*, 1(3), 160–168
- Morosanova, V. I. (2004). *Oprosnik “Stil’ samoregulyatsii povedeniya” (SSPM): Rukovodstvo* [Self-Regulation Style Questionnaire (SMSS): Guide]. Moskva: Kogito-TSentr.
- Morosanova, V. I., Aronova, K. A. (2007). *Samosoznaniye i samoregulyatsiya povedeniya* [Self-awareness and Self-regulation of Behavior]. Moskva: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”.
- Osukhova, N. G. (2012). *Psikhologicheskaya pomoshch’ v trudnykh i ekstremal’nykh situatsiyakh* [Psychological Assistance in Difficult and Extreme Situations]. Moskva: Izdatel’skiy tsentr “Akademiya”.

Prokhorov, A. O. (2004). *Praktikum po psikhologii sostoyaniy* [Workshop on the Psychology of States]. SPb: Rech'.

Prokhorov, A.O. (2009). *Smyslovaya regulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy* [The Semantic Regulation of Mental States]. Moskva: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".

Vodop'yanova, N. Ye. (2009). *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of Stress]. SPb: Piter.

Received 20.02.2022

Accepted 23.03.2022

For citation: Yasko B. A., Omelchenko N. V., Babichkova C. S. Activation of The Emotional-Value and Regulatory Spheres of Personality in Conditions of a Systemic Life Crisis.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 96-113.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ФЛУКТУАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОВ БЕСПОМОЩНОСТИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

В. В. Шиповская, А. Ш. Гусейнов

Шиповская Виктория Владимировна

Эл. почта: victship@mail.ru. ORCID 0000-0001-8756-9838.

Гусейнов Александр Шамильевич

Эл. почта: aguseinov@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0928-7725.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия.

Аннотация. Один из ключевых вопросов современной психологии — почему человек на протяжении жизни снижает или повышает уровень существования и каким образом эти колебания сказываются на личности. Традиционно эта проблема рассматривается через тему неоднородности жизненного пути, связанной с различными тенденциями поведения личности и разными режимами ее функционирования. С.Л.Рубинштейн сформулировал ее как проблему становления и изменения субъекта в системе его взаимодействий с миром. Осознание бытия личности как творческого продукта конкретного человека и воплощение его ментальных проектов приводит к появлению понятия флуктуаций субъектности. Эта тема раскрывается в новом и более глубоком качестве в рамках субъектно-бытийного подхода, где выявлены источники личностных изменений и выделен ряд критериальных различий между истинным и условным существованием, истинной и ложной субъектностью. Несмотря на близость позиций исследователей в отношении описательных характеристик форм субъектности, глубинные механизмы «колебаний» субъектности и онтологическое содержание взаимопереходов от одного модуса бытийности к другому до сих пор не изучались. Рассмотрен вклад в этот феномен содержания разных способов организации субъектной активности. Вопросы, рассматриваемые в рамках данной статьи, связаны с проблемой конструирования определенной формы субъектности и возможностью изменения способа существования в условиях противоречивой повседневности, а также тех последствий, которые порождают качественные сдвиги субъектности. Проанализирована серия эмпирических исследований, где выявлены причины и психологические механизмы, служащие основанием подобных флуктуаций: типы рефлексии, специфика временного континуума. Показано, что колебания субъектности, вызывающие взаимопереходы модусов бытия, не всегда позитивны, они связаны с субъектным позиционированием и разрешением ценностно-смысловых противоречий. К изменению уровня существования может приводить субъектная активность по механизму ложной/истинной субъектности. Важным является изучение флуктуаций субъектности личности, находящейся в условиях повседневности с точки зрения полюса субъектной активности.

Ключевые слова: флуктуации субъектности, неравномерность личностного бытия, беспомощность, преодолевающая активность, рефлексия, самоопределение, субъектная позиция, трансформация ценностно-смысловой сферы личности.

Актуальность исследования проблемы

Нарастание транзитивности и трансформации бытийного плана, подвергающие человека интенсивной антропологической динамике, ставят в качестве центральной проблему субъектности личности «как меняющейся во времени актуальной меры активного влияния на внешние и внутренние процессы, включая активное воздержание от внешней активности» (Леонтьев, 2010, с. 147). Эта тема актуальна во все времена, но особенно значительной она становится в периоды макросдвига, на этапе бифуркации человеческой цивилизации и распада жизненных ценностей,

требующих изменений самого субъекта, которому необходимо по-новому определяться в многомерном и многополюсном культурном пространстве.

Решение этой проблемы предполагает изменение прежних схем мышления и пересмотр традиционных исследовательских подходов к изучению личности. Необходимы также изменения в категориальном аппарате психологической науки и овладение адекватными понятиями, которые смогут раскрыть вариативность и сложность человеческой природы, давать адекватное описание как типичных, так и индивидуально неповторимых способов бытия человека в мире, связанных с его внутренним миром. По словам К. В. Карпинского, именно интеллектуальная, а не хронологическая история психологии представляет собой последовательную актуализацию одних и дезактуализацию других проблем, развертывание одних и свертывание других теорий, восхождение одних и низвержение других категорий (Психология человека в современном мире, 2009, с. 141). При этом исследователи ходят вокруг одной темы кругами, расширяя и углубляя ее (Гусельцева, 2018).

Формирующиеся методологические тенденции в психологической науке обнаруживаются в отказе от детерминистски-рационалистического понимания психической реальности и установки на исследование неизменных человеческих качеств, устойчивых черт и стабильных паттернов, которая была присуща многим теориям XX в. Основопологающими принципами новой методологии становятся возможность и самодетерминация в противовес устаревшим принципам традиционной психологии — необходимости и детерминированности (Леонтьев, 2011; 2019). Современные исследователи, обращая внимание на процессуальную природу феноменов бытия, отказываются от трактовки стабильности и изменчивости как оппозиционных характеристик, вследствие чего изменчивость рассматривается как условие стабильности. С точки зрения Н. В. Гришиной, проблема изменчивости человека относится к фундаментальным темам психологии, параметр «изменяемость — неизменность» входит в систему базовых характеристик в описании личности (Гришина, 2018; 2019). Акцент на процессуальности личностной бытийности вызывает интерес к экзистенциальным феноменам, которые относятся к области «возможного» и не порождаются причинно-следственными закономерностями (Знаков, 2020; Леонтьев, 2011; Леонтьев, Шильманская, 2019; Психологическое знание..., 2018).

Новые методологические тенденции задают импульс к переосмыслению категории субъекта, выполняющей интегрирующую функцию в психологии. В отличие от первого этапа развития психологии субъекта, где изучались структурные компоненты индивидуального и группового субъекта, критерии субъектности и особенности присвоения ее форм, новый этап направлен на психологический анализ пути, который проходит личность в своем становлении субъектом. Возрастание влияния субъектности человека на социокультурную реальность актуализирует поиск таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности (Личность и бытие..., 2016). Фокус внимания ученых смещается на такие способы конструирования Я, «в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности» (Знаков, 2017; Знаков, Рябикина, 2017). Такая трактовка конструкта субъектности дает возможность под новым углом зрения интерпретировать разнообразие феномены, изучать факторы, способствующие или препятствующие самотрансформации личности (Абакумова, Рядинская, Голубова, 2017; Heatherton,

Weinberger, 1994), а также сконцентрироваться на потенциале субъектности в целостных ситуациях человеческого бытия.

Изменение подходов к рассмотрению проблемы субъектности позволяет изучать динамику становления субъектной сущности человека, не утрачивающего внутреннего стержня и индивидуально-личностного своеобразия, а также объяснять сложные явления, связанные с трансформацией субъектной позиции, изменением ее вектора в сторону истинной или ложной субъектности. Появляется перспектива исследовательского поиска средств самопорождения особых субъектных качеств — способов, с помощью которых можно сформировать новую, продуктивную форму субъектности и тем самым восстановить утраченную целостность восприятия себя и мира. Выделенные характеристики современного этапа науки в совокупности обладают эвристическим потенциалом для понимания и совершенно иного уровня раскрытия образа человека и нового решения проблемы субъектности.

Рассматриваемый в данной статье конструкт флуктуаций субъектности соответствует научной картине современной реальности, содержат потенциал неоднозначности и возможности личностных изменений, отвечает вызовам транзитивности мира и вызовам психологической науки. Напряженный интерес к феномену флуктуаций субъектности как специфически человеческому качеству связан с высоким социальным запросом на зрелое самоопределение, активную гражданскую позицию личности и повышении ее продуктивности в разных сферах жизнедеятельности.

Флуктуации субъектности как проявление неравномерности жизненного пути

Проблема *флуктуаций субъектности* тесно связана с самоопределением личности и выработкой индивидуальной траектории становления субъектом. Яркие примеры позитивной и негативной личностной трансформации в ситуациях сложного нравственного выбора можно находить в драматических периодах истории Родины: трудовой энтузиазм, ратный героизм, но и редкие случаи предательства. Наиболее удачные и полезные для научной психологии описания этого феномена встречаются у Ф. М. Достоевского («Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание»), Л. Н. Толстого («Севастопольские рассказы», «Отец Сергей», «Анна Каренина»), А. П. Чехова («Рассказ неизвестного человека», «Ариадна», «Дядя Ваня»), Н. А. Островского «Как закалялась сталь», в произведениях советских писателей о Великой Отечественной войне (В. Быков «Сотников»), нашедших отражение в художественных фильмах («Восхождение» Л. Шепитько), и др.

Основой исследований этой темы в психологической науке стало представление С. Л. Рубинштейна о *многокачественности* и *многомодальности* психического и изменениях психологических механизмов в процессе функционирования личности. В его трудах намечено поле сложных проблем, которые долгое время оставались не востребуемыми и неразрешенными в психологии личности. Его работы насыщены размышлениями о духовности, нравственном поступке, ответственности, самопреодолении, внутренней свободе человека.

Предлагая концепцию субъекта и связывая ее с качественной определенностью, индивидуальным способом детерминации и, что существенно, со становлением и изменением субъекта в системе его взаимодействий с миром, С. Л. Рубинштейн отмечает, что самосозидание, порождающее новую данность наличия бытия, требует нравственных усилий, которые «взрывают» и изменяют жизненную ситуацию.

Именно творческий потенциал подталкивает человека к самоизменению, становится внутренним фактором, который определяет активность субъекта. Чем больше развито в человеке творческое начало, тем меньше он принимает как данность самого себя и место, в которое его забросила жизнь, пытаясь найти «соизмеримое своей особенностям» место в мире (Рубинштейн, 2003, с. 489).

Этот процесс экзистенциального самосозидания личности и становления ее субъектом сопровождается самотрансценденцией, которое по смыслу означает самопреодоление, т.е. овладение своим внутренним миром и ситуацией. «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой я нахожусь, и вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя не есть отрицание моей сущности, это — ее становление и вместе с тем реализация моей сущности». (Рубинштейн, 1973; с. 344). Следовательно, что преодолевающая активность субъекта, сопряженная с восхождением к истинной субъектности, т.е. к высшим, более совершенным формам бытия и к лучшим проявлениям человеческой сущности, имеет две плоскости: в каком-то аспекте она отрицает себя прежнего, а в каком-то преобразует, выявляет скрытые творческие потенциалы (сокровенное) и реализует их.

Однако не всегда жизненный путь идет по восходящей линии, движется к высшим, более совершенным формам существования. В очень сложных экзистенциальных ситуациях, в условиях постоянно возникающих внешних препятствий, требующих самоопределения личности, как раз и обнаруживаются флуктуации субъектности. Принятие решения и поступки рассматриваются в философской антропологии и онтологии в качестве «узловых моментов и поворотных этапов жизненного пути личности», которые на более или менее длительный период кардинально меняют направление жизни и порождают качественные изменения в типе субъектности и типе поведения. «Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал» (Рубинштейн, 2000, с. 505).

Размышляя над сложностью сохранения субъектной позиции и ранга субъекта (внутренней свободы, этического отношения к миру) на разных этапах жизненного пути, С. Л. Рубинштейн вводит принцип качественных превращений предметов и явлений в процессе деятельности как специфической формы активности, что позволило обратить внимание на возможные трансформации субъектной позиции в сложных ситуациях морального выбора. По его мнению, есть такие субъекты, которые под давлением обстоятельств не выдерживают испытания в своем притязании на этот ранг субъекта, а есть другие, выдерживающие. Например, человек в силу сложившихся обстоятельств, в условиях острых социальных противоречий и отчуждения может идти навстречу принуждению и добровольно предпочесть конформизм, тем самым достигнуть внешнего успеха, но лишит себя свободы индивидуального выбора, личной ответственности и риска. В другом случае человек, казалось бы, придерживаясь социальных норм и действуя в соответствии с внешними правилами, на самом деле не признает этих требований, которые входят в диссонанс с его ценностями. В результате лицемерной активности (неаутентичности) сознание и активность раздваиваются, и это внутреннее раздвоение личности разрушает целостность способа жизни. «Выдерживание» жизненных испытаний предполагает способность личности в различных ситуациях занимать активную жизненную позицию к конфликтам и этическим противоречиям. «Суть в том, чтобы,

оставаясь верным своим обязательствам, остаться верным самому себе, остаться самим собой в изменившихся обстоятельствах. В этом есть разрешение жизненных противоречий» (Рубинштейн, 2003, с. 491). Это значит, что активная субъектная позиция позволяет личности в самой себе находить источник устойчивости, вырабатывать собственный закон, связанный с ответственностью за себя и за других. В то же время С. Л. Рубинштейн ставит один из самых острых этических вопросов, который должен решить каждый человек: как быть, если изменились обстоятельства и сохранение верности прошлому становится лицемерием по отношению к себе новому и своим новым чувствам? В этом случае, считает С. Л. Рубинштейн, можно менять критерии, из которых субъект исходит, поскольку главное — это не сохранение верности самому по себе прошлому или настоящему, а сохранение доверия к себе, *доверие к своей способности принять нравственное решение* (Рубинштейн, 2003, с. 385). Стоит отметить, что на основе внутренней позиции субъекта и его нравственных критериев происходит активная перестройка (детерминация) поведения других людей, изменение моральных условий их поведения. В мета-концепции С. Л. Рубинштейна колебания и качественные изменения субъектности возникают при определенных условиях — значимых ситуациях морального выбора, и рассматриваются в связи с ценностными ориентациями, принятием решений и поступками, которые служат условием подобных изменений.

С этой позицией перекликается мнение А. А. Бодалева, полагающего, что поступки человека, вызывая большие или меньшие изменения во внешней реальности, обязательно влекут за собой перестройку в его мировоззрении и эмоциональной сфере личности. Отмечая активную созидательную роль личности в организации ею внешних и внутренних жизненных пространств, автор подчеркивает, что какие бы жесткие ни предъявлялись ей требования, личность все равно принимает их и трансформирует для себя самой в соответствии с характером и степенью своей субъективности — уровнем развития сознания, сформированности потребностей. И эти тенденции поведения личности либо работают на ее развитие по восходящей, либо тормозят его, а иногда ведут к социальной деградации (Бодалев, 1988, с. 62).

А. В. Брушлинский, анализируя проблему неоднородности жизненного пути личности, отмечает, что человек как субъект по-разному формирует гармоничное или дисгармоничное единство противоречивых мотивов и чувств. С его точки зрения, высшего уровня субъектности на котором человек самостоятельно вводит критерии, по которым реализуется его активность, удается достичь далеко не каждому. Одним из ключевых критериев высшего уровня субъектности, является способность и готовность противостоять жизненным обстоятельствам. Характеризуя субъекта, А. В. Брушлинский указывает, что на качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система его психических процессов и свойств, и эти изменения могут происходить постепенно или немедленно (Брушлинский, 2003, с. 31). Подчеркивая сложность формирования субъектных свойств, А. В. Брушлинский затрагивает проблему «афганцев» — советских людей, принимавших участие в войне на территории Афганистана и в результате очень сильно изменившихся по своим субъектным качествам.

К вопросу порождения субъектных качеств в экстремальных и повседневных ситуациях обращается В. В. Знаков. По его мнению, лица, имеющие экстремальный опыт, овладевают на войне особыми навыками, которые в мирное время используют в разнообразных жизненных ситуациях, лишенных признаков экстремальности.

Автор, анализируя феномен обостренного реагирования на социальную несправедливость, связанный с характерной для «афганцев» совестливостью, указывает на то, что в большинстве случаев они демонстрируют солидарность, т.е. защищают не свои права и привилегии, проявляют более активную гражданскую позицию, чем их соотечественники (Знаков, 1989, с. 118).

Неравномерность жизненного пути как различная реализация определенной формы субъектности детально рассматривается Д. А. Леонтьевым. Предложенная им мультирегуляторная модель личности опирается на антропологическую метафору «пунктирного человека», которая демонстрирует, что «человек может быть очень разным... в плане коренного различия основных системообразующих принципов, на которых строится его поведение и личность в целом» (Леонтьев, 2010, с. 120). Суть этого метафорического образа заключается в том, что человек на протяжении своего жизненного пути постоянно переключается с одного уровня функционирования на другой, не всегда актуализируя специфические человеческие проявления и реализуя личностный потенциал. Несмотря на то что у разных людей в разных обстоятельствах эта траектория может иметь различную конфигурацию, она никогда не бывает сплошной, поскольку отрезки энергозатратного функционирования на человеческом уровне часто сменяются отрезками субчеловеческого функционирования, протекающими на «автопилоте». Человек обладает возможностью перспективного эволюционного выбора, который совершенствует возможности и позволяет проявлять субъектную активность на высшем уровне. Этот уровень функционирования личности (эмансипация от всех форм зависимости) требует выхода за пределы не только внешних требований и ожиданий, но и собственных непосредственных потребностей. Но чаще люди регрессируют к более примитивным, субчеловеческим уровням функционирования, действуя на основе безличных автоматических механизмов, некритично принимая готовые стереотипы, смыслы от окружающего мира и тем самым обрекая себя на путь наименьшей реализации возможностей. Этот режим функционирования, который поддерживается современной массовой культурой (культурой расслабления), привлекателен для многих тем, что не требует усилий. Главное, отмечает автор, не то, на каком уровне человек проводит большую часть времени, а то, на каком уровне он принимает решения в ключевые моменты своей жизни (Леонтьев, 2010). Колебания субъектности в данной модели выступают как следствие экзистенциального выбора, который человек делает в каждой конкретной ситуации.

В рамках экзистенциального подхода Н. В. Гришина подчеркивает, что в современных условиях для сохранения устойчивости и самоидентичности человеку необходимо изменяться, вырабатывая новые способы и стратегии взаимодействия с окружающим миром. Автор вводит понятие потенциала самоизменений личности, которое включает: 1) способность и готовность человека к осознанию вызовов ситуации и необходимости изменений; 2) готовность к принятию этой необходимости; 3) готовность действовать в соответствии с осознаваемыми вызовами (Гришина, 2018, с. 126). Колебания субъектности в данном подходе связаны с выбором — сознательным принятием решений об этих изменениях, обуславливающих становление качественно новой формы субъектности. В частности, анализируя жизненный сценарий дауншифтинга, кардинально изменяющий социальную позицию, автор отмечает, что решение об уходе от социальной активности принимается не в результате вынуждающих обстоятельств, но является исключитель-

но добровольным выбором (Гришина, 2011). Таким образом, под флуктуациями субъектности в рассмотренных концепциях понимается динамичный процесс самотрансформации личности, который проявляется через ее взаимодействие с определенными условиями, критическими ситуациями, жизненными вызовами и связан со становлением субъектной сущности человека, выступающей закономерным следствием личностного выбора и поступков.

Исследования флуктуаций субъектности в субъектно-бытийном подходе к личности

Дополнительный свет на вопрос о влиянии экзистенциальных детерминант на колебания субъектности проливают исследования, выполненные в рамках субъектно-бытийного подхода, где данная проблема выделена в новом и более глубоком качестве. Особое методологическое значение данного подхода состоит в подчеркивании главной функции человека — быть субъектом многообразных бытийных пространств, в реорганизации которых он утверждает себя как личность.

В психологической науке «любое понятие отражает научный подход и определенную научную школу» (Разработка понятий..., 2018, с. 17). Конструкт субъектности — один из центральных в данном подходе. Понятие «субъектность» рассматривается не как статичная характеристика личности, а как континуальная и контекстуальная характеристика личностного бытия, выступая как непрерывный процесс экзистенциального становления личности на протяжении всей жизни. Субъектность предстает как сложный процессуальный феномен, связанный со сбалансированностью ценностно-смысловых структур личности и соподчинённостью её бытийных пространств (Рябикина, 2005; Фоменко, Рябикина, 2018). На пути самоконструирования и выбора способа существования субъектность личности в разных жизненных обстоятельствах подвержена постоянным флуктуациям и деформациям. Искажение индивидуальных смыслов значительно понижает уровень субъектности. В связи с этим исследователи обращают внимание на возможность в процессе профессионализации «ловушек», когда возникающие противоречия не осознаются, конструктивно не разрешаются, а изменения, происходящие с личностью, могут быть категоризированы как деформационные, деструктивные. Невозможность подчинить в своем Я внешние пространства, трансцендировать себя в них и почувствовать их как свое продолжение составляют проблему «неправильного» личностного роста, обусловленного неверно выбранным эталоном профессионала, который личность «назначает» себе в качестве цели саморазвития. Уклонение от изменений, неспособность к вариативности профессионального эталона свидетельствует об объектном позиционировании личности. Конструктивное разрешение противоречий, самоотдача человека в работе выводит человека из поглощенности самим собой, приводит к качественному преобразованию личности и повышению уровня субъектности (Рябикина, Фоменко, 2010).

Положение о том, что содержание индивидуальных ценностей и смыслов значительно влияет на уровень и форму субъектности, находит убедительное подтверждение в исследовании протестной активности личности, где отличия в протестных формах отражают различия в субъектном позиционировании личности. Установлено, что изменения одного параметра системы протестной активности приводит к последствиям в виде изменений других параметров, к сдвигу в сторону реализации истинной или ложной субъектности. Понятие «ложная субъектность»

в полном смысле слова относится к категории людей, конструирующих способ бытия, в структуру которого не вписываются морально-этические нормы общества. Доказано, что реализация конструктивных форм протеста (эмансипация, высший эскапизм), основанных на трансляции гуманистических ценностей, меняет внутреннюю сущность человека, обновляет ее и делает личность субъектом своей жизни. Также выявлено, что искажения в ценностно-смысловой сфере влечет за собой смену мировоззрения и модификацию других структурных параметров системы протестной активности. В результате смены субъектного позиционирования на объектное субъект, способный к конструктивной протестной активности, быстро оказывается в условиях, способствующих образованию деструктивных форм протеста (Гусейнов, 2013). Это значит, что социально зрелая личность не всегда демонстрирует способность к равномерному и гармоничному достижению высшего уровня субъектности. Этот вывод соотносится с представлением об относительности достигнутой зрелости реальной системы (Поддьяков, 2009, с. 95), что дополнительно подчеркивает процессуальность субъектности и заостряет внимание на проблеме флуктуаций между двумя типами субъектности (истинной/ложной).

Стоит отметить, что воздействие на процесс флуктуаций субъектности может быть оказано и значимыми людьми, если ценности и сомнительные идеалы референтной группы или авторитета некритично принимаются субъектом, а решение важных жизненных задач делегируется другим субъектам. Отказ от экзистенциального самоопределения и выбор пассивного подчинения решениям «значимых других» негативно влияет на содержание протестной активности, все больше трансформируя ее в сторону деструктивности. Это поворотные, драматичные моменты в жизни человека, когда уже невозможно что-либо изменить, поскольку ценностное искажение проникло в структуру сознания, оформило новое мировоззрение и ущербный по своей сути виктимный модус бытия.

Проблему реализации качественно разных модусов бытия личности и форм субъектности в тесной связи с проблемой самоопределения рассматривает Г. Ю. Фоменко. Автором были выделены и концептуализированы экстремальный и предельный модусы бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности, основными дифференциальными критериями которых являются субъектная позиция личности в плане дихотомии «свобода — детерминизм», рефлексия и ответственность. Субъективное наполнение этих двух модусов бытия личности различается по множеству параметров (мотивационно-потребностная сфера, образ мира, планы и структура поведения), однако самое главное различие — в зависимости от смысла, который придает этим событиям конкретный человек (Фоменко, 2010). Модусы бытия личности не являются строго фиксированными, возможны гибкие взаимопереходы, всегда есть возможность изменения способа существования. Например, вероятность выбора предельного модуса бытия повышается в том случае, когда самостоятельно происходит обращение к экзистенциальным дихотомиям и своя проблема вводится в круг более высоких смысловых образований. Трансцендентный смысл выводит человека из поля эгоцентризма и благоприятствует позитивной трансформации личности. Однако и предельный модус бытия не обладает статусом неизменности. Изменение ценностно-смыслового восприятия действительности, утрата субъективной значимости приоритетного личностного бытийного пространства, восприятие себя в качестве объекта, активность по механизму «навязанной» субъектности

могут приводить к изменению способа существования с предельного на экстремальное с иными особенностями бытийности и самосознания (Фоменко, 2006). В данной концепции взаимопереходы модусов бытия, связанные с различным конструированием индивидуального бытия, во многом предопределяются содержанием жизненной цели, особенностями ценностно-смысловых предпочтений и позицией субъекта по отношению к миру.

Схожая идея была предложена В. Франклом в его концепции смысла, который подчеркивает ситуативность и контекстуальность всякого смысла, его принципиальную непереносимость в другой контекст. Он утверждает: смысл не может быть создан, но должен быть найден. Смысл понимается не как абстрактная категория, а как конкретный смысл неповторимой и конкретной ситуации. Отсюда — уверенность в том, что даже в безнадежной ситуации, перед которой человек беспомощен, есть возможность увидеть смысл и активно, ответственно действовать в соответствии с найденным смыслом. Важной становится позиция и установка, с которой он встречает свою судьбу и которой не в состоянии избежать или изменить. В повседневной реальности каждый день предлагает новый смысл и каждого человека ожидает другой смысл. Поскольку смысл — это «требование момента», которое всегда адресовано конкретному человеку, смысл должен меняться как от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку, который должен научиться различать то, что имеет для него существенное значение и за что можно и нужно нести ответственность (Франкл, 1990).

В перечисленных концепциях и моделях бытие личности рассматривается как продукт конкретного человека, воплощение его ментальных проектов. Выявлено, что характер бытия может и препятствовать, и благоприятствовать человеку в его стремлении стать зрелой личностью, реализовать свои творческие потенции и наполнить индивидуальное бытие смыслом. Поскольку сам человек является активным создателем своего окружения и творцом своей судьбы, выбор экзистенциальных детерминант (индивидуальных смысловых образований) и самоопределение по отношению к ценностям определяет активность личности и конструирует форму субъектности на определенном отрезке бытия. Таким образом, в субъектно-бытийном подходе в трактовке модусов бытия личности и ее бытийных пространств, а также ложной/истинной субъектности, раскрывающих содержательно специфику субъектной активности и потенциал субъектности, намечена новая перспективная конкретизация этого понятия. Очевидно, что конструкт флуктуаций различными гранями соприкасается со многими школами отечественной психологии, способствуя преодолению парадигмальных ограничений и продуктивному взаимодействию исследователей.

Флуктуации субъектности в аспекте феноменов беспомощности и преодолевающей активности личности

Несмотря на близость позиций исследователей в отношении описательных характеристик различных форм субъектности, на текущем этапе глубинные механизмы возможных колебаний субъектности и онтологическое содержание взаимопереходов от одного модуса бытийности к другому мало изучены. Целесообразно рассмотреть вклад в данный феномен содержания и способов организации субъектной активности личности. Мы исходили из качественного определения специфики личностной активности:

— в случае предельного модуса бытия: изначальная постановка личностью над-ситуативных целей и работа на опережение предстоящих трудностей и испытаний; преобладание активной неадаптивности; убежденность в своей самоэффективности;

— в случае экстремального модуса бытия: преобладание адаптивной или защитной активности; отсутствие убежденности в своей эффективности; тенденция к экстернальности; утрата разной степени выраженности способности к саморегуляции и когнитивному контролю над ситуацией (Фоменко, 2006).

Квалифицируя субъектную активность личности, предпочитающую предельный модус бытия как преодолевающую, а активность в случае экстремального модуса бытия как защитно-адаптивную, мы рассматриваем их флуктуацию в контексте феноменов беспомощности и преодоления. Личностная беспомощность проявляется в негативном прогнозировании собственной деятельности, субъективном ощущении утраты влияния на события, в переоценке личностных ресурсов и требований сложной ситуации, оцениваемой как безвариантная и неподконтрольная (Шиповская, Гусейнов, 2018). В более простом понимании беспомощность рассматривается как синоним капитуляции перед препятствиями и непредвиденными обстоятельствами, отсутствие борьбы за достойную жизнь, уклонение от личной ответственности и неспособность противостоять различным влияниям. Склонность приписывать себе статус жертвы, фаталистическая жизненная позиция и предчувствие неудачи — это самоподчинение страху, растерянности и депрессивным переживаниям (Chang, Sanna, 2007; Henry, 2005; Rueger, Malecki, 2011; Rueger, George, 2016). Сниженный ресурс сопротивления негативным воздействиям увеличивает риск стать реальной жертвой преступлений, сект, всевозможных радикальных идеологий (Шиповская, Гусейнов, 2018). Появление беспомощности свидетельствует о том, что человек не видит себя субъектом бытия и проявляет субъектность не целостным способом, а парциальным.

Феномен преодоления тесно связан с философской темой постоянного и интенсивного усилия (Мамардашвили, 1996; Ясперс, 1991), под которым понимается специальная внутренняя работа, выбор самобытия, путь наибольшего сопротивления, результирующий в принятии подлинно экзистенциальных решений. Когда человек приводит свое поведение в соответствие с условиями своего существования и своим мировоззрением, его преодолевающая активность эволюционирует и во всех своих проявлениях начинает служить внутренним функционально автономным мотивам и образу Я, т.е. идеальному Я (Олпорт, 2002).

Процесс преодолевающей активности личности необходим именно потому, что характер такого бытия наполняет жизнь смыслом и позволяет максимально реализовывать бытийные возможности. В условиях транзитивности, порождающей сдвиги и изменения в психическом облике людей, преодолевающая активность становится необходимостью и основанием аутентичного бытия, а такие субъектные характеристики, как способность к системной рефлексии и проблематизации ситуаций, толерантность к неопределенности, удержание экзистенциального тонуса, субъектная позиция, становятся стратегией жизни в сверхсложном мире и способом предупреждения личностной деформации и виктимизации субъекта. Без преодоления жизненных барьеров и препятствий личностное бытие фрагментируется, и человек, не желающий внутренней независимости, отказывающийся от ответственности и проблематизации ситуаций, оказывается в их власти и становится беспомощным. Через эти феномены, направляющие жизнь в другое русло

и порождающие изменения в субъектном позиционировании личности, отчётливо проявляются содержание и колебания модусов бытия и их взаимопереходы. Причём оба феномена рассматриваются нами не только в трудных жизненных ситуациях, но и в привычных, рутинных обстоятельствах, поскольку мера их преодоления не только проявляет согласованность бытийных пространств, содержания и способа организации субъектной активности личности, но и формирует определенную форму субъектности.

Серия эмпирических исследований дала возможность подтвердить гипотезу о том, что беспомощность и преодоление представляют два полюса субъектной активности личности и соотносятся с экстремальным и предельным модусами бытия, которые подвержены взаимопроникновению и флуктуациям. В русле обсуждаемых проблем взаимопереходов модусов бытия нами обнаружены причины колебаний субъектности в напряженных ситуациях спортивной деятельности, обладающей признаками экстремальности, в рамках которой предельные нагрузки рассматриваются как норма личностного бытия. Кратко изложим основные результаты, полученные в ходе исследования. Выявлено, что повышение личностной субъектности и уровня существования формируется на фоне позитивных ценностей, принятия ответственности как априорной готовности к проблематизации ситуации, исходя из анализа системы разноуровневых противоречий. В этих же условиях чрезмерная обращенность на себя и фантазирование, непонимание степени индивидуальной ответственности за результат на фоне дефицита экзистенциальных смыслов и ценностей порождают беспомощность и выбор механистических, крайне непродуктивных способов разрешения сложных ситуаций спортивной деятельности. Причем даже высококвалифицированные спортсмены, реализующие предельный модус бытия, которые по своей инициативе ставят преимущественно масштабные задачи, не всегда соответствуют требованиям сложной соревновательной ситуации, иногда предпочитая действовать автоматически, что говорит о негативных сдвигах субъектности. Неконструктивные типы рефлексии — интроспекция и квазирефлексия — создают рефлексивные «ловушки», которые не дают возможности удержать экзистенциальный тонус и сосредоточиться на проблематизации ситуаций. Тем самым снижаются возможности противостояния соревновательным трудностям, что приводит к соскальзыванию с предельного модуса бытия на экстремальный (Гусейнов, Шиповская, 2019). Вероятность формирования более конструктивной формы субъектности, способствующей эмоционально-волевой устойчивости и самоэффективности, повышается в случае ощущения субъективной значимости спортивной деятельности как приоритетного личностного бытийного пространства и развития системной рефлексии, которая служит позитивным механизмом, поскольку дает возможность занять метапозицию по отношению к проблемным ситуациям и собственной деятельности, в рамках которой осуществляется профессиональная самореализация спортсмена. Следовательно, разные виды рефлексии являются неотъемлемой частью процесса флуктуаций субъектности.

Флуктуации субъектности четко проявились и в другом нашем исследовании, где выявлялась специфика рефлексии временного горизонта и субъектная направленность личности. Установлено, что сбалансированность, позитивность и реалистичность временного континуума способствуют накоплению личностной ресурсности, более высокой социальной интеграции и развитию субъектности.

Пессимистическая оценка личностного нарратива, связанная с девальвацией ценности прошлого и настоящего, «тянет» личность назад, истощает эго, включает механизм негативного самоисполняющегося пророчества, тем самым препятствуя эффективному совладанию с повседневными трудностями, поддержанию положительной самооценки и самореализации. В результате распада структуры переживания времени возникает бездумное существование, ощущение внутренней пустоты и бессмысленности жизни. Неспособность влиять на свою судьбу, предчувствие неудачи, уклонение от личной ответственности и интерпретация жизни как неуспешной поддерживает беспомощность, способствуя оформлению непродуктивной формы субъектности (Шиповская, Гусейнов, 2020). Таким образом, вероятность формирования ложной субъектности и перехода на деструктивный модус бытия увеличивается в случае негативной рефлексии и нереалистичности временной перспективы, в сочетании с беспомощной позицией, неготовности противостоять жизненным обстоятельствам, связанной с ощущением предопределенности событий и собственной неэффективности. Полученные данные соотносятся с результатами исследования Г. Ю. Фоменко. По её мнению, отвержение и негативная модель будущего, связанная с «обрывом» временной перспективы, указывает на неосознанное ожидание в будущем неблагоприятных событий, что говорит об отказе от субъектной действенной позиции и переходе с предельного модуса на экстремальный модус бытия личности (Фоменко, 2008).

Полученные на разных выборках результаты позволили определить глубинные механизмы флуктуаций субъектности, их роль в самодвижении личности в сторону усложнения, «наращивания себя» или в сторону деформационных изменений личности, а также зафиксировать тонкие реальности этих изменений. Флуктуации основаны на ценностно-смысловых предпосылках, которые являются результатом внутренней работы. Линия, ведущая от того, какой субъектностью личность обладает на одном этапе, к тому, какая будет на последующем, проходит через субъектное позиционирование, самоопределение и преодоление. Особой точкой бифуркации, порождающей сдвиги субъектности, обуславливающей взаимопереход модусов бытия, является экзистенциальный выбор, который подготавливается рефлексией и актуализируется внутри разных ситуаций взаимодействия субъектов. Соответственно, критериями позитивной трансформации субъектности является активная субъектная позиция и экзистенциальное самоопределение, самодвижение от беспомощности и зависимости к преодолевающей активности личности. Таким образом, конструкт флуктуаций субъектности объясняет, каким образом реальный человек как субъект собственной активности осуществляет проблематизацию различных жизненных ситуаций в динамике конструирования индивидуального бытия, сколько сил вкладывает во внутреннюю работу и как сам изменяется в этом процессе.

Заключение

Конструкт флуктуаций субъектности не так давно присутствует в научном дискурсе, связан с поиском новых путей изучения человека в транзитивном мире и дает возможность изучать не только идеальные модели совершенствования человека, но и глубинные механизмы, которые способствуют трансформации субъектности — сдвига в сторону непродуктивного или даже виктимного поведения человека. Данный конструкт — это попытка сочетать в едином конструкте

разнообразные взгляды о личности во внутреннем движении, экзистенциальном самоопределении и крайне сложном внутреннем пути ее становления субъектом.

Психологический анализ понятия «флуктуации субъектности» позволил выделить основные черты, определяющие его психологическое содержание. Можно констатировать, что флуктуации субъектности связаны с разноуровневыми бытийными противоречиями (ценностно-смысловыми, экзистенциальными, в бытийных пространствах личности) и их разрешением. Феномен флуктуаций субъектности представляет собой универсальное явление — динамический процесс гибкого взаимоперехода от одного модуса бытия личности к другому в сочетании с трансформацией ценностно-смысловой сферы и субъектного позиционирования, изменения его вектора в сторону истинной или ложной субъектности. Конструкт флуктуаций субъектности предстает как сложный психологический феномен, посредством которого конструируется новая форма субъектного позиционирования. Это понятие создает возможности научного осмысления феноменологии, связанной с преобразованиями бытия, с направленностью человека к преодолевающей активности, творческому созиданию своей судьбы и аутентичности. Следовательно, конструкт флуктуаций субъектности тенденциален, поскольку дает возможность прогнозировать вероятность выбора определенного модуса бытия, связанного с преодолевающей активностью или беспомощностью, варианты возможного развития событий и тем самым обеспечивать профилактику и предупреждение всевозможных личностных деструкций. Важным является изучение флуктуаций субъектности личности, находящейся не только в экстремальных ситуациях, но и в повседневных рутинных обстоятельствах, поскольку именно повседневная жизнь, требующая терпения, зрелости, стойкости, активной субъектной позиции, максимально выражает меру субъектности и степень преодолевающей активности.

Библиографический список

- Абакумова, И. В., Рядинская, Е. Н., Голубова, В. М. (2017). Системно-структурный анализ теорий психологических трансформаций личности. *Российский психологический журнал*, 14(1), 10–24.
- Бодалев, А. А. (1988). *Психология о личности*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Брушлинский, А. В. (2003). *Психология субъекта*. СПб.: Алетейя.
- Гришина, Н. В. (2011). Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. *Психологические исследования*, 3(17). URL: <http://psystudy.ru>
- Гришина, Н. В. (2018). «Самоизменения» личности: возможное и необходимое. Вестник Санкт-Петербургского университета. *Психология и педагогика*, 8(2), 126–138.
- Гришина, Н. В. (2019). Изменяется ли человек в изменяющемся мире? В *Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений* (с. 10–16). М.: Смысл.
- Гусейнов, А. Ш. (2013). Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности. В *Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского)*. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) (с. 273–275). Краснодар: КубГУ.
- Гусейнов, А. Ш., Шиповская, В. В. (2019). Рефлексивность как субъектный ресурс преодоления сложных ситуаций в спортивной деятельности. *Физическая культура, спорт — наука и практика*, 2, 85–90.

- Гусельцева, М. С. (2018). Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(4), 327–340.
- Журавлев, А. Л., Барабанщиков, В. А., М. И. Воловикова, М. И. (ред.) (2009). Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути. В *Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Журавлев, А. Л., Сергиенко Е. А. (2018). *Разработка понятий современной психологии.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. (ред.) (2018). *Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития.* Москва: ИПРАН.
- Знаков, В. В. (1989). Понимание воинами-интернационалистами ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства. *Психологический журнал*, 10(4), 113–124.
- Знаков, В. В. (2017). Новый этап развития психологических исследований субъекта. *Вопросы психологии*, 2, 3–16.
- Знаков, В. В. (2020). *Психология возможного.* Москва: Когито-Центр.
- Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017). *Психология человеческого бытия.* Москва: Смысл.
- Леонтьев Д. А. (2011). Новые ориентиры в психологии: от необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 3–43.
- Леонтьев, Д. А. (2010). Личность в непредсказуемом мире. *Методология и история психологии*, 5(3), 120–140.
- Леонтьев, Д. А. (2010). Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности. *Эпистемология и философия науки*, 25(3), 136–153.
- Леонтьев, Д. А. (2019). Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии. *Культурно-историческая психология*, 15(1), 25–34.
- Леонтьев, Д. А., Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Мамардашвили, М. (1996). *Необходимость себя. Введение в философию. Доклады, статьи, философские заметки.* Москва: Лабиринт.
- Олпорт, Г. (2002). *Становление личности: избранные труды.* Москва: Смысл.
- Поддяков, А. Н. (2009). Типы соотношений интеграции и дифференциации в развивающихся системах. В *Теория развития: дифференционно-интеграционная парадигма.* (с. 91–102). Москва: Языки славянских культур.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии.* Москва: Педагогика.
- Рубинштейн, С. Л. (2000). *Основы общей психологии.* СПб: Питер.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир.* Москва: Питер.
- Рябикина, З. И. (2005). Личность как субъект формирования бытийных пространств. В В. В. Знаков, З. И. Рябикина (ред.) *Субъект, личность и психология человеческого бытия* (с. 45–57). М.: ИПРАН.
- Рябикина, З. И., Знаков, В. В. (ред.) (2016). *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Рябикина, З. И., Фоменко, Г. Ю. (2010). Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектного и событийного подходов. В *Социальная психология труда теория и практика* (с. 82–101). Москва: ИП РАН.
- Фоменко, Г. Ю. (2006). *Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия.* Краснодар: КубГУ.
- Фоменко, Г. Ю. (2008). Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия. В *Личность и бытие: субъектный подход.* Материалы научной конференции,

- посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского (с. 216–220). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Фоменко, Г. Ю. (2010). Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода. В *Психология субъекта и психология человеческого бытия* (с. 158–174). Краснодар: КубГУ.
- Фоменко, Г. Ю., Рябкина, З. И. (2018). *Психология безопасности личности: субъектно-бытийный подход*: монография. Краснодар: КубГУ.
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Шиповская, В. В., Гусейнов А. Ш. (2018). Личностная беспомощность как фактор виктимизации субъекта. *Общество: социология, психология, педагогика*, 12, 137–140.
- Шиповская, В. В., Гусейнов, А. Ш. (2020). Представление о временной перспективе как экзистенциальном ресурсе личности при преодолении противоречий повседневности. В *Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен* (с. 1000–1009). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории*. Москва: Политиздат.
- Chang, E. C., Sanna, L. J. (2007). Affectivity and Psychological Adjustment across Two Adult Generations: Does Pessimistic Explanatory Style Still Matter? *Personality and Individual Differences*, 43, 1149–1159.
- Heatheron, T. F., & Weinberger, J. L. (Eds) (1994). *Can Personality Change?* Washington: American Psychological Association.
- Henry, P. S. (2005). Life Stress, Explanatory Style, Hopelessness, and Occupation Stress. *International journal of Stress Management*, 12, 241–256.
- Rueger, S. Y., George, R. (2016). Indirect Effects of Attributional Style for Positive Events on Depressive Symptoms through Self-Esteem in Early Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. DOI: 10.1007/s10964-016-0530-2.
- Rueger, S. Y., Malecki, C. K. (2011). Effects of Stress, Attributional Style and Perceived Parental Support on Depressive Symptoms in Early Adolescence: A Prospective Analysis. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 40, 347–359.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022
Статья принята к публикации 12.03.2022

Для цитирования: Шиповская В. В., Гусейнов А. Ш. Флуктуации субъектности личности в контексте феноменов беспомощности и преодоления. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 114–132.

FLUCTUATIONS OF PERSONALITY SUBJECTIVITY IN THE CONTEXT OF HELPLESSNESS AND OVERCOMING

V. V. Shipovskaya, A. Sh. Guseinov

Victoria V. Shipovskaya

E-mail: victship@mail.ru. ORCID 0000-0001-8756-9838.

Alexander S. Guseinov

E-mail: aguseinov@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0928-7725.

Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia.

Abstract. One of the pivotal issues of modern psychology is why a person's level of existence decreases or increases over the course of their life, and in what way these fluctuations affect the personality. Traditionally, this topic is addressed through the theme of the heterogeneity of the life course, related to different tendencies of individual behavior and different modes of its functioning. S. L. Rubinstein enunciated it as the problem of the formation and change of the subject in the system of their interactions with the world. Awareness of a person's being as a creative product of a concrete person and the embodiment of their mental projects leads to the concept of subjectivity fluctuations. This topic manifests itself in a new and deeper quality

within the framework of the subject-being approach, which identifies the sources of personal change and highlights a number of criteria differences between true and conditional existence, and true and false subjectivity. Despite the closeness of researchers' positions with regard to descriptive characteristics of forms of subjectivity, the underlying mechanisms of subjectivity "fluctuations" and the ontological content of inter-transitions from one modus of beingness to another have not yet been studied. The paper examines different ways of organizing subjective activity as a valuable contribution to the phenomenon of fluctuations. The questions addressed in this paper are related to the problem of constructing a particular form of subjectivity and to the possibility of changing the mode of existence under conditions of contradictory daily life, as well as to the consequences that create qualitative shifts of subjectivity. The paper analyzes a number of empirical studies where the causes and psychological mechanisms that cause such fluctuations (namely, the types of reflection and the specificity of the time continuum) are identified. It is demonstrated that fluctuations of subjectivity, causing mutual transitions of modes of being, are not always positive; they are associated with the subject positioning and the resolution of value and meaning contradictions. A change in the level of existence may be brought about by subjective activity through the mechanism of "false"/"true" subjectivity. It is significant to study the fluctuations of the subjectivity of the individual under the conditions of everyday life in terms of the pole of subjective activity.

Keywords: subjectivity fluctuations, irregularity of personal being, helplessness, overcoming/coping activity, reflection, self-determination, subject position, transformation of the value and meaning sphere of the individual.

DOI 10.31429/26190567-23-1-114-132

References

- Abakumova, I. V., Ryadinskaya, E. N., Golubova, V. M. (2017). Sistemno-strukturnyy analiz teoriy psikhologicheskikh transformatsiy lichnosti [Systemic and Structural Analysis of Theories of Psychological Transformations of Personality]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal], 14(1), 10–24.
- Bodalev, A. A. (1988). *Psikhologiya o lichnosti* [Psychology about Personality] M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Brushlinskiy A. V. (2003). *Psihologiya sub''ekta*. [Psychology of the Subject]. SPb.: Aleteiya.
- Chang, E. C., Sanna, L. J. (2007). Affectivity and Psychological Adjustment across Two Adult Generations: Does Pessimistic Explanatory Style Still Matter? *Personality and Individual Differences*, 43, 1149–1159.
- Fomenko, G. Yu., Ryabikina, Z. I. (2018). *Psihologiya bezopasnosti lichnosti: sub''ektno-bytijnyj podhod* [Psychology of Safety of a Person: The Subjective Approach: Monograph]. Krasnodar: KubGU.
- Fomenko, G. Yu. (2006). *Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyakh: Dva modusa bytiya* [Personality in Extreme Conditions: Two Modes of Being]. Krasnodar: KubGU.
- Fomenko, G. Yu. (2008). Paradoksy lichnostnoy organizatsii vremeni pri ekstremal'nom moduse bytiya [Paradoxes of the Personal Organization of Time in the Extreme Modus Vivendi]. In *Lichnost' i bytie: sub''ektnyy podhod. Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN A. V. Brushlinskogo* [Personality and Being: A Subjective Approach. Materials of the Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Corresponding Member of RAS A. V. Brushlinsky] (pp. 216–220). M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
- Fomenko, G. Yu. (2010). Modusy bytiya lichnosti v kontekste sub''ektno-bytijnogo podhoda [The Modes of Being of a Person in the Context of the Subject-being Approach]. In *Psihologiya sub''ekta i psihologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of the Subject and Psychology of Human Being] (pp. 158–174). Krasnodar: KubGU.
- Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. M.: Progress.
- Grishina, N. V. (2011). Zhiznennyye scenariy: normativnost' i individualizatsiya. [Life Scripts: Normativity and Individualization]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 3(17), 6.

- Grishina, N. V. (2018). "Samoizmeneniya" lichnosti: vozmozhnoe i neobhodimoe [«Self-changes» of personality: possible and necessary]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University, Psychology and Pedagogy], 8(2), 126–138.
- Grishina, N. V. (2019). Izmenyaetsya li chelovek v izmenyayushchemsya mire? [Does a Person Change in a Changing World?]. In *Sed'maya Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po ekzistencial'noy psikhologii: materialy soobshcheniy*. [The Seventh All-Russian Scientific-Practical Conference on Existential Psychology: Materials of Messages] (pp. 10–16). M.: Smysl.
- Gusel'ceva, M. S. (2018). Metamodernizm v psikhologii: novyye metodologicheskiye strategii i izmeneniya sub'yektivnosti [Metamodernism in Psychology: New Methodological Strategies and Changes in Subjectivity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 8(4), 327–340.
- Guseynov, A. Sh. (2013). Iskazheniye sub'yektivnosti v nekotorykh vidakh protestnoy aktivnosti [Distortion of Subjectivity in Some Types of Protest Activity]. In *Lichnost' i bytiye: sub'yektnyy podkhod (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Brushlinskogo)*. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s inostrannym uchastiyem) (273–275) [Personality and Being: A Subjective Approach (to the 80th Anniversary of the Birth of A. V. Brushlinsky). Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (with Foreign Participation)]. Krasnodar: KubGU.
- Guseynov, A. Sh., Shipovskaya, V. V. (2019). Refleksivnost' kak sub'yektnyy resurs preodoleniya slozhnykh situatsiy v sportivnoy deyatel'nosti [Reflexivity as a Subject Resource of Overcoming Complex Situations in Sports Activity]. *Fizicheskaya kul'tura, sport — nauka i praktika* [Physical Culture, Sports — Science and Practice], 2, 85–90.
- Heatheron, T. F., & Weinberger, J. L. (eds) (1994). *Can Personality Change?* Washington: American Psychological Association.
- Henry, P. S. (2005). Life Stress, Explanatory Style, Hopelessness, and Occupation Stress. *International journal of Stress Management*, 12, 241–256.
- Leont'ev, D. A. (2010). Chto daet psikhologii ponyatie sub'yekta: sub'yektnost' kak izmerenie lichnosti [What Gives Psychology the Concept of the Subject: Subjectivity as a Dimension of Personality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 25(3), 136–153.
- Leont'ev, D. A. (2010). Lichnost' v nepredskazuemom mire [Personality in an Unpredictable world]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 5(3), 120–140.
- Leont'ev, D. A. (2011). Novye orientiry v psikhologii: ot neobhodimogo k vozmozhnomu [New Guidelines in Psychology: From Necessary to Possible]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psikhologii], 1, 3–43.
- Leont'ev, D. A. (2019). Chelovek i zhiznenny mir: ot ontologii k fenomenologii [Human Being and Lifeworld: From Ontology to Phenomenology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology], 15(1), 25–34.
- Leont'ev, D. A., Shil'manskaya, A. E. (2019). Chelovek i zhiznenny mir: ot ontologii k fenomenologii [The Life Position of the Individual: From Theory to Operationalization]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1, 90–100.
- Mamardashvili, M. (1996). Neobhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu [The Necessity of Self. Introduction to Philosophy]. In *Doklady, stat'i, filosofskie zametki* [Reports, Articles, Philosophical Notes]. M.: Labirint.
- Olport, G. (2002). *Stanovlenie lichnosti: izbrannyye trudy*. [Personality Formation: Selected Works]. Moskva.: Smysl.
- Podd'yakov, A. N. (2009). Tipy sootnosheniy integratsii i differentsiatsii v razvivayushchikhsya sistemakh [Types of Relations of Integration and Differentiation in Developing Systems]. In *Teoriya razvitiya: differentsionno-integratsionnaya paradigma* [Development Theory: Differential-integration Paradigm] (pp. 91–102). M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Rubinshteyn S. L. (1973). *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. M.: Pedagogika.

- Rubinshteyn, S. L. (2000). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. SPb: Piter.
- Rubinshteyn, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and the World]. M.: Piter.
- Rueger, S. Y., George, R. (2016). Indirect Effects of Attributional Style for Positive Events on Depressive Symptoms through Self-Esteem in Early Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. DOI: 10.1007/s10964-016-0530-2
- Rueger, S. Y., Malecki, C. K. (2011). Effects of Stress, Attributional Style and Perceived Parental Support on Depressive Symptoms in Early Adolescence: A Prospective Analysis. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 40, 347–359.
- Ryabikina, Z. I., Fomenko, G. Yu. (2010). Lichnost' v professii: teoretiko-empiricheskaya interpretatsiya v kontekste sub'yektnogo i sobyitiynogo podkhodov [Personality in Profession: Theoretical and Empirical Interpretation in the Context of Subjective and Event Approaches]. In *Sotsial'naya psikhologiya truda teoriya i praktika* (pp. 82–101) [Social Psychology of Labor Theory and Practice]. Moskva: IP RAN.
- Ryabikina, Z. I., Znakov, V. V. (Eds) (2016). *Lichnost' i bytiye: chelovek kak sub'yekt sotsiokul'turnoy real'nosti* [Personality and Being: Man as a Subject of Socio-Cultural Reality]. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t.
- Ryabikina, Z. I. (2005). Lichnost' kak sub'yekt formirovaniya bytiynykh prostranstv [Personality as a Subject of the Formation of Living Spaces]. In *Sub'yekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, Personality and Psychology of Human Being] (pp. 45–57). Moskva: IPRAN.
- Shipovskaya, V. V., Guseynov, A. Sh. (2018). Lichnostnaya bespomoshchnost' kak faktor viktimizatsii sub'yekta [Personal Helplessness as a Factor in Victimization of an Actor]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 12, 137–140.
- Shipovskaya, V. V., Guseynov, A. Sh. (2020). Predstavleniye o vremennoy perspektive kak ekzistentsial'nom resurse lichnosti pri preodolenii protivorechiy povsednevnosti [The Notion of Time Perspective as an Existential Resource for the Individual in Overcoming the Contradictions of Everyday Life]. In *Sposobnosti i mental'nyye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Human Abilities and Mental Resources in the World of Global Changes] (pp. 1000–1009). Moskva: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Yaspers K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and Purpose of History]. M.: Politizdat.
- Zhuravlev, A. L., Barabanshchikov, V. A., M. I. Volovikova, M. I. (Eds) (2009). *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 1. Kompleksnyy i sistemnyy podkhody v issledovaniyakh psikhologii cheloveka. Lichnost' kak sub'yekt zhiznennogo puti* [Psychology of Man in the Modern World. Vol. 1. Complex and Systemic Approaches in the Study of Human Psychology. Personality as a Subject of Life Path]. In *Materialy Vserossiyskoy yubileynoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshteyna, 15–16 oktyabrya 2009 g.* [Proceedings of the All-Russian Jubilee Scientific Conference Dedicated to the 120th Anniversary of S. L. Rubinstein] Moskva: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Zhuravlev, A. L., Sergiyenko Ye. A. (2018). *Razrabotka ponyatiy sovremennoy psikhologii* [Development of Concepts of Modern Psychology]. Moskva: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Zhuravlev, A. L., Yurevich, A. V. (Eds) (2018). *Psikhologicheskoye znaniye: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Psychological Knowledge: Current State and Development Prospects]. Moskva: IPRAN.
- Znakov, V. V. (1989). Ponimaniye voynami-internatsionalistami situatsiy nasiliya i unizheniya chelovecheskogo dostoinstva [Internationalist Soldiers' Understanding of Situations of Violence and Humiliation of Human Dignity]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psikhologicheskii zhurnal], 10(4), 113–124.
- Znakov, V. V. (2017). Novyy etap razvitiya psikhologicheskikh issledovaniy sub'yekta [A New Stage in Psychological Research Of The Subject]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2, 3–16.

Znakov, V. V. (2020). *Psihologiya vozmozhnogo* [Psychology of the possible]. M.: Kogito-Centr.
Znakov, V. V., Ryabikina, Z. I. (2017). *Psihologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of Human Existence]. Moskva: Smysl.

Received 15.02.2022

Accepted 12.03.2022

For citation: Shipovskaya V.V., Guseinov A. Sh. Fluctuations of Personality Subjectivity in the Context of Helplessness and Overcoming.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 114–132.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

САМООРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМ ЛИЧНОСТНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СО-БЫТИЙНОСТИ

С. Н. Петросьян, З. И. Рябикина

Петросьян Светлана Николаевна
Международный инновационный университет, Сочи, ул. Орджоникидзе, д. 10а, 354000, Россия.

Эл. почта: svpet@mail.ru. ORCID 0000-0003-4627-2733.

Рябикина Зинаида Ивановна

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия.

Эл. почта: z.ryabikina@yandex.ru. ORCID 0000-0001-7396-0115.

Аннотация. В продолжение идей диалогического (М. Бубер), структурно-динамического (Б. Д. Парыгин) и субъектно-бытийного (З. И. Рябикина) направлений, с построением методологии исследования на принципах синергетики, нами был разработан субъектно-динамический подход к исследованию личности, акцентирующий роль систем личностного позиционирования в процессах развития субъектности. Такие онтогенетически обусловленные системы возникают в пространстве со-бытийности и являются одновременно процессом и результатом взаимодействия человека и мира. Самоорганизация систем личностного позиционирования развивается в направлении четырех векторов: инфантильного, агрессивного, саботирующего, могущественного. Так как данные системы определяют типичный характер и направленность активности субъекта, мы предложили назвать их типом субъектной активности. Исследование стало возможным благодаря разработке диспозиционной модели структуры субъектной активности и созданной на основе этой модели методики «Личностный профиль субъектной активности». Методика тестирует профиль субъектной активности как индивидуальное динамическое системное образование. Факторизация данных методики позволила выявить совокупности личностных позиций в качестве сквозных организующих принципов, или типов. Система позиционирования незрелых типов субъектной активности (инфантильного, агрессивного, саботирующего) препятствует подлинной самоактуализации. Система позиционирования могущественного типа субъектной активности определяет формирование такой системы как нацеленной на самореализацию и самоосуществление субъекта.

Ключевые слова: со-бытийность, личностное позиционирование, тип субъектной активности, динамическая система, самоорганизация.

Введение

Современная психология стоит на пороге значимых парадигмальных сдвигов, связанных с пониманием психики человека как открытой динамической системы, подверженной процессам самоорганизации.

Если классический детерминизм опирается на логику последовательного линейного мышления (И. Ньютон, Р. Декарт), неклассический детерминизм — на логику вероятностного мышления, где элементы системы связаны отношениями взаимной зависимости (А. Эйнштейн), то постнеклассический этап развития науки (термин В. С. Стёпина) ориентирован на поиск системных схем описания, подразумевающих способность к самоорганизации и саморазвитию (Г. Хакен, И. Пригожин, М. Фейгенбаум и др.). Формирование синергетического мировоззрения приравнивается многими авторами к научной революции (В. Крон, Дж. Кюпперс, Н. Н. Моисеев, Х. Новотны, Э. Тоффлер и др.). По оценке И. Пригожина и И. Стенгерс, «жизнь предстаёт перед нами как высшее проявление происходящих в природе процессов

самоорганизации». Синергетическая концепция как «возникновение порядка из хаоса» фактически определяет новый способ детерминизма и новую картину мира.

Но при активном проникновении синергетического мировоззрения в различные области наук, перспективы аппликации идей самоорганизации на социально-гуманитарную сферу остаются неясными. Более того, активно дискутируется вопрос о правомерности применения синергетических гипотез в психологии, и даже самой возможности исследований психологических феноменов в синергетической парадигме. Такое положение, на наш взгляд, связано с отсутствием верифицированных синергетических идей, объективированных в экспериментальной практике психологического исследования.

Теоретико-методологическое обоснование исследования

В программной монографии «Personality Theories: Basic Assumptions, Research and Applications» (First published January 1, 1975) Л. Хьелл и Д. Зиглер пришли к выводу, что теории личности представляют собой «организованные попытки продвинуться в нашем понимании поведения человека с точки зрения психологии» и «фокусируются на шести самостоятельных аспектах поведения человека: структуре, мотивации, развитии, психопатологии, психическом здоровье и изменении поведения посредством терапевтического воздействия» (Хьелл, Зиглер, 2008). При этом классическое видение личности оперирует статическими «срезовыми» описаниями, например, такими как паттерн поведения, или статически же иерархически выстроенными структурами: потребностей, ценностей и т.д.

Подход, объединяющий статическую и динамическую схемы личности был предложен основателем философско-социологического направления отечественной социальной психологии Д. Б. Парыгиным. Жизненное развитие личности, формирование личностных структур рассматривается им как «процесс взаимодействия и диалектического противоборства с социальной средой, в ходе которого личность, изначально порожденная социальными факторами, выстраивает свою автономию и реализует свой неповторимый индивидуальный духовный потенциал» (Mironenko, 2018). Парыгин считает, что личность как целостное понятие характеризует человека как объекта и субъекта биосоциальных отношений, включая его универсальные, социально-специфические и индивидуально-уникальные характеристики. То есть человек является одновременно объектом и автором социальных взаимодействий и взаимоотношений. При этом личность обладает тем большей автономностью, чем выше уровень ее развития (Парыгин 2010).

В произведениях Парыгина личность как единство ее межличностного (социального) и внутриличностного (субъективного) является тем центром, к которому сходятся основные линии анализа. Эта схема направлена на осмысление механизмов совместного функционирования всех структурных слоев личности.

Функцию регуляции когнитивных, эмоциональных и мотивационных процессов, а также поведения, по Парыгину, выполняет психическое состояние личности в данный период времени.

По мнению И. Мироненко (Mironenko, 2018), сходное видение личности, прежде всего как бытия, погруженного в контекст социальных взаимодействий и отношений, разделяет с Д. Парыгиным американский психолог П. Джордано, который считает, что целостную личность лучше всего понимать как процесс, а не как структуру. С этой точки зрения самым важным является анализ *становления*, динамики и но-

визны личностных образований (Giordano, 2015). По словам Джордано, пониманию личности в контексте актуального для психологов вопроса о том, «как конкретный человек поведет себя в жизненных обстоятельствах», препятствует преобладающая господствующая точка зрения, концептуализирующая личность как совокупность структур, таких как черты характера или «я» («...insightin to individual personalities is hampered by the prevailing mainstream Western perspective conceptualizing personality as comprised of structures, such as traits or selves») (Giordano, 2015, p.758). Этот подход справедливо назван Джордано «атомистическим», поскольку он основан на рассмотрении личности и социального контекста как изначально отдельных образований.

Классическому структурному («западному») подходу к личности, который Джордано связывает с философией Сущего (Being), он противопоставляет свойственный философии «Востока» подход, связанный с пониманием мира в его становлении (Becoming).

Как и Парыгин, Джордано рассматривает личность как сущность, находящуюся в состоянии становления. Развитие личности оценивается как восхождение от усвоения социальных моделей к автономии и самореализации.

Подобное же видение личности нашло свое отражение в одном из современных направлений исследования личности — психологии субъекта. Субъект как категория объединяет множественность психологических феноменов фактом единого управляющего созидательного начала в человеке, направленного на преобразования себя и мира, в котором он живет.

Порождающий характер психики и субъектная (преобразующая) направленность человека стали основными направлениями в переосмыслении предмета психологической науки и феноменологии личности (Рябикина, 2013), что создает возможность постнеклассической интерпретации личности как саморазвивающейся системы с акцентами на особой ценности субъективного опыта и свойственной человеку направленности на конструирование мира.

В субъектно-бытийном подходе (в продолжение идей Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, и др.), Человек (субъект) и Мир (бытие) мыслятся как взаимообусловленная дуальность, связанная отношениями взаимной детерминации.

Бытие человека рассматривается как «реальность, отнесенная к характеристикам субъекта, т.е. реальность, выступающая следствием этих характеристик. При этом оно (личностное бытие, бытие конкретного человека) наступает, когда человек как личность вступает в отношения с внешней реальностью» (Рябикина, 2013). Со-бытийность в рамках данного подхода исследуется как степень согласованности внутренних смыслов, ценностей и ориентаций партнеров в их бытии (А. Р. Тиводар, Г. Г. Танасов и др.).

Однако поведение человека не всегда связано с реализацией духовного потенциала, а иногда прямо противоречит собственным мировоззренческим установкам личности. Такие «странности» поведения субъектов активно изучались и продолжают изучаться в рамках психоаналитического направления, в исследованиях сценарного поведения и др.

Мы предлагаем рассматривать субъектное и личностное как двуединство психических процессов, различающихся функционально, где субъект является носителем внутренней целостности и изначальной активности (содержание), а личностное предстает как конкретные формы проявления активности субъекта. В этом случае

мы возвращаемся к изначальному значению слова «persona»: по К. Г. Юнгу, маска, роль, личина — типичная роль, свойственная людям в целом.

Рольевые цели и ценности могут противоречить субъектным целям и ценностям, например, в брачных отношениях, имея одинаковое желание построить счастливую жизнь, люди разводятся с общеизвестной житейской формулировкой «не сошлись характерами».

Взаимное позиционирование (например, в дихотомии «власть — подчинение») во многом предопределяет характер и динамику развития отношений. Если оба субъекта позиционируют себя в качестве властных, самый вероятный прогноз динамики их отношений — конфликт.

В этом случае — случае несовпадения субъектных и рольевых ценностей и целей, а также огромной роли личностных (ролевых) образований в жизни человека — закономерно встает вопрос о том, как формируется система личностного позиционирования и существуют ли общие закономерности, определяющие формирование такой системы.

Рассмотрение личности в рамках синергетической парадигмы как нового способа мышления дает возможность фокусироваться на изучении и понимании организационных принципов, лежащих в основании формирования динамических структур, являющихся одновременно процессом и результатом взаимодействия человека и мира. Эти динамические причинно-следственные структуры (как детерминанты человеческого поведения) предвидел А. Бандура, называя их *personal determinants* или *dynamic personal factors* (Bandura, 1999).

В настоящее время ведется активный поиск новых методологических основ исследования личности в контексте возможности внедрения синергетических понятий на психологическое поле (Valsineretal, 2002; Valsineretal, 2006; Valsineretal, 2009; Valsiner, 2017; Nowaketal, 2005; Satoetal, 2009; Richardsonetal, 2014; Kuper et al., 2020 и др.).

По словам В. Мунгалова, «следуя за логикой постнеклассического взгляда на человека, которая заявляет об исследовании сложных открытых самоорганизующихся систем, мы видим, что человек проявляет свою открытость, вступая во взаимодействие с окружающим миром. *Взаимодействие — общий принцип функционирования психологического пространства*» (Мунгалов, 2012).

Пространство со-бытийности — это пространство диалога (центрация на взаимодействии), в котором фигурируют два и более субъекта, пространство взаимодействия и отношений, в котором формируется личность и развивается субъектность. Это уже не пространство экспансии субъекта в мир, но пространство взаимосвязей и взаимовлияний, «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине» (Бурдьё, 1993).

Позиции, занимаемые субъектом, становятся точками проявления субъектной активности, во многом предопределяя характер и направленность такой активности.

В свете синергетической гипотезы, пространство (со-бытийности) как некая однородная «среда», где присутствует возможность получения обратных связей, необходимых для объективации субъективного и формирования процессов самоорганизации, с неизбежностью выступает как носитель будущих структурных форм организации. То есть пространство со-бытийности предполагает возникновение

динамических (адаптивных) систем, в которых запоминание информации (накопление опыта) выражается в изменении структуры системы.

Поэтому закономерен переход от описания уже стабильно существующего в личности к выявлению личностных конструктов, формирующихся онтогенетически, влияющих на поведение и способных объяснить поведение, а следовательно, обладающих прогностической валидностью

Мы предположили, что онтогенетически обусловленными формами организации субъектной активности являются системы личностного позиционирования, различающиеся по своей направленности и цели (траектории системы), где позиции в отношениях задают характер и направленность активности субъекта.

Многообразие личностного позиционирования в пространстве со-бытийности самоорганизуется в структуры с «набором» определенных личностных позиций, которые представляют собой одновременно упорядочивание и уменьшение степеней свободы системы. Такие структурные образования, или «моды» (устойчивые равновесные состояния системы), мы предложили назвать типом субъектной активности, поскольку они являются онтогенетически обусловленными формами организации субъектной активности. Формируясь в пространстве со-бытийности, такие структуры продолжают существование в индивидуальном субъектно-бытийном поле, транслируются во внешний мир и «пытаются организовать его» согласно своим смыслам.

Тип субъектной активности представляет собой одновременно процесс — онтогенетическую последовательность в освоении определенных личностных позиций в отношениях, характерных для этапов возрастного развития, и результат — итоговую структуру предпочитаемого личностного позиционирования.

С целью выявления типов субъектной активности на основании измеряемых критериев, в рамках диалогического подхода (М. М. Бахтин, М. Бубер, Э. Гуссерль, Г. Херманс, А. Шюц и др.), субъектно-бытийного подхода к исследованию личности (З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожигова, А. Ш. Гуссейнов и др.) и др. нами была разработана методика «Личностный профиль субъектной активности», которая тестирует профиль субъектной активности как индивидуальное динамическое системное образование: иерархически организованную систему личностного позиционирования в отношениях Я — Мир, Я — Ты, Я — Они, определяющую характер и направленность активности субъекта.

Факторизация шкал методики, выполненная на достаточном количестве испытуемых, позволяет выявить наиболее общие совокупности личностных позиций уже в качестве сквозных организующих принципов, или типов (типическое динамическое системное образование), где такая совокупность личностных позиций может быть представлена в виде структуры типа.

При построении методики мы опирались на разработанную нами *модель диспозиционной структуры субъектной активности*, которая описывает иерархически организованную систему личностного позиционирования, построенную на принципе биполярности (активность / пассивность).

Если рассматривать динамику возрастного развития с точки зрения расширения бытийности человека, то по мере прохождения возрастных стадий развития личность как субъект осваивает позиции в отношениях Я — Мир (досознательный уровень), Я — Ты (уровень межличностных отношений), Я — Они (уровень отношений внутри группы). Такая система формируется последовательно по мере

прохождения этапов онтогенеза от самых ранних стадий (пренатальный период развития) до возрастного периода вхождения в активную социальную жизнь (младший школьный возраст).

Позиция в отношениях, например, властная или подчиненная, будучи интегральным образованием, во многом определяет способ восприятия партнера по отношениям, модель поведения, процессы целеполагания и смыслообразования.

Системы личностного позиционирования формируются в ходе прохождения возрастных циклов в значимых со-бытийных диадах с условными «активным — пассивным» полюсами. Одна из позиций личностью присваивается, а другая интроецируется как позиция условного партнера.

Мы предлагаем назвать данную оппозицию диспозицией. Такое название предполагает наличие двух противоположных полюсов позиционирования, имманентно одновременно присутствующих в психике индивида, с одной стороны, и готовность реагировать и вести себя определенным образом (классическое понимание термина «диспозиция» в психологии), с другой стороны.

Устойчивая позиция реагирования, оформившаяся и закрепившаяся во взаимодействии со-бытийной диады (например, Мать — Дитя), в дальнейшем трансформируется в личностную (ролевую) позицию. То есть личность начинает строить поведение исходя из привычных позиций реагирования. В этом смысле в контексте нашего исследования мы используем термины «позиция реагирования» и «личностная позиция» как однопорядковые с той разницей, что «позиция реагирования» в большей степени относится к начальному опыту взаимодействия или отношений, преимущественно ориентированному на внешний источник, названный С. Л. Рубинштейном (2012) ситуацией «Мир во мне». Личностная позиция является уже устойчивым признаком и экспансируется личностью в поле взаимодействия или отношений (ситуация «Я в Мире»).

Таким образом, мы предлагаем рассматривать единицей анализа системы личностного позиционирования не отдельное качество, а дуальность (активность / пассивность), связанную отношениями диалектического взаимодействия. Такой подход подразумевает, что сам принцип развития изначально включен в систему, которая строится посредством не теоретических статичных «блоков», а динамических взаимообусловленных единиц.

Кроме того, такая диспозиционная единица является сценарной, определяя готовность индивида включиться в ролевую игру с точки зрения определенной личностной позиции.

Позиции, закрепившиеся в качестве доминантных (Ухтомский, 2020), формируют личностный профиль субъектной активности, который отражает готовность личности занимать определенные позиции в отношениях и выстраивать собственную активность, исходя из таких позиций.

Модель диспозиционной структуры субъектной активности позволяет увидеть, как возникает и закрепляется личностный ответ на внешнюю ситуацию развития.

Описание методики «Личностный профиль субъектной активности»

В состав методики входят 220 вопросов, которые группируются в шкалы, соответствующие со-бытийным позиционным дихотомиям, организованным на принципе биполярности: *Базовая агрессия — Базовый страх* уничтожения, *Равнодушие — Ненужность*, *Жестокость* (вторжение) — *Инфантилизм* (беззащитность),

Власть — Подчинение, Контроль — Подконтрольность, Обвинение — Вина, Судья — Подсудность, Могущество — Нemoцность. Также в опросник введены две шкалы, отражающие особенности реагирования на властную и контролирующую позиции в дихотомиях *Власть — Саботирующее подчинение* и *Контроль — Саботирующая подконтрольность*, где саботирование представляет собой скрытое противоборство воле и намерениям другого человека.

Предлагаемая последовательность шкал отражает процесс формирования предпочитаемого личностного позиционирования в отношениях с Другим(и), что связано с такими темами возрастного развития, как: базовая направленности личности к Миру либо от Мира; установка на сопричастность Миру или изолированность от Мира; появление границ личности, выделение себя из Мира; формирование воли и произвольного поведения; формирование нравственного сознания; формирование общественного сознания и социальной состоятельности.

Проведенная валидизация методики продемонстрировала основные психометрические показатели надежности и валидности на достаточном уровне: внутренняя согласованность «альфа — Кронбаха» от 0,737 до 0,917, ретестовая надежность от 0,517 до 0,715 (Петросьян и др., 2021а).

Исследование ретестовой надежности профиля субъектной активности методом Q-корреляций показало, что в большинстве случаев естественная вариативность отдельных шкал в динамике происходит при неизменности интегральной формы личностного профиля (средний коэффициент корреляции 0,792). Такая устойчивость свидетельствует в пользу того, что личностный профиль субъектной активности может рассматриваться в качестве константной личностной характеристики (Петросьян и др., 2021а).

Результаты исследования

В результате факторизации шкал методики «Личностный профиль субъектной активности» ($n = 958$) (Петросьян и др., 2021а; Петросьян и др., 2021b) было выделено четыре совокупности тесно связанных между собой личностных позиций (или четыре типа субъектной активности), где такая совокупность позиций может быть представлена в виде структуры типа:

1) *инфантильно-жертвенный тип* (соответствует первому фактору, имеющему высокие нагрузки по следующим шкалам методики: *Инфантилизм* (0,807), *Вина* (0,804), *Подконтрольность* (0,782), *Подчинение* (0,780), *Нemoцность* (0,748), *Подсудность* (0,704), *Базовый страх* (0,605);

2) *агрессивно-жестокый тип* (второй фактор, высокие нагрузки по шкалам: *Базовая агрессия* (0,811), *Ненужность* (0,684), *Жестокость* (0,663), *Базовый страх* (0,618), *Обвинение* (0,568);

3) *саботирующий тип* (третий фактор, высокие нагрузки по шкалам: *Саботирующая подконтрольность* (0,759), *Саботирующее подчинение* (0,634), *Равнодушие* (0,565);

4) *могущественный тип* (четвертый фактор, высокие нагрузки по шкалам: *Могущество* (0,817), *Судья* (0,784), *Контроль* (0,702), *Власть* (0,589).

Так как внутри каждого из выделенных факторов существуют совокупности, «сгустки» тесно связанных между собой переменных, это может свидетельствовать о том, что характер прохождения предыдущих этапов возрастного развития (выраженность ранних личностных позиций) может оказывать влияние на характер проживания последующих стадий возрастного развития (выраженность

последующих личностных позиций). Таким образом, алгоритмы формирования систем личностного позиционирования реализуются в зависимости от выраженности первых двух диспозиций (психофизиологических) досознательного уровня формирования.

Выраженность позиции *Базовый страх* в дальнейшем препятствует выходу из состояния слияния, не давая отрываться от «защитника», предопределяя выраженность позиции *Инфантилизма*, зависимый тип отношений и дальнейшее движение по пассивным личностным позициям (реагирования) — *Подчинения*, *Подконтрольности*, *Вины*, *Подсудности* с выходом в *Немощность*.

Выраженность диспозиции *Базовая агрессия* — *Базовый страх* ведет к амбивалентности переживаний, отвечающих за базовую безопасность, поддерживает хроническую стрессовую реакцию, что ведет к выраженности позиции *Ненужность*, так как любой сигнал отстранения или приближения матери драматизируется, и затем к выходу в позицию *Жестокость*, где личность «застревает», постоянно готовая к обороне, нападающая, раздираемая эмоциями и не имеющая ресурса для дальнейшего развития, из последующих позиций выходя лишь на позицию *Обвинения*.

Выраженность позиции *Равнодушие* ведет к устойчивому реагированию в позициях *Саботирования* власти и контроля без дальнейшего движения к подлинной самореализации, которая здесь подменяется препятствованием к внешним влияниям за счет незаинтересованности людьми, миром и повышенным чувством самостийности.

Сбалансированность (невыраженность) начальных позиций предопределяет движение личности к выходу в позицию *Могущество* через позиции *Власти*, *Контроля* и *Судьи* — позиции, позволяющие наметить цели и продвигаться к их осуществлению. Показатели позиции *Контроля* как «мониторинга достижения цели» в этой совокупности факторов самые высокие.

В целом можно отметить, что полученная матрица факторных нагрузок имеет простую, легко интерпретируемую структуру. Для первого фактора (инфантильный тип субъектной активности) характерна выраженность исключительно пассивных личностных позиций, для второго фактора (агрессивный тип) характерна выраженность как пассивных, так и активных позиций, для третьего фактора (саботирующий тип) характерны позиции пассивного сопротивления, для четвертого фактора (могущественный тип) характерны исключительно активные личностные позиции.

Типы субъектной активности представляют собой аттракторы, или траектории развития систем личностного позиционирования. Аттракторы являются «относительно устойчивыми структурами динамической системы, которые притягивают к себе всевозможные траектории элементов системы, направляя их движение и эволюцию в определенном направлении», другими словами, «наименьшим множеством, к которому стремится траектория типичной начальной точки» (Milnor, 1985).

То есть аттрактор существует как некий алгоритм развития системы, где начальная функциональная точка развития системы (позиции *Базовый страх*, *Базовая агрессия*, *Равнодушие*, *Власть*) задает движение системы по определенной оси и предопределяет конечную функциональную точку развития системы (позиции *Немощность*, *Обвинение*, *Саботирующее подчинение*, *Могущество*).

Незрелые типы субъектной активности — инфантильный, агрессивный, саботирующий — являются устойчивыми состояниями динамической системы, направленными на сохранение такой системы. Другими словами, поведение, обусловленное

инфантильным, агрессивным и саботирующим способом позиционирования направлено на адаптацию и самосохранение человека в мире, который воспринимается как враждебный (что объясняется наличием в структуре типа позиций, обусловленных первичными защитными психофизиологическими реакциями страха, агрессии, дистанцирования).

Невыраженность стрессового позиционирования ранних этапов онтогенетического развития приводит к самоорганизации личностного позиционирования в аттракторе *Власть, Контроль, Судья, Могущество*. Такое позиционирование направлено на постановку желаемой цели (*Власть*), контроль за продвижением к цели (*Контроль*), формирование собственных суждений (*Судья*) и выход на способность к самореализации в социуме (*Могущество*).

Незрелые типы субъектной активности, главной целью имеющие самосохранение во враждебном мире, не нацелены на подлинную самоактуализацию. Такое защитное позиционирование вслед за Парыгиным (2010) мы можем назвать «панцирем черепахи», одновременно защищающим личность, но и препятствующим реализации субъектности.

Зрелый, могущественный тип субъектной активности, не имея в своем основании устойчивого защитного позиционирования ранних этапов онтогенеза, формируется как система, нацеленная на самореализацию и самоосуществление.

Выводы

1. Самоорганизация систем личностного позиционирования в пространстве со-бытийности развивается в направлении четырех векторов: инфантильного (от *Базового страха* к *Немощности*), агрессивного (от диспозиции *Базовая агрессия / Базовый страх* к *Обвинению*), саботирующего (от *Равнодушия* к саботирующим позициям), могущественного (от *Власти* к *Могуществу*). Такие пути самоорганизации личностного позиционирования мы предложили назвать типом субъектной активности, так как данные системы предопределяют типичный характер и направленность активности субъекта.

2. Система позиционирования незрелых типов субъектной активности (инфантильного, агрессивного, саботирующего) обслуживает потребность самосохранения личности в мире, воспринимаемом как враждебный, и препятствует подлинной самоактуализации. Система позиционирования могущественного типа субъектной активности не включает раннее позиционирование защитного характера, что определяет формирование такой системы как нацеленной на самореализацию и самоосуществление субъекта.

3. Позиционные составляющие каждого из типов, будучи своего рода бифуркационными точками, позволяют осуществлять адресное терапевтическое вмешательство с целью изменения системы личностного позиционирования и приближения таковой к позиционированию могущественного типа, что связано с возможностью более полной самореализации личностью своего духовного потенциала.

Библиографический список

- Бубер, М. (1995). *Два образа веры*. Москва: Республика.
- Бурдье, П. (1993). *Социология политики*. Москва: Socio-Logos.
- Журавлев, А. Л., Мироненко, И. А. (2012). Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии. *Психологический журнал*, 33(5), 28–38.

- Журавлев, А. Л., Мироненко, И. А. (2016). Вклад Бориса Дмитриевича Парыгина в развитие отечественной социальной психологии. *Социальная и экономическая психология*, 1(3), 4–23.
- Знаков, В. В. (2019). Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта. *Психологический журнал*, 40(5), 27–34, DOI: 10.31857/S020595920006073-6
- Знаков, В. В., Рябикина, З. И. (2017). *Психология человеческого бытия*. Москва: Смысл.
- Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. (1994). *Законы эволюции и самоорганизации сложных систем*. Москва: Наука.
- Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. (2002). *Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомеры*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Мунгалов, В. Н. (2012). Психологические пространства человека. *Сибирский психологический журнал*, 45, 104–111.
- Парыгин, Б. Д. (1999). *Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории*. Санкт-Петербург: ИГУП.
- Петросьян, С. Н., Рябикина, З. И. (2020). Типы субъектной активности: субъектно-бытийный подход. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами*. (с. 54–57) Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Петросьян, С. Н., Рябикина, З. И., Губанова, Н. Ю., Симаворян, С. Ж. (2021). Стандартизация методики «Личностный профиль субъектной активности». Научные исследования и разработки. *Социально-гуманитарные исследования и технологии*, 10(3), 45–56. DOI: 10.12737/2306-1731-2021-10-3-45-56
- Петросьян, С. Н., Рябикина, З. И., Губанова, Н. Ю. (2021). Структурная валидность методики «Личностный профиль субъектной активности». *Гуманизация образования*, 1, 41–58. DOI: 10.24411/1029-3388-2020-10148
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
- Рябикина, З. И. (2013). Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 6–19.
- Сергиенко, Е. А. (2013). Проблема соотношения понятий субъекта и личности. *Психологический журнал*, 34(2), 5–16.
- Ухтомский, А. (2020). *Доминанта*. Москва: АСТ.
- Hjelle, L., Ziegler, D. (1981). *Personality Theories. Basic Assumptions, Research, and Applications*. New York: McGraw-Hill.
- Allport, G. (1937). *Personality: A Psychological Interpretation*. New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Bandura, A. (1999). A social Cognitive Theory of Personality. In L. Pervin & O. John (Ed.), *Handbook of Personality* (pp. 154–196). New York: Guilford Publications.
- Giordano, P. (2015). Being or Becoming: Toward an Open-System, Process-Centric Model of Personality. *Integrative psychological & Behavioral Science*, 49. DOI:10.1007/s12124-015-9329-z
- Giordano, P. J. (2017). Individual Personality is Best Understood as Process, not Structure: A Confucian Inspired Perspective. *Culture & Psychology*, 23(4), 502–518.
- Kuper, N., Modersitzki, N., Phan, Le Vy & Rauthmann, J. (2020). The Dynamics, Processes, Mechanisms, and Functioning of Personality: An Overview of the Field. *British Journal of Psychology*, 112, DOI: 10.1111/bjop.12486.
- Milnor, J. (1985). On the Concept of Attractor. *Communications in Mathematical Physics*, 99, 177–195.
- Mironenko, I. A. (2018, February/June). Personality as a Social Process: Where Peter Giordano meets Boris Parygin. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 52(4). DOI: 10.1007/s12124-018-9417-y
- Nowak, A., Vallacher, R. & Zochowski, M. (2005). The Emergence of Personality: Dynamic Foundations of Individual Variation. *Developmental Review*, 25, 351–385. DOI: 10.1016/j.dr.2005.10.004

- Richardson, M. J., Dale, R., & Marsh, K. L. (2014). Complex Dynamical Systems in Social and Personality Psychology: Theory, Modeling, and Analysis. In H. T. Reis, & C. M. Judd (Eds) *Handbook of Research Methods in Social and Personality Psychology* (pp. 253–282). Cambridge University Press.
- Sato, T., Hidaka, T., Fukuda, M. (2009). Depicting the Dynamics of Living the Life: The Trajectory Equifinality Model. In *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences* (pp.217–240). New York: Springer.
- Vallacher, R. R., Read S. J. & Nowak A. (2002). The Dynamical Perspective in Personality and Social Psychology. *Personality and Social Psychology Review*, 6, 264–263. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0604_01
- Valsiner, J. & Sato, Tatsuya. (2006). Historically Structured Sampling (HSS): How Can Psychology's Methodology Become Tuned in to the Reality of the Historical Nature of Cultural Psychology? DOI: 10.14361/9783839402344-010.
- Valsiner, J. (2009). Integrating psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43(1), 1–21.
- Valsiner, J. (2017). *Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key*. Tallinn: TLU Press

Статья поступила в редакцию 11.02.2022
Статья принята к публикации 15.03.2022

Для цитирования: Петросьян С. Н., Рябикина З. И. Самоорганизация систем личностного позиционирования в пространстве со-бытийности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 133-145.

SELF-ORGANIZATION OF PERSONAL POSITIONING SYSTEMS IN THE SPACE OF CO-EXISTENCE

S. N. Petrosyan, Z. I. Ryabikina

Svetlana N. Petrosyan,
International Innovation University, Ordzhonikidze St., 10a, Sochi, 354000, Russia.
E-mail: svpet@mail.ru. ORCID 0000-0003-4627-2733.

Zinaida I. Ryabikina,
Kuban State University, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040,
Russia.
E-mail: z.ryabikina@yandex.ru. ORCID 0000-0001-7396-0115.

Abstract. Developing the ideas set forth by M. Buber, B. D. Parygin, Z. I. Ryabikina, respectively, and establishing the research methodology on the principles of synergy, we worked out a subject-dynamic approach to studying personality which emphasizes the role of personal positioning systems in the processes of subjectivity development. These ontogenetically determined systems emerge occur within the space of co-existence, and are simultaneously the process and the result of the human-world interaction. Self-organization of personal advances in the direction of four vectors: Infantile, Aggressive, Sabotaging, Powerful. As the given systems predetermine the typical character and orientation of a subject's activity, we offered to qualify them as types of subjective activity. The research became possible due to the development of "The Dispositional Model of the Structure of Subjective Activity" and "The Personal Profile of Subjective Activity" inventory method created on the basis of the above-mentioned Model. This inventory method tests the profile of subjective activity system as an individual systemic formation. Factorization of these techniques makes it possible to identify allowed to reveal sets of personal orientations as cross-cutting organizing principles, or types. The system of positioning immature types of agentive activity (Infantile, Aggressive, Sabotaging) prevents genuine self-actualization. The system of positioning of the Powerful Mighty subjective activity establishes the formation organization of such system as one that is aimed at the self-realization and self-actualization of the subject.

Keywords: co-existence, personal positioning, type of subjective activity, dynamic system, self-organization.

DOI 10.31429/26190567-23-1-133-145

References

- Allport, G. (1937). *Personality: A Psychological Interpretation*. New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Bandura, A. (1999). A Social Cognitive Theory of Personality. In L. Pervin & O. John (Ed.), *Handbook of Personality* (pp. 154–196). New York: Guilford Publications.
- Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow: Socio-Logos.
- Buber, M. (1995). *Dva obraza very* [Two types of faith]. Moscow: Respublika.
- Giordano, P. (2015). Being or Becoming: Toward an Open-System, Process-Centric Model of Personality. *Integrative psychological & Behavioral Science*, 49. DOI:10.1007/s12124-015-9329-z
- Giordano, P. J. (2017). Individual Personality is Best Understood as Process, not Structure: A Confucian Inspired Perspective. *Culture & Psychology*, 23(4), 502–518.
- Hjelle, L., Ziegler, D. (1981). *Personality Theories. Basic Assumptions, Research, and Applications*. New York: McGraw-Hill
- Knyazeva, Ye. N., Kurdyumov, S. P. (1994). *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh system* [Laws of Evolution and Self-Organization of Complex Systems]. Moskva: Nauka.
- Knyazeva, Ye. N., Kurdyumov, S. P. (2002). *Osnovaniya sinergetiki: Rezhimy s obostreniyem, samoorganizatsiya, tempomiry* [Foundations of Synergetics: Regimes with Aggravation, Self-Organization, and Temporal World]. Sankt-Peterburg: Aleteyya.
- Kuper, N., Modersitzki, N., Phan, Le Vy & Rauthmann, J. (2020). The Dynamics, Processes, Mechanisms, and Functioning of Personality: An Overview of the Field. *British Journal of Psychology*, 112, DOI:10.1111/bjop.12486
- Milnor, J. (1985). On the Concept of Attractor. *Communications in Mathematical Physics*, 99, 177–195.
- Mironenko, I. A. (2018, February/June). Personality as a Social Process: Where Peter Giordano meets Boris Parygin. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 52(4). DOI:10.1007/s12124-018-9417-y
- Mungalov, V. N. (2012). Psikhologicheskiye prostranstva cheloveka [Psychological Human Space]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 45, 104–111.
- Nowak, A., Vallacher, R. & Zochowski, M. (2005). The Emergence of Personality: Dynamic Foundations of Individual Variation. *Developmental Review*, 25, 351–385. DOI:10.1016/j.dr.2005.10.004
- Parygin, B. D. (1999). *Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. Problems of Methodology, History and Theory]. Sankt-Peterburg: IGUP.
- Petros'yan, S. N., Ryabikina, Z. I. (2020). Tipy sub'yektnoy aktivnosti: sub'yektno-bytiynyy podkhod [Types of Subjective Activity: the Subject-being Approach]. In Z. I. Ryabikina, V. V. Znakov (Eds) *Lichnost' i vyzovy sovremennosti: interpretatsiya problem razlichnymi nauchnymi shkolami* [Personality and the Challenges of Modernity: Interpretation of Problems by Different Scientific Schools] (pp. 54–57). Maykop: Adygeyskiy gos. un-t; Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t.
- Petros'yan, S. N., Ryabikina, Z. I., Gubanova, N. Yu. (2021). Strukturnaya validnost' metodiki "Lichnostnyy profil' sub'yektnoy aktivnosti" [Structural Validity of The Methodology «Personality's Agency Activity (PAA) Profile»]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of Education], 1, 41–58. DOI: 10.24411/1029-3388-2020-10148
- Petros'yan, S. N., Ryabikina, Z. I., Gubanova, N. Yu., Simavoryan, S. Zh. (2021). Standartizatsiya metodiki "Lichnostnyy profil' sub'yektnoy aktivnosti" [Standardization of the methodology "Personality's Agentic Activity (PAA) Profile"]. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya i tekhnologii* [Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology], 10(3), 45–56. DOI: 10.12737/2306-1731-2021-10-3-45-56.
- Richardson, M. J., Dale, R., & Marsh, K. L. (2014). Complex Dynamical Systems in Social and Personality Psychology: Theory, Modeling, and Analysis. In H. T. Reis, & C. M. Judd (Eds) *Handbook of Research Methods in Social and Personality Psychology* (pp. 253–282). Cambridge University Press.
- Rubinshteyn, S. L. (2012). *Chelovek i mir* [Person and World]. Sankt-Peterburg: Piter.

- Ryabikina, Z. I. (2013). Perspektivy issledovaniy lichnosti s teoretiko-metodologicheskikh pozitsiy psikhologii sub'yekta [Prospects of Investigating a Personality from Theoretical-Methodological Position of a Subject Psychology]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 3, 6–19.
- Sato, T., Hidaka, T., Fukuda, M. (2009). Depicting the Dynamics of Living the Life: The Trajectory Equifinality Model. In *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences* (pp.217–240). New York: Springer.
- Sergiyenko, Ye. A. (2013). Problema sootnosheniya ponyatiy sub'yekta i lichnosti [The Problem of Relationship Between Subject and Personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psikhologicheskii Zhurnal], 34(2), 5–16.
- Vallacher, R. R., Read S. J., Nowak A. (2002). The Dynamical Perspective in Personality and Social Psychology. *Personality and Social Psychology Review*, 6, 264–263. DOI: 10.1207/S15327957P-SPR0604_01
- Valsiner, J. & Sato, Tatsuya. (2006). Historically Structured Sampling (HSS): How Can Psychology's Methodology Become Tuned in to the Reality of the Historical Nature of Cultural Psychology? DOI: 10.14361/9783839402344-010
- Valsiner, J. (2009). Integrating psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43(1), 1–21.
- Valsiner, J. (2017). *Between Self and Societies: Creating Psychology in a New Key*. Tallinn: TLU Press
- Zhuravlev, A. L., Mironenko, I. A. (2012). Sistema nauchnykh predstavleniy B. D. Parygina v oblasti sotsial'noy psikhologii [System of B. D. Parygin's Scientific Conceptions in The Sphere of Social Psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psikhologicheskii Zhurnal], 33(5), 28–38.
- Zhuravlev, A. L., Mironenko, I. A. (2016). Vklad Borisa Dmitrievicha Parygina v razvitie otechestvennoy sotsial'noy psikhologii [Contribution of B. D. Parygin to The Development of Russian Social Psychology]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and Economic Psychology], 1(3), 4–23.
- Znakov, V. V. (2019). Dinamicheskii podkhod k issledovaniyu lichnosti i protsessual'nyi analiz v psikhologii sub'yekta [Dynamic Approach to The Research of The Personality and The Procedural Analysis in Psychology of The Subject]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psikhologicheskii Zhurnal], 40(5), 27–34. DOI: 10.31857/S020595920006073-6
- Znakov, V. V., Riabikina, Z. I. (2017). *Psikhologiya chelovecheskogo bytiia* [Psychology of Human Existence]. Moscow: Smysl.

Received 11.02.2022

Accepted 15.03.2022

For citation: Petrosyan S.N., Ryabikina Z.I. Self-Organization of Personal Positioning Systems in The Space of Co-Existence.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 133-145.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 42 тыс. знаков с пробелами (до 1,0 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journal@manag.kubsu.ru. Просим направляемые статьи дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора, ORCID автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список, а также переведенные на английский язык названия статей и рисунков.

Оформление ссылок. Автору следует оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщества группы) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи** перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабашош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration*

of *St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.

- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Oпыr biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rosyisykiy gendernyi poryadok. Sotsiologiticheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 42,000 symbols, i.e. up to 1,0 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИНЦ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), ORCID and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 406N, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (3th floor of the university new building, room 406N, open Mon – Fri, 10 am – 5 pm).

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS

The Journal accepts articles not published earlier either in English or in Russian. The manuscripts are reviewed by the members of the editorial board and editorial council, or by the invited reviewers who are acknowledged specialists in the field of science researched in the article. In case of serious contradictions between the reviewer(s) and well-based doubts of the editorial board on the publication, the manuscript can be submitted for further review.

The reviewers provide recommendations on whether to publish the paper or not. During 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to be published, (2) the article is recommended to be published after revision, (3) the article is not recommended to be published.